

№ 2 (29) 2018

КУЛЬТУРА И ОБРАЗОВАНИЕ

НАУЧНО-ИНФОРМАЦИОННЫЙ ЖУРНАЛ
ВУЗОВ КУЛЬТУРЫ И ИСКУССТВ

Выходит четыре раза в год.
Издается с 2008 года.

СОДЕРЖАНИЕ

Культурные процессы и явления

Самойлов М. А.

Понятие менталитета и попытки локализации
области его значений 5

Миронов А. С.

Либеральная интерпретация смыслов русского эпоса
в российском эпосоведении, педагогике, искусстве 15

Родионова Д. Г.

Литературно-музыкальный салон как форма организации
просветительской деятельности в России
первой половины XIX века 29

Научный дискурс гуманитаристики

Ипполитов С. С.

Гуманитарная деятельность как объект исследования:
определение, изучение, тенденции 36

Актуальные проблемы литературоведения

Неженец Н. И., Палеева Н. Н.

«Жизнь Клим Самгина» – незавершённый роман А. М. Горького 46

Степанов С. А.

Раннее творчество А. М. Горького в восприятии символистов
(к 150-летию со дня рождения писателя) 56

Калус И. В.

Мотив чуда в рассказах и повестях Алексея Котова 61

Образование в контексте современной эпохи

Глазков М. Н.

Отечественная библиотечная наука и образование
(1964–1982 годы) 70

Христидис Т. В., Мартинович Е. В.

Формирование ценностного компонента экологической культуры
специалиста социально-культурной деятельности 82

Прудникова Л. В.

Формирование навыков музыкально-пластической интонации
учащихся балетных школ в процессе воспитания
сценической выразительности 90

Технологии социально-культурного воспитания

Корбут А. А.

Научная школа Белорусского государственного университета
культуры и искусств в исследовательском гуманитарном поле
социокультурной деятельности 97

Хмара А. И., Чижиков В. М.

Современные требования к содержанию подготовки
менеджера социально-культурной деятельности 105

Пиндус В. Я.

Современные досуговые практики формирования
правовой культуры молодёжи в условиях военной службы
по призыву 115

№ 2 (29) 2018

КУЛЬТУРА И ОБРАЗОВАНИЕ

SCIENTIFIC INFORMATION JOURNAL FOR
UNIVERSITIES OF CULTURE AND ARTS

Published four times a year.

Published since 2008.

CONTENTS

The cultural processes and phenomena

Samoylov M. A.

Concept of mindset and attempts to localize the range of its values 5

Mironov A. S.

Liberal interpretation of the meanings of the Russian epos
in Russian epic studies, pedagogy, art 15

Rodionova D. G.

The literary-musical salon as a form of the organization
of educational activity in Russia in the first half
of the nineteenth century 29

The scientific discourse of humanities

Ippolitov S. S.

Humanitarian activity as an object of study:
definition, study, trends 36

Actual problems of literary studies

Nezhenets N. I., Paleeva N. N.

“The life of Klim Samgin”: Unfinished chronicle of A. M. Gorky 46

Stepanov S. A.

The early works of A. M. Gorky in the perception of the symbolists
(The 150th anniversary of the birth of the writer) 56

Kalus I. V.

The motive of a miracle in the stories and novels of Alexey Kotov 61

Education in Modern Era

Glazkov M. N.

Native library science and education in 1964–1982 70

Khristidis T. V., Martinovich E. V.

The formation of value component of ecological culture
of the specialist of social and cultural activity 82

Prudnikova L. V.

Formation of skills of musical-plastic intonation
of ballet school students in the process of education
of scenic expressiveness 90

Technologies of social and cultural education

Korbut A. A.

The scientific school of the Belarusian State University
of Culture and Arts in the humanitarian space
of social and cultural activity 97

Khmara A. I., Chizhikov V. M.

Current requirements to the content for the manager
of social and cultural activity training 105

Pindus V. Ya.

Modern leisure practices of formation of legal culture
of youth in conditions of military service by conscription 115

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЯ

ПОНЯТИЕ МЕНТАЛИТЕТА И ПОПЫТКИ ЛОКАЛИЗАЦИИ ОБЛАСТИ ЕГО ЗНАЧЕНИЙ

Максим Анатольевич САМОЙЛОВ,

соискатель кафедры культурологии
Московского государственного института культуры, Москва, Россия

e-mail: maxim6974@mail.ru

В статье автор рассматривает структуру менталитета, его характеристики, историю изучения, схожие по содержанию понятия – национальный характер, национальный дух, душа или дух народа. Важное место в работе занимает анализ причин всеобъемлющего обращения отечественной науки к проблеме менталитета в конце XX века, которые были обусловлены прежде всего следующими моментами: важным этапом самосознания и самоутверждения нации, необходимостью изучения и предупреждения межнациональных конфликтов, движением страны к демократии, становлением рыночной экономики с её переориентацией в ментальной дихотомии Запад-Восток. Но экономические и политические реформы, осуществляемые по западным «лекалам», в наших условиях стали давать неожиданные и очень часто негативные результаты, так как не учитывали особенности российского менталитета.

Ключевые слова: понятие менталитета, ментальность, особенности российского менталитета, структура менталитета, национальный характер, картина мира, русский менталитет.

CONCEPT OF MINDSET AND ATTEMPTS TO LOCALIZE THE RANGE OF ITS VALUES

M. A. Samoylov, doctoral student of the Department of of Cultural Studies,
Moscow State Institute of Culture, Moscow, Russia

e-mail: maxim6974@mail.ru

The author examines the structure of the mentality, its characteristics, the history of study, concepts similar in content – national character, national spirit, soul or spirit of the people. An important place in the work takes the analysis of the reasons for the comprehensive appeal of the national science to the problem of mentality at the end of the 20th century, which were primarily conditioned by the following moments: an important stage in the self-awareness and self-assertion of the nation, the need to study and prevent interethnic conflicts, the country's movement towards democracy, market economy with its reorientation in the mental dichotomy of the West-East. But economic and political reforms, carried out according to the Western patterns, in our conditions began to give unexpected and, very often, negative results, since they did

not take into account the specific features of the Russian mentality.

Key words: concept of mindset, mentality, features of the Russian mentality, mental structure, national character, worldview, Russian mentality.

Исследования российской ментальности остаются одними из самых актуальных с конца прошлого века. По мнению ведущего научного сотрудника Института психологии РАН А. А. Гостева, «актуальность изучения проблемы менталитета не требует доказательств. Влияя на отражение происходящего в мире и стране, менталитет является фактором построения интегрального образа реальности (картины мира) и, соответственно, регулятором поведения людей [3, с. 22]».

Ещё полтора столетия назад российские деятели науки и культуры при попытке охарактеризовать менталитет в основном использовали другие, близкие по содержанию понятия – национальный дух, национальный характер, национальная душа или дух народа, народный характер. И так получилось, что, фактически используя тождественные терминологические обозначения, российская наука (история, география, этнография) уже в XIX веке начала последовательную разработку этой проблемы.

В сочинениях Шарля Монтескье («О духе законов», 1748), Джамбаттиста Вико, И. Г. Гердера (“Volk”, “Geist”), Г. В. Ф. Гегеля, Дж. Локка и других мыслителей XVIII–XIX веков вполне можно проследить истоки понятия «менталитет». Американский философ и общественный деятель Ральф Эмерсон в 1856 году одним из первых использовал термин «ментальность». Французский социолог и философ Эмиль Дюркгейм, в свою очередь, сумел выделить элементы примитивной ментальности. Но ни тому, ни другому не удалось дать точного определения понятию, хотя, надо отметить, эта задача явно не являлась приоритетной для них.

С появлением во Франции в 20–30-е годы прошлого столетия «новой исторической науки» и научной деятельностью её основоположников и основателей журнала «Анналы экономической и социальной истории» (1929) – Марка Блока, Люсьена Февра и их последователей – справедливо связывают начало систематических исследований проблем ментальности.

В результате очевидного роста интереса к проблеме менталитета она становится предметом рассмотрения историков и философов, психологов и культурологов, социологов и политологов и представителей многих других отраслей знания. При этом заметим, что при описании данного феномена вместе с понятием «менталитет» используется и понятие «ментальность». В научной практике и повседневной жизни такое разделение чётко не оформилось, поэтому слова «менталитет» и «ментальность» продолжают нередко дополнять и заменять друг друга. Отечественный философ Д. В. Полежаев, долго и плодотворно занимающийся проблемами менталитета, соотносит ментальность и менталитет как часть и целое [16].

Известный советский и российский историк Л. Н. Пушкарев приходит к выводу, что «ментальность и менталитет – близкие, но не равнозначные понятия» [17 с. 163]. Различие в значении данных терминов, по его мнению, кроется в том, что менталитет «имеет всеобщее, общечеловеческое значение» [17, с. 163]. Ментальность же может относиться к самым различным социальным явлениям и историческим эпохам. Российскому философу и культурологу, профессору И. В. Кондакову совершенно очевидно, что при всем многообразии толкований понятий «менталитет» и «ментальность» ими отражаются жизненные установки, устойчивые формы поведения, эмоции, настроения, имеющие системообразующий характер для той или иной культуры [10]. В свою очередь отметим, что тема соотношения понятий «менталитет» и «ментальность» является весьма дискуссионной и требующей дальнейших серьёзных научных исследований.

Справедливости ради подчеркнём, что первым в широкий научный оборот термин «менталитет» ввёл профессор Сорбонны, философ, антрополог и этнолог Люсьен Леви-Брюль в книге «Первобытное мышление» в 1922 году. Опираясь на понятие «коллективные представления», сформулированное Э. Дюркгеймом, используя этнографический материал о жизни народов Африки, Австралии и Океании, находящихся на разных этапах социокультурного развития, он сформулировал положение, в соответствии с которым определённым социокультурным структурам соответствуют определённые культурные типы мышления. Например, коллективное первобытное мышление, в отличие от мышления цивилизованного общества, ориентировано на установление не логико-аналитических отношений, а мистико-прологических, то есть дологических отношений. Термином «ментальность» Л. Леви-Брюль обозначил общность восприятия мира первобытными людьми, совершенно отличающегося от восприятия современными людьми.

Причины всеобъемлющего обращения отечественной науки к проблеме менталитета в конце XX века, по мнению многих учёных, были обусловлены прежде всего следующими моментами: важным этапом самосознания и самоутверждения нации, необходимостью изучения и предупреждения межнациональных конфликтов, движением страны к демократии, становлением рыночной экономики с её переориентацией в ментальной дихотомии Запад-Восток. Но экономические и политические реформы, осуществляемые по западным «лекалам», в наших условиях стали давать неожиданные и очень часто негативные результаты, так как не учитывали особенности российского менталитета.

Важно отметить, что подобная ситуация была характерна и для более ранних периодов нашей истории. Реформы, проводившиеся жёстко и бескомпромиссно «железной» рукой императора Петра I в конце XVII – начале XVIII века, показали всю сложность, трагизм и негативное восприятие

обществом реформ, уничтожавших старые «свои» и насаждавших новые прозападные порядки. Не случайно тема петровских преобразований, наряду с «норманнской теорией» происхождения древнерусского государства, стали центральными темами в развернувшемся в середине XIX века общественно-философском споре западников и славянофилов, который быстро дифференцировал российское общество и перерос в широкую общественную дискуссию о путях развития России, её самобытности и национальном духе. Любопытно, создаётся устойчивое впечатление, что дискуссия интеллектуалов, начавшаяся почти 200 лет назад, имеет все шансы успешно миновать этот условный рубеж и уверенно шагнуть к новым историческим «рекордам», имея все предпосылки стать ключевым экзистенциальным событием для России. Ведь вопрос о сущности и специфике русского менталитета, русского национального характера традиционно находится в центре дискуссий о прошлом, настоящем и будущем нашей страны.

Итак, понятие «менталитет» очень быстро доказало свою востребованность со стороны современной российской реальности и стало в большой степени весьма подходящим для объяснения происходящих процессов, поскольку обладает обширным потенциалом, включающим богатый набор объяснительных и идеологических функций.

Рассмотрим некоторые моменты, характерные для использования данного понятия в наши дни. Сразу отметим, что особенностям российского менталитета уделяется намного большее внимание, нежели самому понятию «менталитет». Оно до сих пор остаётся сильно размытым и плохо детерминированным. Вдобавок к этому современные исследователи его по-разному понимают и снабжают разным смыслом.

Часто понятие «менталитет» употребляют в качестве обозначения такого явления, как «национальный дух», «национальный характер» или «душа народа». В результате неясно, есть ли между ними какие-либо, кроме чисто лингвистических, различия?

Стоит отметить, что затруднения в определении понятия «менталитет» являются следствием отсутствия попыток углубления в это явление и его структуризации.

Ряд исследователей, занимающихся вопросами менталитета, приходит к выводу, «что удовлетворительного определения понятия “менталитет” пока не существует» [12, с. 45]. Жорж Дюби из школы «Анналов» подчёркивал и многоплановость, и в то же время невозможность однозначного перевода исходного французского термина, который обозначал и «умонастроение», и «мыслительную установку», и «коллективные представления», и «воображение», и «склад ума», и «видение мира», причём одновременно [7, с. 48–59]. Для него ментальность – это присущая определённой социальной группе система представлений, которая форми-

рует для её членов чувственно-наглядный образ мира в целом и их место в этом мире [7, с. 48–49]. По мнению известного психолога, заслуженного профессора МГУ Т. Г. Стефаненко, «при таком понимании ментальности трудно переводимое на иностранные языки французское слово *mentalite* ближе всего оказывается к русскому слову миропонимание, характеризующему общественные формации, эпохи или этнические общности» [19, с. 140]. Далее она заключает: «Многие современные исследователи усматривают в недоформализованности термина “ментальность” достоинство, позволяющее использовать его в широком диапазоне и соединять психологический анализ и гуманитарные рассуждения о человеке. Именно таким эклектичным способом чаще всего исследуют ментальность этнических общностей, практически сводя её к национальному характеру, психологи и этнологи во многих странах мира» [19, с. 141].

Несмотря на вполне понятные и объективные трудности в определении понятия «менталитет», в его характеристиках, обозначающих область понимания данного явления, недостатка нет. Так С. В. Лурье считает менталитет нематериализуемой составляющей традиции [13, с. 44] и совокупностью «сознательных и бессознательных установок, сопряжённых с этнической традицией» [13, с. 45]. Т. Г. Стефаненко рассмотрела в нём «совокупность эмоционально окрашенных социальных представлений» [19, с. 89] и «некий всегда неосознаваемый и устойчивый пласт психики, который включает в себя определённые мыслительные модели» [19, с. 45]. Профессор СПбГУ В. Е. Семёнов полагает, что менталитет – это «исторически сложившееся групповое долговременное умонастроение, единство (сплав) сознательных и неосознанных ценностей, норм, установок в их когнитивном, эмоциональном и поведенческом выражении» и «некое социально-психологическое образование, присущее этносу, нации, народу, стране» [18, с. 95]. Некоторые исследователи понимают под менталитетом и систему взаимосвязанных образов, включая неосознанные, которые лежат в основе коллективных представлений о мире [см.: 2, с. 21–22], и специфику психической жизни людей, детерминированную экономическими и политическими условиями [см.: 6, с. 20–29]. Некая размытость понятия «менталитет» способствует расширению возможностей для его толкования и использования, а также отделяет слово от его этнических корней, позволяя нам говорить не только о менталитете народов, но и о менталитете различных социальных групп, не привязываясь к определённому этническому контексту. Однако важно понимать, что выработке точного определения понятия «менталитет» и локализации области его значений мешает ряд объективных трудностей.

Во-первых, историчность менталитетов, их изменчивость во времени и зависимость от трансформаций общества. Изменения российского менталитета в последнее время, например, обуславливают доходящие до

серьёзных идеологических дискуссий разногласия относительно того, какие черты ему всё ещё свойственны, а какие – уже нет. В 2006 году Россия присоединилась к числу участников «Европейского социального исследования» – глобального проекта по созданию ценностного портрета населения различных стран. По результатам работы, продолжавшейся почти пять месяцев, появилась возможность описать среднестатистического россиянина. В своей статье Владимир Магун и Максим Руднев приводят подробные данные исследования и сравнивают ценностный портрет россиян с европейскими аналогами. Материал опубликован в журнале «Вестник общественного мнения», который издаёт Аналитический Центр Юрия Левады. Сравнивая Россию с другими европейскими государствами, авторы делают вывод, «что у сегодняшнего среднего россиянина крайне слабо выражены надличностные ценности, связанные с заботой о благополучии других людей, о равноправии и терпимом отношении к ним, а также с заботой об окружающей среде, и, наоборот, крайне высока значимость противостоящих им “эгоистических ценностей”» [14, с. 47]. Согласно полученным данным, «средний россиянин сильнее, чем жители большинства других включённых в исследование европейских стран, стремится к богатству и власти, а также к личному успеху и социальному признанию (но при этом ни успех, ни способы его достижения не ассоциируются с новациями и творчеством)» [14, с. 47]. В итоге такая характеристика российского менталитета вызвала негативную реакцию публицистов, учёных и общественных деятелей, как противоречащая устоявшимся стереотипам о нём.

Напомним, что классики-исследователи национального характера постоянно указывали на устойчивость его основополагающих черт. Л. Леви-Брюль писал: «Какими бы значительными ни были внешние изменения в образе жизни, менталитет остаётся прежним, потому что продолжают сохраняться основные институты группы» [11, с. 332]. Но вместе с тем это не означает, что некоторые черты национального менталитета не могут обладать потенциальной изменчивостью и, оставаясь неизменными в течение многих десятков или даже сотен лет, не способны кардинально измениться в последующем. Определённые особенности менталитета могут быть свойственны в большей степени отдельным историческим эпохам, чем народам. Н. А. Бердяев выделял, например, такие черты российского менталитета, как «нигилизм и апокалиптика», а именно – постоянное отрицание прошлого и мечтательность о будущем [см.: 1, с. 295–312]. Но по мнению многих исследователей, те же черты в не меньшей мере были характерны французам эпохи Французской революции и вообще народам, переживающим революционные потрясения.

Во-вторых, состав любого народа из разных этнических групп, с сильно различающимися менталитетами. Исследуя русский менталитет, профессор В. Е. Семёнов считал, «что не надо забывать и о других конфессио-

нальных менталитетах, прежде всего российско-исламском, втором по распространённости среди религиозных менталитетов России» [18, с. 96]. Очевидно и то, что народы, проживающие в разных государствах, могут иметь более близкие менталитеты, чем граждане одной страны. Яркой демонстрацией этому может служить близость менталитетов русских, украинцев и белорусов, которая не только серьёзно исследована [см., например: 9], но и выглядит в высшей степени естественной и привычной.

В-третьих, в рамках национального сообщества сосуществование различных личностных и социальных типов, которым свойственны более частные менталитеты. Такое положение дел позволило В. Е. Семёнову ввести понятие полиментальности. Это понятие, по его мнению, более ёмко отражает многосложную реальность, чем старое понятие, неспособное вместить индивидуальные особенности и представления об относительно едином для нации менталитете. Профессор В. Е. Семёнов выделяет несколько основных типов менталитета в современном российском обществе: 1) российско-православный; 2) коллективистско-социалистический; 3) индивидуалистско-капиталистический; 4) криминально-групповой, 5) мозаично-эклектический, определяя его, как «псевдоменталитет».

С идеей полиментальности имеет много общего и идея мультимодальных обществ, согласно которой «каждый народ представлен не одной модальной личностью, а несколькими переходными формами между ними» [19, с. 64]. Она была предложена этнологами. По словам Т. Г. Стефаненко, модальная личность – «это не “средняя” личность, а чаще всего встречающаяся. Иными словами, использование понятия модальной личности не предполагает, что все или даже большинство членов общности имеют одну и ту же личностную структуру» [19, с. 63]. Е. А. Тимофеева констатирует, что «каждый народ, нация, этнос или любая другая общность складывается из отдельных личностей, поэтому при рассмотрении проблем национального менталитета необходимо учитывать, что и национальный менталитет включает в себя индивидуальные менталитеты отдельных личностей, принадлежащих к той или иной нации или же относящих себя к ней» [20, с. 554].

Как итог – мозаичность менталитетов как народов, так и конкретных личностей. Посмотрим на менталитет любого конкретного россиянина. Он включает в себя следующие основные характеристики: 1) российского менталитета в целом; 2) менталитета нации, к которой принадлежит человек; 3) менталитета жителей региона его проживания; 4) менталитета городского или сельского жителя; 5) менталитета жителей конкретного города – Москвы, Санкт-Петербурга, Краснодара или села; 6) менталитета той или тех социальных групп, к которой/которым он относится; 7) менталитета представителя мужского или женского пола.

В-четвёртых, характеристики национальных менталитетов весьма относительны и в огромной степени зависимы от идеологических предпочтений авторов таких характеристик и отношения к носителям данных менталитетов.

Культурологи рассматривают и определяют менталитет как совокупность представлений, воззрений общностей людей определённой эпохи, географической области и социальной среды, оказывающих влияние на исторические и социокультурные процессы. Содержание менталитета при этом определяется уровнем общественного сознания, при котором мысль не отделена от эмоций, от ментальных привычек и приёмов сознания. Известный советский и российский историк-медиевист, культуролог Арон Яковлевич Гуревич под ментальностью понимает «социально-психологические установки, способы восприятия, манеру чувствовать и думать. Ментальность выражает повседневный облик коллективного сознания, не отрефлектированного и не систематизированного посредством целенаправленных умственных усилий мыслителей и теоретиков. Идеи на уровне ментальности – это не порождённые индивидуальным сознанием завершённые в себе духовные концепции, а восприятие такого рода идей определённой социальной средой, восприятие, которое их бессознательно и бесконтрольно видоизменяет, искажает и упрощает» [5, с. 115–116]. Таким образом, менталитет представляет собой цельную характеристику людей, существующих в определённой культуре, которая позволяет описать своеобразие ощущения этими людьми окружающего мира и объяснить специфику их реагирования на него. «Когда мы говорим о ментальности, то имеем в виду, прежде всего, не какие-то вполне осознанные и более или менее чётко формулируемые идеи и принципы, а то конкретное наполнение, которое в них вкладывается» [4, с. 454].

Однако, как уже мы замечали, в научных трудах исследователей ментальность предстаёт как весьма ёмкое и широкое понятие. Элементы, из которых она состоит, тесно взаимосвязаны, но при этом противоречивы и нередко даже логически несовместимы. Поэтому чётко сказать, как устроена ментальность, в какой степени и какую систему образуют её элементы, – очень трудно [15, с. 305]. В принципе она не образует структуры и может быть описана не в более или менее упорядоченных, однозначных понятиях, но в синонимах со смысловыми различиями, плохо дифференцированными по значению [21, с. 121]. Известный европейский историк-медиевист Франтишек Граус замечал, что ментальность нельзя определить, но можно описать, поскольку она выявляется в мнениях и типах поведения. Это, по его словам, абстрактное понятие, придуманное историками, а не явление, открытое ими в исторической действительности [8, с. 79–80].

Ещё раз подчеркнём, что понятия «ментальность» и «менталитет» часто используются как синонимы в научной практике, и попытки развести их пока не увенчались успехом.

Достаточно подробно обосновывая взаимосвязь менталитета и ментальности, многие исследователи, в силу недостаточной методологической разработки проблемы, в то же время предлагают подходы к дифференциации этих понятий, не позволяющие в полной мере установить специфику их содержания. Таким образом, можно констатировать, что «менталитет» и «ментальность», как научные понятия, обладают большим аналитическим потенциалом.

Литература

1. *Бердяев Н. А.* Душа России // Русская идея / сост. и авт. вступ. статьи: М. А. Маслин. – Москва : Республика, 1992. С. 295–312.
2. *Вяльцев С. В.* Национальный менталитет как предмет этнопсихологического исследования // Объединенный научный журнал. – 2004. – № 4. – С. 21–22.
3. *Гостев А. А.* Проблема российского менталитета в свете отечественной православно-христианской традиции // История отечественной и мировой психологической мысли: ценить прошлое, любить настоящее, верить в будущее : материалы международной конференции по истории психологии «V московские встречи», 30 июня – 3 июля 2009 года / Ин-т психологии РАН, Московский гуманитарный ун-т ; отв. ред.: А. Л. Журавлев, В. А. Кольцова, Ю. Н. Олейник. – Москва : Институт психологии РАН, 2010. – С. 22–32.
4. *Гуревич А. Я.* Ментальность // 50/50. Опыт словаря нового мышления / [ред.-сост. Г. Козлова] ; под общ. ред. Ю. Афанасьева, М. Ферро. – Москва [Париж] : Прогресс : Пайо, 1989. – С. 454–456.
5. *Гуревич А. Я.* Смерть как проблема исторической антропологии: о новом направлении в зарубежной историографии // Одиссей. Человек в истории / отв. ред. А. Я. Гуревич. – Москва : Наука, 1989. – С. 114–135.
6. *Дубов И. Г.* Феномен менталитета: психологический анализ // Вопросы психологии. – 1993. – № 5. – С. 20–29.
7. *Дюби Ж.* Развитие исторических исследований во Франции после 1950 года // Одиссей. Человек в истории / отв. ред. А. Я. Гуревич. – Москва : Наука, 1991. – С. 48–59.
8. История ментальностей, историческая антропология. Зарубежные исследования в обзорах и рефератах / ред. Е. М. Михина. – Москва : РГГУ, 1996. – 256 с.
9. *Кириенко В. В.* Менталитет современных белорусов. – 2-е издание. – Гомель : ГГТУ имени П. О. Сухого, 2005. – 225 с.
10. *Кондаков И. В.* Культурология: история культуры России. Курс лекций. – Москва : ИКФ Омега-ЛЖ ; Высшая школа, 2003. – 616 с.
11. *Леви-Брюль Л.* Первобытный менталитет. – Санкт-Петербург : Европейский дом, 2002. – 400 с.
12. *Лурье С. В.* Историческая этнология : учебное пособие для вузов. – Москва :

- Аспект-пресс, 1997. – 446 с.
13. *Лурье С. В.* Метаморфозы традиционного сознания. Опыт разработки теоретических основ этнопсихологии и их применения к анализу исторического и этнографического материала. – Санкт-Петербург : Типография имени Котлякова, 1994. – 288 с.
 14. *Магун В., Руднев М.* Жизненные ценности российского населения: сходства и отличия в сравнении с другими европейскими странами // Вестник общественного мнения. Москва : АНО «Аналитический центр Юрия Левады». – 2008. – № 1 (93). – С. 33–58.
 15. *Михина Е. М.* Размышляя о семинаре. Субъективные заметки // Одиссей. Человек в истории / отв. ред. А. Я. Гуревич. – Москва : Наука, 1994. – С. 300–319.
 16. *Полежаев Д. В.* Феномен менталитета в социально-гуманитарном знании: историографические заметки // Личность. Культура. Общество. – Москва : Изд-во ИФ РАН, 2009. – Т. XI. – Вып. 2 (48-49). – С. 496–501.
 17. *Пушкарев Л. Н.* Что такое менталитет? Историографические заметки // Отечественная история. – 1995. – № 3. – С. 158–166.
 18. *Семенов В. Е.* Российская полиментальность и социально-психологическая динамика на перепутье эпох : избранные научные работы: 1971–2007 гг. / Санкт-Петербургский государственный университет, Факультет социологии, Научно-исследовательский институт комплексных социальных исследований. – Санкт-Петербург : Изд-во Санкт-Петербургского университета, 2008. – 478 с.
 19. *Стефаненко Т. Г.* Этнопсихология : учебник для студентов вузов по специальности «Психология». – Москва : Ин-т психологии РАН : Академический проект, 1999. – 320 с.
 20. *Тимофеева Е. А.* Национальный менталитет и этническая самоидентификация // История отечественной и мировой психологической мысли: постигая прошлое, понимать настоящее, предвидеть будущее : материалы Международной конференции по истории психологии «IV московские встречи», 26–29 июня 2006 г. / отв. ред. А. Л. Журавлев, В. А. Кольцова, Ю. Н. Олейник. – Москва : Ин-т психологии РАН, 2006. – С. 554–557.
 21. *Шкуратов В. А.* Историческая психология. – 2-е, перераб. изд. – Москва : Смысл, 1997. – 505 с.

ЛИБЕРАЛЬНАЯ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ СМЫСЛОВ РУССКОГО ЭПОСА В РОССИЙСКОМ ЭПОСОВЕДЕНИИ, ПЕДАГОГИКЕ, ИСКУССТВЕ

Арсений Станиславович МИРОНОВ,

кандидат филологических наук, ректор

Московского государственного университета культуры, Москва, Россия

e-mail: arsenymir@yandex.ru

В статье автор анализирует либеральную интерпретацию русского эпоса в российском эпосоведении, педагогике, искусстве. Отмечается, что получившая широкое распространение в 1860-х годах и вплоть до Октябрьского переворота 1917 года противоположная современной интерпретация западниками русского эпоса как воплощения духа социального протеста, вечевой новгородской вольности и древнего киевского «земства» представляет менталитет и характер простого русского народа как органически склонного к вольности, демократии. Либеральная рецепция презентует новые для русского эпоса ценности: народоуправства; вольной предприимчивости, политической борьбы, в том числе борьбы сословных, торговых и других партий; достоинства человека, требующего уважения своих прав; естественной склонности человека к свободе, борьбе за свои права. Это значение использовалось для подтверждения тезиса об изначальной предрасположенности русского и вообще славянского национального характера к демократической форме правления. Принято было думать, что природное свободолобие русских подавлено, оно дремлет, и образ Ильи Муромца, спящего на печи, связывался с «московским» и имперским периодами истории. Исходные смыслы и ценности русского эпоса при этом игнорировались либо искажались интерпретаторами.

Ключевые слова: русский эпос, интерпретация, западники, смыслы, русский народ, демократия.

LIBERAL INTERPRETATION OF THE MEANINGS OF THE RUSSIAN EPOS IN RUSSIAN EPIC STUDIES, PEDAGOGY, ART

A. S. Mironov, Ph.D. (Philology), the Acting Rector

of the Moscow State Institute of Culture, Moscow, Russia

e-mail: arsenymir@yandex.ru

The article reveals the liberal interpretation of the Russian epos in Russian epic studies, pedagogy and art. It is noted that widely opposed in the 1860s and up to the October 1917 coup, the modern interpretation of the Russian epos by Westerners as the embodiment of social protest, the Novgorod liberty and the ancient Kiev "country council" by the Westerners represents the mentality and character of the simple Russian people as organically inclined to freedom, democracy. Liberal reception presents new values for the Russian epic: popular democracy; free enterprise, political struggle, including the struggle of estate, trade and other parties; the dignity of a person demanding respect for his rights; natural inclination of man to freedom, the struggle for their rights. This value was used to confirm the thesis about the initial

predisposition of the Russian and Slavic national character in general to a democratic form of government. It was accepted to think that the natural freedom-loving of the Russians was suppressed, it was dormant, and the image of Ilya Muromets sleeping on the stove was associated with the "Moscow" and imperial period of history. At the same time, the original meanings and values of the Russian epos were ignored or distorted by interpreters.

Key words: Russian epic, interpretation, Westerners, senses, Russian people, democracy.

В советской и постсоветской культуре образы былинных богатырей привычно связываются с ценностями патриотизма и преданного служения централизованной власти; между тем с 1860-х годов и вплоть до Октябрьского переворота 1917 года в русском эпосоведении, педагогике и профессиональном искусстве преобладала противоположная интерпретация эпоса. Васинька Буслаев и «старой казак» Илья Муромец состояли на службе русских либералов, которые объявили их воплощением духа социального протеста, вечевой новгородской вольности и древнего киевского «земства».

Придать былине актуальный политический смысл впервые попытался автор волшебных сказок Василий Левшин, сочинивший «Повесть о сильном богатыре и старославянском князе Богуславиче» (1783) [11, с. 3–30] и представивший эпического буйна Ваську в качестве политика, противостоящего новгородским посадникам. Екатерина Великая в комедии «Новгородский богатырь Боеславович» (1786) того же Ваську превращает в сына новгородского князя; теперь ему приходится возвращать власть, узурпированную новгородскими посадниками.

В обоих случаях политическая «нагрузка» былинного сюжета заключается в прославлении единодержавной власти. Противоположные, республиканские ценности в декорациях древнего Новгорода впервые презентует Яков Княжнин в трагедии «Вадим Новгородский» (1789). Здесь республиканец Вадим борется против тирании Рюрика – сюжет не былинный, но летописный. Однако вскоре – под влиянием яркого образа новгородской демократии, предложенного Княжнинным русскому образованному обществу на фоне только что разразившейся французской революции, – былинных героев новгородского цикла тоже поголовно запишут в демократы.

Новгородская тема станет любимым соблазном историков, литераторов и художников: изображая вечевое народоправство, они вкушают запретный плод вольнодумства, бросают эстетический вызов самодержавию. Образ Вадима пленит Кондратия Рылеева и других декабристов, затем юного Пушкина, Лермонтова. Неудивительно, что из всех былин в сборнике «Древних российских стихотворений» (1804) Виссариону Белинскому понравились только песни о героях «страстного» вечевого

Новгорода¹, прочие же былины критик объявляет лишёнными «общечеловеческого содержания».

Между тем спустя полвека после трагедии Княжнина и киевский былинный цикл удаётся приспособить под актуальные задачи русских либералов. Главным изобретением становится трактовка образа карачаровского сидня Ильи Муромца. Аналогия проста: тяга к вольности в русском народе подавлена самодержавием, и могучая сила природного демократизма дремлет в мужике до поры, как дремлет сила в беспробудно спящем былинном герое.

Образ былинного мужичка-«медведя», пребывающего в спячке и способного впасть в буйство при пробуждении, предложен в 1839 году тогда ещё начинающим критиком Н. М. Катковым в рецензии на «Песни русского народа» И. П. Сахарова. Такое восприятие героев русского эпоса было остро востребовано русскими западниками и проявилось как реакция на первые успехи учёных и писателей, осмысливавших эпос в национально-романтическом ключе (А. Ф. Мерзляков, Ф. Л. Челаковский, В. И. Даль, И. П. Сахаров, чьи идеи впоследствии разовьют С. П. Шевырев [14, с. 190] и К. С. Аксаков [1, с. 321]).

Приглядываясь к характеру русских песен, Катков утверждает, что русская душа главным образом стремится избежать тоски, уйти от вечно подавляемого недовольства (вызванного, как без труда домысливали либералы, недостатком свободы). А потому русский народ ищет забытья либо через буйство, либо через оцепенение [8, с. 119–120]. Свою догадку Катков подтверждает многочисленными выдержками из произведений народного творчества.

Каткова услышали художники. Поэт Алексей Кольцов в том же году откликнулся стихотворением «Что ты спишь, мужичок?»:

Встань, проснись, подымись,
На себя погляди:
Что ты был? и что стал?
И что есть у тебя?
<...>
А теперь под окном
Ты с нуждою сидишь
И весь день на печи
Без просыпу лежишь.

«Что ты был?!» – ответ на этот вопрос для русских либералов связан с «золотым веком» народоправства и естественным вольнолюбием народа. Современный исследователь А. Вдовин замечает, что этот «неоднозначный и энигматический образ спящего мужика (вариация Ильи Муромца)»

¹ Белинский В. Г. Статьи о народной поэзии. Статья II. 19841.

без труда «проецировался на весь русский народ, пребывающий в вечном самозабвении» [4, с. 159].

Только в двух былинных сюжетах Илья показан спящим в своем «белополотняном шатре». В обоих случаях сон Муромца композиционно необходим: в былине о Дюке юный герой задумывается, как ему быть: проехать мимо и тем самым опозорить Илью как плохого сторожа Русской земли либо разбудить «старого» с риском для жизни. В былине о Сокольнике (Жидовине, Збуче и других) принципиально важно, что сын Ильи Муромца нападает на спящего отца.

Во всех прочих случаях Илья бодрствует, он менее прочих богатырей подвержен сонливости. Одним из любимых общих мест русского эпического певца является описание того, как:

Поутру старой стават ранёшенько,
Умывался он да ключевой водой,
Вытирался он да полотёнышком.
Одеват он на ноги сапоженьки,
Кунью шубу берёт на одно плечо,
А бобров колпак на одно ухó,
Выходит он на крыльцо парадное,
Зрит он, смотрит в трубу подзорную... [7, с. 469–470]

Образ Ильи в эпосе разворачивается через такие действия, как раннее пробуждение, бодрствование и дозор, этот герой всегда на ногах и всегда начеку. У него нет даже самой печи, на которой можно было спать «без просыпа», как нет и постоянного собственного жилища. Более того, сказитель и его аудитория чувствовали, видимо, «ненависть» Ильи к лежанию, которым он поневоле занимался тридцать лет. Поэтому именно Илья будит остальных богатырей:

Да заходит старóй во белой шатёр,
Заревел-закричал громким голосом:
«Нé время нам спать, пора вставáть,
От великого вы сону пробужатися,
От великого хмелю просыпатися!»
А вот скокали ребята на резвѣ ногѣ,
Умывались ребята ключевой водой,
Утирались чистым полотёнышком [6, с. 371–375].

Перед битвой с Калином русские богатыри укладываются спать. Все, кроме Ильи:

Раскинули они шатёр белополотняный:
И хлеба-соли они покушали,
Легли они спать да опочив держать.

Илье Муромцу не спится, мало собится.
И садился Илья на добра коня,
И поехал против царя Калина [13].

Илья с негодованием относится к тому, что Самсон Самойлович «спит-прохлаждается» допоздна:

Накладывал стрелочку каленую,
И сам он стрелы приговаривал:
Лети ты, стрела, выше лесов тёмных,
<...>
Прямо лети в бел шатёр,
Где спят свято-русские богатыри,
Пробей-ко ты крышу во беле шатре
И прямо пади в Самсона богатыря,
Моего крестнаго батюшка, во белую грудь,
Проломи ты у него латы колчужныя,
И пройди-тко ты в ретиво сердце:
Что он спит-прохлаждается?

К сожалению, родной эпос был знаком Кольцову, как и большинству его читателей, главным образом по лубкам, «богатырским» зингшпилям и сказкам Левшина. Тем не менее для представителей образованного общества спящий «мужичок» звучал убедительно и самым решительным образом повлиял на рецепцию эпического образа в науке, педагогике, искусстве.

Поверхностное сопоставление Ильи-сидня, лежавшего тридцать лет на печи, с «встрепнутым» Ильей-буяном, который пьянствует с голями и сшибает маковки церквей, вполне подтверждает мысль Каткова. При этом приходится закрыть глаза на многочисленные примеры чрезвычайно активной деятельности эпического героя, начиная с расчистки родительской делянки от пней, мощения дороги по болотам и заканчивая неусыпным дозором на «заставе богатырской» или походом Ильи «на Царьград» для низвержения Идолища.

Впрочем, отечественная либеральная мысль не нуждалась в фактах эпической биографии героя, они мешали сделать главный вывод: русский богатырь (как и весь русский народ) либо спит большую часть жизни, либо, уж если разгуляется, сметает всё на своем пути. Заметим, что и образ Василия Буслаева впоследствии был едва ли не самым любимым у либералов и демократов, ведь Ваську тоже, как известно, пришлось добуживаться, чтобы он вступил в драку на мосту через Волхов.

Идею подхватил поэт-самоучка И. Никитин, который в 1854 году написал свое «Сказание о Мамаевом побоище», где создал образ дремлющего богатыря, готового крушить всё вокруг, если «за живое тронут не впору»:

Он без нужды не вдруг
С места тронется;
<...>
Уж зато кто на брань
Сам напросится,
За живое его
Тронет не впору, –
Прочь раздумье и лень!
После отдыха
Он, как буря, встаёт
Против недруга!

Концепция русского богатыря, похожего на «обкольчужившегося» зверя в седле, понравилась образованной публике. Казалось, что, наконец, найден секрет «русского духа». Например, «остервенение народа» в войне 1812 года Виссарион Белинский объяснял именно тем, что «добрый молодец» Илья Муромец, который «сидел сиднем», наконец-то, «расходился и разгулялся» [2].

Нехитрое стихотворение Кольцова, десятилетиями не покидавшее хрестоматий, воспитало несколько поколений интеллигентов, убеждённых, что «мужичка» необходимо будить. Русских революционеров, в частности, поманила задача «переключить» богатыря-медведя в режим буйства. Статья Искандера-Герцена «Исполин пробуждается» (1861) насыщена побудительным пафосом: «Да, “Северный колосс”, “исполин, царю послушный” – просыпается, и вовсе не таким послушным... Доброго утра тебе – пора, пора! Богатырский был твой сон – ну и проснись богатырем! Потянись во всю длину молодецкую, вздохни свежим, утренним воздухом, да и чихни – чтобы спугнуть всю эту стаю сов, ворон, вампиров... Чихни, исполин, – и от них следа не останется <...> Прислушайтесь... со всех сторон огромной родины нашей, с Дона и Урала, с Волги и Днепра, растёт стон, поднимается ропот...» [5, с. 173]

Образ «святорусского богатыря» в амплуа убийцы впоследствии¹ предложит Николай Некрасов: великан Савелий движим классовою ненавистью и противится самому Илье Пророку:

Цепями руки кручены,
Железом ноги кованы...
<...>
Всё терпит богатырь!
И гнётся, да не ломится,
Не ломится, не валится...
Уж ли не богатырь?»

¹ Впервые – в «Отечественных записках», № 1, 1874.

Рекодированный образ богатыря как представителя земской вольницы, восстающего против власти, нуждался в поддержке учёных-эпосоведов. Такая поддержка не замедлила явиться: почти одновременно со статьей Герцена выходит в свет статья под названием «Русский богатырский эпос» Ф. И. Буслаева – авторитетнейшего исследователя, которого нужно признать родоначальником либеральной интерпретации эпоса в науке.

В 1861 году политические страсти накалены, либеральная профессура будоражит молодёжь, и от отечественной фольклористики образованное общество требует смелых сближений и вольнодумных наблюдений. Буслаев отвечает на запросы публики серией публикаций, которые составили двухтомное издание «Исторических очерков русской народной словесности и искусства».

В статье, озаглавленной «Русский богатырский эпос», учёный вскрывает социально-классовый конфликт, лежащий, по его мнению, в идейной основе большинства русских былин.

Буслаеву кажется, что главная задача богатырства русского есть борьба с княжеско-дружинной властью. По его убеждению, «отзываются протестом» былины, «где удалой Муромец господствует своей физической силой и своим благородством над прочими сословиями, где и князья, и бояре, и гости богатые, и вся родня Алёши Поповича намеренно выставляются в самом неблагоприятном свете сравнительно с его чистою простонародною личностью»[3].

В былинах не найти примеров того, чтобы гостей князя Владимира выставляли в неблагоприятном свете, если не считать случаев, когда «старший за младшего хоронится». Но и в этих самых случаях выгодно смотрится не только Илья, но – в разных песнях – и Добрыня, и Алёша Попович, и Василий Пьяница, и другие богатыри. За исключением единственного наблюдения о «роде поповском», невозможно найти в былинах других случаев неприязненного отношения ко «всей родне Алёши Поповича», как Буслаев называет представителей священства. Напротив, епископ черниговский – единственный, кто держит сторону богатыря в былинах «Иван Гостиный сын». Этот же владыка – единственный в Киеве, кто отказывается принимать сторону Змея Тугарина¹. Ещё сложнее согласиться с тем, что каким-либо социальным протестом отзываются былины о заставе богатырской, где служат богатыри, которые «караулят-хранят столбный Киев-град».

Увлёкшись гипотезой о «разладе между классами» в былинном Киеве, Буслаев утверждает, что в старинах якобы содержатся «насмешки Ильи Муромца над прочими богатырями и видимое к этим последним презрение».

¹ Алёша Попович («Из Славнова Ростова, красна города...») // Древние Российские стихотворения, собранные Киршею Даниловым. С. 98–106.

Илья Муромец изредка по-доброму посмеивается над Алёшей Поповичем, чуть менее по-доброму – над «бабским угодником» Чурилой. Однако говорить о презрении старого казака к побратимам – Добрыне, Потоку, Ставеру, Сухману, Ермаку и другим – невозможно. Напротив, Илья неоднократно вступает за «род богатырский», мешает князю Владимиру казнить богатырей, а самим богатырям – убивать друг друга. Муромец – «старой», то есть старший на богатырской заставе, и как глава богатырской «корпорации», он заботится о чести-хвале богатырской, о репутации киевских витязей на Руси и за её пределами.

Само прозвище Ильи Муромца, «старой казак», Буслаев склонен трактовать как проявление протеста, усматривая в самом слове «казак» намёк на свободолюбивый нрав богатыря. В связи с этим утверждением возникает ряд вопросов: неужели в знак протеста Илья Муромец ездил уговаривать казаков под руководством Самсона-богатыря выступить в защиту князя Владимира? Неужели протестом объясняется поход Ильи в Царьград и освобождение его от Идолища Поганого? Может быть, пожертвовав несметную золотую казну на строительство церквей, богатырь тоже заявлял себя как антиклерикал и противник княжеской власти?

«В эпоху историческую, когда сложился цикл владимиров, Илья Муромец стал могущественным представителем сил простого народа и защитником его интересов» [3, с. 418], – этот вывод Буслаева представляется краеугольным камнем либеральной интерпретации эпоса. Замечательный педагог и исследователь Л. Поливанов в предисловии к своему изданию «Русских былин» вспоминает, что в 1861 году выход статей Буслаева под заглавием «Русский богатырский эпос» был «эпохой» для него, студента историко-филологического факультета четвертого года обучения и однокурсников его, «дотоле смутно знакомых с песнями Кирши Данилова».

Заметим, что упоминание о «смутном» знакомстве студентов с записями былин из сборника Кирши Данилова во многом объясняет влияние Буслаева на умы современников. Как признавался другой выдающийся эпосовед Орест Миллер¹, в студенческие годы он черпал информацию о былинах из немецких текстов, которые, мягко говоря, не являлись точными «переводами» былин, хотя и претендовали на это (например, в России была весьма популярна книга фон Буссе [15], в которой автор смешал собственные фантазии с переложениями сказок Левшина и баллады А. Х. Востокова «Светлана и Мстислав»).

Гипотеза о протестных смыслах русского эпоса понравилась многим, идею подхватили не только эпосоведы (и прежде всех упомянутый выше Орест Миллер), но также историки (И. Костомаров посвящает Василию Буслаеву целую главу в своем труде [10] о древних русских республиках),

¹ См. предисловие О. Миллера к его труду «Илья Муромец и богатырство киевское».

писатели и поэты (от А. К. Толстого до Константина Бальмонта), музыканты (М. Балакирев, Н. Римский-Корсаков), художники (М. Врубель, отчасти Н. Рерих).

Орест Миллер в труде «Сравнительно-критические наблюдения над слоевым составом народного русского эпоса. Илья Муромец и богатырство киевское» (1869) утверждает, что яркие примеры служения народу, бескорыстие, приоритет общих интересов над личными связаны именно с «золотым веком» древнего киевского «земства», которое якобы существовало при почти номинальной власти князя Владимира.

Исследователь выдвигает теорию ценностно-смысловых слоев былин: на самом дне – ценности довольно мрачной языческой поры «родового строя», унаследованные отчасти от других культур. Затем «светлый» слой ценностей земской «вольности» поднепровских полян, ещё далее – не такие уже светлые «вассально-рыцарские» ценности дружинных кланов Древней Руси. И наконец – позднейшие ценностные наслоения московской эпохи, потемневшие от «татарщины» и «единодержавия» (это последнее Миллер противопоставляет благодатному земскому самоуправлению дотатарской эпохи).

Миллер утверждает, что в то время, наряду с обычными княжескими дружинами, существовали дружины «земские», которые действовали якобы независимо от княжеских и занимались не усобицами, а обороной родной земли. С этими земскими дружинами исследователь и связывал образ Ильи Муромца, точнее, наиболее положительные черты этого образа. По Миллеру, Илья – «истый представитель общины», поэтому «постоянно забывает самого себя». Эта «объединяющая общинная струя» проходит через все главнейшие похождения Муромца [12, с. 806]. Что же касается более грубых черт образа «старого» богатыря, то, по мнению Миллера, они объясняются позднейшею, «исторически вынужденною ожесточенностью народа» и «патриархальной семейной грубостью» [12, с. 804].

Увлекаясь выявлением общественно-исторических закономерностей в поведении былинного героя, Миллер утрачивает, к сожалению, верное чувство материала. Так, например, он пишет, что Илья Муромец от князя Владимира «требует лишь одного – чтобы земское значение его признавалось, чтобы ему, крестьянскому сыну, было место не ниже бояр за столом у князя» [12, с. 810].

Однако эпический Илья требует чести не лично себе, «крестьянскому сыну», пусть даже такая честь положена за выслугу, за его «работу богатырскую». Он защищает честь всего братства святорусских богатырей. Заметим, что это братство включает представителей разных сословий – боярского (Добрыня), священнического (Алёша), воинского (Потык), казачества (Самсон-богатырь, Ермак), даже «люмпен-пролетариев» (Василий Пьяница).

Орест Миллер превращает Илью Муромца в народного трибуна, ревнителя земских интересов: якобы богатырь «напоминает князю о том, что княжество – служба, и что поставление на такую службу во власти его Ильи, стоятеля за народ и родную землю».

Каждому, кто читал былины, очевидно, что Илья ничуть не помышляет о характере общественного устройства, о призвании князя – он защищает лишь честь богатырского рода и готов припугнуть князя, когда тот начинает её ущемлять. Но Миллер выискивает в былинах «свидетельства» древней демократии: например, ему кажется, что князь Владимир вынужден терпеть то, что богатыри сперва исполняют «земский поклон на все четыре стороны» и только потом – кланяются самому князю и княгине.

Тоской по якобы существовавшей во времена князя Владимира «общинной демократии», о вековой богатырской «волюшке» проникнута и симфоническая поэма «Русь» (1864) Милия Балакирева.

Основатель «Могучей кучки» Балакирев обращается к чистым источникам вдохновения – к архитектуре Московского Кремля, к русским песням, записанным во время путешествия по низовой Волге, и, наконец, к образам великих исторических деятелей микешинского памятника в честь 1000-летия призвания варягов.

К сожалению, очевидны последствия пагубного влияния В. Стасова на программу этой симфонической поэмы. «Я желал охарактеризовать три элемента нашей истории: язычество, московский уклад и удельно-вечевой элемент, переродившийся в казачество. Борьба их, выраженная в симфоническом развитии этих тем, и сделалась содержанием инструментальной драмы», – писал Балакирев.

Из балакиревской схемы русской истории, вдохновленной беспокойным гением В. Стасова, вовсе выпадает «золотой век» христианской Древней Руси – Киевской и Владимиро-Суздальской, подаривший миру «Слово о законе и благодати», мозаики и фрески Софийского собора, «Слово о полку Игореве» и храм Покрова на Нерли. Всё это заменяется придуманными «воспоминаниями» о языческой древности – вполне в духе историософских открытий Стасова. В частности, русское казачество объявляется наследником новгородского бунта против Москвы.

«Русский дух» у Балакирева – это стихия бунтарской вольности. Разбойничья плясовая тема «Катенька весёлая» в финале уверенно торжествует над «московско-цареградской» темой, отдающей мелкоузорчатой азиатчиной. По замыслу композитора, в финале 1000-летней истории Руси Степан Разин берет верх над Алексеем Михайловичем – вполне в духе цитированного выше пророчества Искандера (Герцена).

Заманчивый образ Великого Новгорода – утраченного «демократического рая» русской истории, к тому же открытого к варяжским и немецким влияниям, создаёт в своих балладах А. К. Толстой. Даже князя Владимира

поэт заставляет поднять чару за новгородское вече, за «вольный» славянский народ:

За русский обычай до дна её пью,
За древнее русское вече!
За вольный, за честный славянский народ,
За колокол пью Новаграда!

Образ новгородской (а заодно, по воле Толстого, и киевской «земской» вольницы) противопоставляется московской «татарщине», для изображения которой автор сгущает краски, и даже царских телохранителей-рынд, юных красавцев с топориками, объявляет палачами:

Едет царь на коне, в зипуне из парчи,
А кругом с топорами идут палачи...

В балладе «Змей Тугарин» (1871) муза Толстого восходит до обличительного пафоса в добрых традициях русского западничества:

И снова подыметя русский народ,
И землю единый из вас соберёт,
Но сам же над ней станет ханом.
И в тереме будет сидеть он своим,
Подобен кумиру средь храма,
И будет он спины вам бить батожем,
А вы ему стукать да стукать челом –
Ой срама, ой горького срама!

Важно отметить ещё одну смысловую подмену: интеллигенция последней четверти XIX века с удовольствием использует понятие чести, связываемое с честью-хвалой богатырской, для противопоставления «бесчестью», царящему в современной им России. При этом «богатырская честь» понимается в «новгородском духе» – как свободолюбие, собственное достоинство, нежелание «гнуть спину» и «ползать на брюхе» перед властью.

У Толстого Илья Муромец обижается на власть и покидает Киев после того, как князь Владимир обнёс его чарой. Такое понимание чести как личного достоинства противоположно былинному ценностному концепту «корпоративной» богатырской чести – как бремени ответственности за репутацию русского богатырства в народе и за пределами Русской земли. Эпический Илья, в отличие от самолюбивого богатыря в изображении Толстого, ссорится с князем не из-за личной обиды, но из опасения, что после оскорбления, нанесённого князем богатырству, «переведутся богатыри» на Русь.

Либеральная рецепция эпоса оказалась весьма жизнеспособной: спустя десятилетия мечта о новгородском «вечевом рае» была воспринята символистами. Например, К. Бальмонт в сборнике стихов «Жар-птица. Свирель славянина» (1907) реанимирует концепт дремлющего до поры мужичка, «русского исполина», «гения долгих вещей снов». Илья Муромец у Бальмонта это –

Гений серой нищеты,
Что безгласно ждёт
До назначенной черты.

Получение богатырем силы от переходящих калек (которые во многих вариантах старины прямо именуются Христом и ангелами [9, с. 1]) Бальмонт трактует с выраженным социально-политическим пафосом:

Нищий нищего будил,
Мужика мужик...

У Бальмонта свершается мечта демократов, чаявших пробуждения «исполина»:

Великан проснулся вдруг,
Гордый человек.

Трактовку былинного богатыря как «гордого человека» находим позднее у М. Горького в «Песне Василия Буслаева», где новгородский буян Васька становится символом гордого, восставшего на Бога и самодостаточного человечества.

Как можно видеть, либеральное значение рекодированных смыслов русского эпоса заключается в демонстрации менталитета и характера простого русского народа как органически склонного к вольности, демократии. Либеральная рецепция презентует новые для русского эпоса ценности: народоправства; вольной предприимчивости, политической борьбы, в том числе борьбы сословных, торговых и других партий; достоинства человека, требующего уважения своих прав; естественной склонности человека к свободе, борьбе за свои права.

Такие смыслы русского эпоса увидели русские либералы, западники, часть народников и другие противники самодержавия. Это значение использовалось для подтверждения тезиса об изначальной предрасположенности русского и вообще славянского национального характера к демократической форме правления. Принято было думать, что природное свободолобие русских подавлено, оно дремлет, и образ Ильи Муромца, спящего на печи, связывался с «московским» и имперским периодами истории. Исходные смыслы и ценности русского эпоса при этом игнорировались либо искажались интерпретаторами.

Литература

1. Аксаков С. Т. Богатыри времён великого князя Владимира // Собрание сочинений : в 5 томах / под общ. ред., с вступ. статьей и примеч. С. Машинского. – Москва : Правда, 1966. – Том 4.
2. Белинский В. Г. Очерки бородинского сражения (Воспоминания о 1812 году) // Собрание сочинений : в 9 томах / редкол. и вступ. Статья : Н. К. Гей [и др.]. – Москва : Художественная литература, 1976–1982. – Том 2 : Статьи, рецензии и заметки, апрель 1838 – январь 1840.
3. Буслаев Ф. И. Исторические очерки русской народной словесности и искусства. Том I. Русская народная поэзия. – Санкт-Петербург, 1861.
4. Вдовин А. «Что ты спишь, мужичок?» Кольцова и споры о русскости // Acta Slavica Estonica IV. Труды по русской и славянской филологии. Литературоведение, IX. Хрестоматийные тексты: русская педагогическая практика XIX в. и поэтический канон. – Тарту : Univ. of Tartu press, cop., 2013.
5. Герцен А. И. Исполин просыпается! // Собрание сочинений : в 30 томах / Академия наук СССР, Институт мировой литературы имени А. М. Горького. – Москва : Наука, 1954–1965. – Т. XV : Статьи из «Колокола» и другие произведения 1861 года.
6. Илья Муромец и Сокольник : [Былина] № 70 // Свод русского фольклора / Российская академия наук, Институт русской литературы (Пушкинский Дом). – Санкт-Петербург : Наука ; Москва : Классика, 2001. – Том 1. Север Европейской России: Былины Печоры / отв. ред. А. А. Горелов. – 2001. (Былины : в 25 томах).
7. Илья Муромец и Сокольник : [Былина] № 95 // Свод русского фольклора / Российская академия наук, Институт русской литературы (Пушкинский Дом). – Санкт-Петербург : Наука ; Москва : Классика, 2001. – Том 1. Север Европейской России: Былины Печоры / отв. ред. А. А. Горелов. – 2001. (Былины : в 25 томах).
8. Катков Н. М. Песни русского народа, изданные Сахаровым // Собрание сочинений : в 6 томах / сост., подгот. текста, коммент., указ. имен А. Н. Николюкина и Т. Ф. Прокопова ; вступ. ст. Т. Ф. Прокопова ; под общ. ред. А. Н. Николюкина ; Российская академия наук, Институт научной информации по общественным наукам. – Санкт-Петербург : Росток, 2010. – Том 1.
9. Киреевский П. В. Песни, собранные П. В. Киреевским (в трех частях, в десяти выпусках). – Москва : О-во любителей российской словесности, 1861. – Часть 1. Выпуск 2 : Песни былевые. Время Владимирово. Добрыня Никитич, богатырь-боярин. Богатырь Алёша Попович. Василий Казимирович, богатырь-дьяк, Долгополый, Пьяница.
10. Костомаров И. Севернорусския народоправства во времена удельно-вечеваго уклада. – Санкт-Петербург : Изд. Д. Е. Кожанчикова, 1863.
11. Левшин В. А. Русские сказки, содержащие древнейшие повествования о славных богатырях, сказки народные, и прочие оставшиеся чрез пересказывание в памяти приключения : в 10 частях. – Москва : В Университетской тип. у Н. Новикова, 1780–1783. – Часть V.

12. Миллер О. Ф. Илья Муромец и богатырство киевское : Сравнительно-критические наблюдения над слоевым составом народного русского эпоса. – Санкт-Петербург : тип. Н. Н. Михайлова, 1869. – 895 с.
13. Песни, собранные П. Н. Рыбниковым. – Москва : РГБ, 2008. – Т. II. № 35.
14. Шевырев С. П. История русской словесности, преимущественно древней : XXXIII публ. лекции Степана Шевырева, о. проф. Московского университета. – Москва : Университетская типография, 1846–1860. – Часть 1: История русской словесности. Лекция IV. – 1846.
15. Busse von Carl Heinrich Fürst Wladimir und dessen Tafelrunde: Alt-russische Heldenlieder. – Stuttgart, A. F. Brockhaus, 1819.

ЛИТЕРАТУРНО-МУЗЫКАЛЬНЫЙ САЛОН КАК ФОРМА ОРГАНИЗАЦИИ ПРОСВЕТИТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В РОССИИ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XIX ВЕКА

Дарья Геннадьевна РОДИОНОВА,

доцент кафедры продюсерства и менеджмента исполнительских искусств
Российской академии музыки имени Гнесиных, Москва, Россия

e-mail: sunshila@yandex.ru

В статье рассмотрена деятельность литературно-музыкальных салонов, которые существовали в России в первой половине XIX века. Руководители салонов – выдающиеся представители аристократического общества, передовой интеллигенции – выполняли менеджерские функции. Они занимались планированием, отбором содержания деятельности салона, приглашали выдающихся мастеров в области литературы, музыки, других искусств, продвижением молодых, талантливых мастеров, вкладывая в проведение салонов немалые материальные средства, заботясь о микроклимате, творческих контактах, о том, чтобы посетители салонов приобретали новые знания, формировали представления, убеждения, получали новые впечатления. В статье представлена просветительская деятельность лучших салонов России, среди руководителей которых были граф И. И. Шувалов, братья Виельгорские, семья Карамзиных, княгиня З. А. Волконская (супруга Н. Г. Волконского, брата декабриста С. Г. Волконского).

Ключевые слова: духовная культура, салон, музыка, музицирование, просветительская деятельность, организация, управление, творчество, выдающиеся музыканты, руководители, музыкальный менеджмент.

THE LITERARY-MUSICAL SALON AS A FORM OF THE ORGANIZATION OF EDUCATIONAL ACTIVITY IN RUSSIA IN THE FIRST HALF OF THE NINETEENTH CENTURY

D. G. Rodionova, Associate Professor of the Department of production and management of performing arts, the Gnessin Russian Academy of Music, Moscow, Russia

e-mail: sunshila@yandex.ru

the article deals with the actual problems of functioning of literary and musical salons organized by outstanding representatives of aristocratic society, nobility, advanced intelligence. The leaders of the salons by their selfless work done the management functions. They were engaged in planning, selection of the content of the activities of the salon, inviting outstanding masters in the field of literature, music, other arts, promoting young, talented Master, investing in the conduct of salons considerable material resources, taking care of the microclimate, creative contacts, allowing visitors to get new impressions, acquire new knowledge, form ideas, beliefs, giving them the opportunity to get new impressions, true admiration. The article presents the educational activities of the best salons in Russia, including I. I. Shuvalov, brothers Vielgorsky.

Key words: spiritual culture, salon, music, music making, educational activity, organization, management, creativity, emerging musicians, managers, music management.

Музыкальное искусство России всегда опиралось на богатейшую духовную культуру, которая особенно активно развивалась в XIX веке. На неё оказывали влияние общественно-исторические явления, среди которых: европейские идеи Просвещения, Отечественная война 1812–1814 годов, декабрьское восстание 1825 года, отмена крепостного права, становление капитализма, развитие финансово-экономической сферы, рост патриотизма и самосознания народа и т.д.

Всё это, вместе взятое, давало возможность налаживать деловые и творческие контакты с другими странами, осваивать другие культуры, сохраняя национальную самобытность и целостность, что способствовало становлению духовно-нравственных основ общества, духовно-творческому поиску в области науки, искусства, в том числе и в сфере музыкального управления.

Изменялись и возникали новые формы познания, проведения свободного времени в различных сословиях. Так, одной из форм просвещения высшего дворянского сословия были литературно-музыкальные салоны, форма которых была заимствована из глубокой древности. Салон – общность, кружок, школа, объединение людей по определённым интересам. Их своеобразным прообразом стали существовавшие в Древней Греции такие организации, как школа Пифагора (VI век до нашей эры), воспитанники которой назывались пифагорейцами; кружок «эпиграмматистов» Асклепиада (III век до нашей эры); кружок Гая Мецената (I век до нашей эры), объединявший любителей жанра классической элегии Горация, Вергилия и т.п.

В России в XVIII веке стали возникать различного рода салоны не только в столице, но и в провинциях, отдельных усадьбах и имениях богатых людей. Одним из первых наиболее значимых, по историческим данным, можно считать салон графа И. И. Шувалова, который возник в 50-х годах XVIII века. Он отражал французские традиции проведения и функционирования салона. Его содержание имело аристократическую, просветительно-развлекательную направленность, отличалось утончённым следованием французской моде, общались на этих встречах только на французском языке. И. И. Шувалов сам представлял собой своеобразный феномен ревностного следования французским традициям, особенно-стям новой моды: выписывал из Парижа убранство, обстановку интерьера, модную одежду и французских лакеев, обученных аристократическим манерам Версаля.

По данным П. Н. Беркова [1, с. 118], данный салон часто посещал и М. В. Ломоносов, обучал его хозяина основам стихосложения. Как любитель литературы, изобразительного искусства, музыки Шувалов, не став поэтом или музыкантом, научился грамотно оценивать мастерство других, часто давал им толковые советы и помогал продвижению в обществе.

Характерно было то, что он относился с уважением к талантам, был внимателен к иному мнению – всё это создавало атмосферу доверия, благоприятного самочувствия у новичков и завсегдатаев салона. Это было необходимо, как показала дальнейшая практика руководства салонами, без доброжелательного отношения к своим посетителям не мог обойтись ни один руководитель. Уже в то время хозяин салона выполнял менеджерские функции: планировал и воплощал свои творческие идеи, просвещал и удовлетворял духовно-нравственные и духовно-эстетические потребности тех, кто к нему приходил, заботился о том, чтобы каждой гость мог раскрыть свои возможности, творческие способности и просто приятно провести время, уютно ощущая себя в окружении посетителей салона.

По мнению Е. Н. Палий, эти традиции достигли наибольшего расцвета в XIX веке. В этот период создавались различные по содержанию, по типам и видам салоны, к ним относились аристократические, демократические, а также философские, политические, литературные, художественные, музыкальные и т.п. [4, с. 8].

Содержание салона соответствовало интересам своего создателя. Так, салон, принадлежавший графу И. И. Шувалову – общественному деятелю, любителю литературы, искусств, покровителю писателей, поэтов, имел политическую и литературно-музыкальную направленность. В его салоне можно было встретить многих государственных деятелей и даже августейших особ, среди которых и Екатерина II, познакомиться со многими писателями, художниками, музыкантами, например – с творчеством поэта А. П. Сумарокова, увидеть богатейшую коллекцию картин выдающихся художников.

В сфере музыкального искусства огромным авторитетом пользовался салон братьев Виельгорских. Здесь постоянно звучала музыка, собирались выдающиеся композиторы, исполнители, которые отбирались братьями с большим вкусом. Этот салон существовал более 40 лет. Старший брат – Михаил Юрьевич – высокообразованный сановник, композитор, написал две симфонии, оперу «Цыганы», хоровые, симфонические и камерно-инструментальные произведения, много романсов, среди которых некоторые на стихи А. С. Пушкина. Особой популярностью пользовались его романсы: «Любила я», «Бывало», «Чёрная шаль», фортепианные произведения, а также произведения для виолончели с оркестром, которые часто исполнял его брат.

Младший брат – Матвей Юрьевич Виельгорский – выдающийся вокалист, виолончелист. «Матвей играет на виолончели так, как должно быть ангелы в концертах у Господа Бога в раю» [9, с. 22], – так говорил о его игре декабрист М. С. Лунин. Его мастерством восхищались многие музыканты, выдающиеся представители художественной интеллигенции, среди них М. Огинский, Ю. К. Арнольд, В. Ф. Одоевский. Организовывая

концерты в своем салоне и за его пределами в Петербурге и в Москве на протяжении нескольких десятилетий, братья показывали пример просветительской музыкальной деятельности, знакомя слушателей с мировой и русской музыкой, выдающимися музыкантами-исполнителями. Граф В. А. Соллогуб писал в своих воспоминаниях: «Приёмы Виельгорских имели совершенно другой отпечаток; у них редко танцевали, но почти каждую неделю... устраивались концерты, в которых принимали участие все находившиеся в то время в Петербурге знаменитости» [8, с. 328].

Братья Виельгорские оказали огромное влияние не только на развитие собственного салона, но и на становление российского музыкального искусства в целом. Благодаря их усилиям в России прозвучали все симфонии Бетховена, в 1840 году было образовано «Симфоническое общество», которое просуществовало 11 лет, пока не закрылось из-за недостатка материальных средств.

Братья Виельгорские организовали концертные выступления в России выдающихся музыкантов, среди которых Ф. Лист, Ф. Шопен, Г. Берлиоз, П. Виардо, К. Вик, Р. Шуман, С. Тальберг, Дж. Фильд и многие другие.

В первой половине XIX века содержание деятельности музыкальных салонов в основном составляло музицирование, которое принимало самые различные формы. К ним относились организованные сольные концерты знаменитостей, домашнее любительское исполнение романсов, классических произведений, выступления различного рода музыкальных ансамблей, которые часто сопровождались дискуссиями об искусстве. Удовлетворяя потребности и интересы посетителей, салоны активно осуществляли просветительскую деятельность. Они формировали новые знания, духовно-нравственные и духовно-эстетические ориентации, ценности, представления и идеалы. Всё это, по мнению В. И. Полищук, отражало творческую функцию культуры, объединяющую её познавательную, информационную, коммуникативную, регулятивную и оценочную составляющие. «Особая роль духовной культуры состоит в том, что она пробуждает в человеке личность» [6, с. 36].

Россия переняла у Франции и традиции создания салонов под женским руководством: *saloniere* – так называли хозяйку салона. Как правило, это была светская дама привлекательной внешности, высокообразованная и отличающаяся незаурядным умом и творческими способностями, которая могла виртуозно поддерживать светскую беседу. Более того, как опытная собеседница, она продумывала всё содержание и ход проведения салона: кто должен открыть вечер, что должно происходить. Для этого продумывалась даже расстановка мебели. Тем, кто должен пользоваться наибольшим вниманием, выделялись центральные места, лёгкие стулья для слушателей ставились вокруг этих кресел. Продумывались даже группы собеседников, кто и с кем должен более тесно общаться, им выделялись

места рядом. Всё, что происходило в салоне, подчинялось воле хозяйки: выбор тем для разговора, содержание музыки, поэзии, так же как и финансирование всего мероприятия, включая обстановку и оформление интерьера, его обслуживание, угощения, напитки и т.д.

В качестве примера можно привести литературно-музыкальный салон княгини Зинаиды Александровны Волконской, поэтессы, писательницы, одарённой множеством различных талантов. Благодаря ей встречи в салоне, располагавшемся в Москве на Тверской с 1824 по 1829 год, носили своеобразный, возвышенно утончённый характер. Различные творческие встречи сопровождались литературными чтениями, концертами, постановками опер, главным образом итальянских композиторов, при этом особое предпочтение отдавалось произведениям Д. Россини, которые любила хозяйка салона. На свои вечера З. А. Волконская приглашала различных представителей общества: дипломатов, вельмож, офицеров, музыкантов, поэтов, писателей, художников. Среди них были и выдающиеся представители русской культуры: А. С. Пушкин, Е. А. Баратынский, А. А. Дельвиг, В. А. Жуковский, А. С. Грибоедов, Ф. И. Тютчев, А. А. Алябьев, А. Н. Верстовский и многие другие.

Ключевым условием для приглашения в салон З. А. Волконской было не «положение в свете», а высокий интеллект, образованность, результаты творческой деятельности, которые могли действительно заинтересовать других.

Образ Волконской был воспет многими поэтами и музыкантами, всех восхищала её высочайшая культура, образование, обаяние, редкой красоты оперный голос, знания в области литературы, живописи, музыки – всё привлекало и притягивало к ней.

Одним из наиболее популярных был и салон Карамзиных, который функционировал около 40 лет – с 1810 по 1850 годы – и начинал свою просветительскую деятельность ещё при жизни выдающегося историка Н. М. Карамзина. Салон Карамзиных вскоре после его открытия стал центром передовых и прогрессивных идей духовной культуры России XIX века, его называли «семейным центром муз». Вечерами «за самоваром» на набережной Фонтанки в доме 25 собирался весь цвет Петербурга. После смерти Н. М. Карамзина в 1826 году руководить салоном стала его вдова Екатерина Андреевна, ей помогали две дочери София и Екатерина. Они были высокообразованными и творчески одарёнными людьми, радушно принимали своих гостей, для которых всегда стоял самовар, звучала только русская речь. Это был единственный салон в Санкт-Петербурге, где никогда не говорили на французском и других иностранных языках и никогда не играли в карты. Как писал князь А. В. Мещерский, «находясь в этой милой и гостеприимной семье, я сразу очутился в самой интеллигентной среде петербургского общества... и где, по преданию, собирались как

прежние друзья покойного историографа, так и молодые поэты, литераторы и учёные нового поколения» [3, с. 101].

В разное время салон Карамзиных посещали известные деятели русской культуры: А. С. Пушкин, М. Ю. Лермонтов, В. А. Жуковский, П. А. Вяземский, А. И. Тургенев, Е. А. Баратынский, В. Ф. Одоевский, Н. В. Гоголь, Ф. И. Тютчев, А. С. Хомяков, Ю. Ф. Самарин, П. А. Плетнев, С. А. Соболевский, В. А. Соллогуб, Е. П. Ростопчина, В. Г. Белинский, Н. А. Добролюбов, К. П. Брюллов, М. И. Глинка, В. Ф. Одоевский и другие. Писатель Иван Панаев, высоко оценивая деятельность салона, писал: «Чтобы получить литературную известность в великосветском кругу, необходимо было попасть в салон г-жи Карамзиной» [5, с. 19]. Следует отметить, что этот салон в период своего расцвета был уникальным явлением русской духовной культуры. Он являлся образцом менеджерской деятельности, всё больше в этом качестве привлекая современных учёных для осмысления культуры XIX века и изучения позитивного опыта.

Так, по мнению Е. Н. Палий, салон как феномен культуры России XIX века оказывал сильнейшее влияние на просветительскую деятельность общества, однако имел не только позитивное, но и негативное воздействие. «...русская салонная культура XIX века имеет целый ряд позитивных моментов, имеющих и сегодня большую ценность... удовлетворяя потребности людей в интеллектуальном, культурном общении, даёт знания в области искусства, формирует их эстетические вкус и идеалы, играет огромную роль в выработке мировоззренческих ориентиров, влияет на развитие тех или иных видов искусства и пр. ... служит воспитанию определённых манер и моделей поведения, даёт возможность обмениваться мнениями профессионалам и непрофессиональной аудитории, что служит их взаимному обогащению» [4, с. 18]. Наряду с позитивными факторами Е. Н. Палий отмечает и негативные тенденции, которые соответствовали требованиям того времени и сегодня рассматриваются как старомодные пережитки прошлого. Среди них консерватизм мнений, поведения, манерность, жеманство, сословная дифференциация посетителей, бездумное следование французской моде.

Подводя итог сказанному, следует отметить, что содержание творческой, просветительской деятельности в литературно-музыкальных салонах XIX века носило подражательный характер, заимствовало западноевропейскую модель развития, использовало главным образом французские традиции. Но самобытная культура русского дворянства, складывавшаяся веками, не могла быть полностью забыта. На становление и функционирование салонов воздействовали и русские традиции. Под этим двойным влиянием развивалось русское аристократическое общество, которое отличалось особым мировоззрением, стилем и манерой поведения, этическими и эстетическими нормами и т.п. Аристократия

первой половины XIX века отличалась высоким уровнем интеллектуального развития. Об этом писал П. А. Вяземский, акцентируя внимание на том, что многие наши писатели по духу своему аристократы и в этом их достоинство. «Дворянские гостиные наши также не вертепы мрака и невежества: они соединяют нас с образованной Европою; в них читаются русские и чужеземные книги; в них иностранные путешественники, каковы: Гумбольдт, г-жа Сталь, Статфордт Канинг, граф Сегюр находят сочувствие и соответствие своим понятиям; в них раздаются отголоски европейского просвещения, в них, а не в домах купеческих, не в жительствох мещан, ремесленников наших» [2, с. 138].

Всё это подтверждает тезис о том, что литературно-музыкальные салоны первой половины XIX века представляли собой выдающееся явление русской духовной культуры, создавая вокруг себя особую интеллектуальную атмосферу взаимодействия, свободного общения, взаимопомощи, обмена мыслями и чувствами.

Литература

1. Берков П. Н. Ломоносов и литературная полемика его времени. 1750–1765. – Москва ; Ленинград, 1936. – 339 с.
2. Вяземский П. А. Объяснение некоторых современных вопросов литературных. Статья I. О духе партий; о литературной аристократии // Избранное. – Москва, 2010. – С. 138–139.
3. Из моей старины. Воспоминания князя А. В. Мещерского. 1841 // Русский архив. – 1901. – № 1.
4. Палий Е. Н. Салон как феномен культуры России XIX века: традиции и современность : автореф. дис. на соиск. учен. степ. доктора культурологи : 24.00.01 / Палий Елена Николаевна. – Москва, 2008. – 48 с.
5. Панаев И. Литературные воспоминания. – Москва, 1988. – 448 с.
6. Полищук В. И. Культурология : учебное пособие. – Москва : Гардарики, 1999. – 446 с.
7. Теребенина Р. Е. Пушкин и З. А. Волконская // Русская литература. – 1975. – № 2.
8. Соллогуб В. А. Повести, воспоминания / сост. И. С. Чистова. – Ленинград : Художественная литература, 1988. – 693 с.
9. Три века русской музыки. – Москва : Государственный центральный музей музыкальной культуры имени М. И. Глинки, 2002. – 99 с.

НАУЧНЫЙ ДИСКУРС ГУМАНИТАРИСТИКИ

ГУМАНИТАРНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ КАК ОБЪЕКТ КУЛЬТУРОЛОГИИ: ОПРЕДЕЛЕНИЕ, ИЗУЧЕНИЕ, ТЕНДЕНЦИИ

Сергей Сергеевич ИППОЛИТОВ,

кандидат исторических наук, проректор по развитию,
декан факультета государственной культурной политики
Московского государственного института культуры, Москва, Россия

e-mail: nivestnik@yandex.ru

В статье рассматриваются культурные, правовые, социальные особенности понятия «гуманитарная деятельность», анализируется её современное состояние, проводятся исторические параллели. В статье предпринята попытка сформулировать определение гуманитарной деятельности, определить критерии соответствия и несоответствия какой-либо деятельности понятию «гуманитарная». Дается определение гуманитарной деятельности, под которой, по мнению автора, следует понимать безвозмездную помощь нуждающимся группам людей, находящимся в состоянии гуманитарного кризиса вследствие военных действий, природных катаклизмов или гражданского противостояния, направленную на обеспечение условий их физического выживания, беспрепятственного доступа к жилью, питанию, медицинской помощи, образованию, культуре. Гуманитарная деятельность невозможна без соблюдения принципа ненасильственности, уважения культурных, религиозных и правовых норм стран-реципиентов, обеспечения равного доступа к помощи всех национальных, религиозных и социальных групп населения, которые в ней нуждаются.

Ключевые слова: гуманитарная деятельность, ООН, российская эмиграция, гуманитарная катастрофа, гражданское противостояние.

HUMANITARIAN ACTIVITY AS AN OBJECT OF CULTURAL STUDIES: DEFINITION, STUDY, TRENDS

S. S. Ippolitov, Ph.D. (History), Vice-Rector for Development,
Dean of the Faculty of State Cultural Policy,
Moscow State Institute of Culture, Moscow, Russia

e-mail: nivestnik@yandex.ru

In article cultural, legal, social features of the concept “humanitarian activity” are considered, its current state is analyzed, parallels in history are drawn. In article an attempt to formulate definition of humanitarian activity, to define criteria of compliance and discrepancy of any activity to a concept “humanitarian” is made. The author defines humanitarian activities, which, according to the author, should be understood as gratuitous assistance to needy groups of people in a state of humanitarian crisis as

a result of hostilities, natural disasters or civil strife, aimed at ensuring the conditions of their physical survival, unhindered access to housing, food, medical care, education, culture. Humanitarian activities are impossible without respect for the principle of non-violence, respect for the cultural, religious and legal norms of the recipient countries, ensuring equal access to assistance to all national, religious and social groups that need it.

Key words: humanitarian activity, UN, Russian emigration, humanitarian disaster, civil opposition.

В последние несколько десятилетий словосочетание «гуманитарная деятельность» является неотъемлемым элементом многочисленных дискуссий и частью общественно-политического дискурса многих стран мира. Но если любознательный читатель обратится к сетевым ресурсам и попытается найти точное определение этого понятия, то он с удивлением обнаружит, что такового не существует. Да, словосочетание «гуманитарная деятельность» часто употребляется в международном и национальном общественном пространстве, о гуманитарной деятельности звучат речи с трибуны ООН, ей посвящены многочисленные статьи в прессе. Но если внимательно вчитаться в публикуемые материалы, становится очевидно, что многие авторы и спикеры понимают под этим словосочетанием зачастую вещи диаметрально противоположные, а подчас и вовсе чудовищные. В качестве яркого примера можно привести наиболее частую ассоциацию, которую подсказывают поисковые машины в Интернете: гуманитарная интервенция и гуманитарная бомбардировка. Хочется верить, что это не единственное смысловое наполнение изучаемого понятия.

Целый ряд отечественных исследователей так или иначе подходили к необходимости осмысления понятия «гуманитарная деятельность». Однако опубликованные работы на эту тему сводились главным образом к образовательному аспекту проблемы. Речь велась о гуманитарности как характеристике и неотъемлемой части образовательного процесса [см.: 1; 3; 12 и другие].

Внимательному исследованию подвергалось гуманитарное сотрудничество в тех или иных областях между странами мира. В научных работах, опубликованных на эту тему, гуманитарная деятельность исследовалась как нечто само собой разумеющееся, всем известное и не требующее дополнительных определений понятие и часть общественной жизни [см.: 4; 5; 7; 9].

Однако так и не удалось обнаружить определения собственно гуманитарной деятельности, формулировку тех базовых принципов, на которых она должна строиться. Поэтому попробуем, наконец, сформулировать это определение; прояснить, какие сферы общественной, государственной, международной деятельности допустимо относить к понятию «гуманитарная»; рискнем выработать некоторые подходы к отнесению той или иной

активности к «гуманитарной деятельности» или какой-либо иной, предложив для этого понятный и доступный культурологический инструментарий.

Для решения поставленной задачи очертим круг тех видов человеческой деятельности, которые подходят под определение «гуманитарная» безусловно, не вызывая при этом негативных аллюзий.

Выход человечества из эпохи варварства ознаменовался первыми попытками ограничить безудержное торжество и неограниченную власть победителя над поверженным противником, а также привнести в процесс вооруженной борьбы элементы этики. Это так называемые Законы Ману, датируемые II веком до н.э. – I веком н.э. и запрещавшие использование отравленных стрел, убийство раненых и мирных землепашцев [2]. Сегодня это – Гаагские и Женевские конвенции, которые ввели в международное право свод гуманитарных норм и правил, призванных минимизировать страдания мирного населения в условиях военных действий и регламентировать применение особенно опасных видов вооружения. Эти международные акты стали основой того, что называется сегодня гуманитарным правом; без этого свода международных договоренностей современная система права просто немыслима. Вместе с тем некоторая регламентация действий воюющих держав в этих международных актах не затрагивает ситуацию, проистекающую из самого факта ведения войны: ситуацию гуманитарной катастрофы, возникающую «по итогам» вооруженного противостояния, и те действия, которые должны были бы предпринимать воюющие стороны для минимизации и исправления нанесенного ущерба.

Эту высокую миссию по оказанию помощи раненым на поле боя, а позднее и мирным жителям, пострадавшим от военных действий, взяло на себя Международное движение Красного Креста и Красного Полумесяца, основанное в 1863 году. Деятельность краснокрестных организаций в период Первой мировой войны, и особенно деятельность Российского и Американского Красных Крестов на территории России во время Гражданской войны, как раз и подводят нас к теме, вынесенной в заглавие данного исследования. Именно в этот период в гуманитарной деятельности организаций, ставивших перед собой цель оказания помощи пострадавшим в ходе военных действий, впервые начали проявляться элементы, которые через сто лет позволят говорить о кризисе гуманитарной деятельности как таковой.

Соотнесем два исторических события: гуманитарную деятельность Американского Красного Креста в Сибири и на Дальнем Востоке России в 1918–1920 годах и деятельность Международного комитета Красного Креста в конце 1990-х годов на юге Судана, в Конго-Браззавиле, Перу, Колумбии, в России (Чечне) и в ряде других стран и регионов.

История деятельности Американского Красного Креста в Сибири и на Дальнем Востоке России в период Гражданской войны даёт почву для

размышлений об иных, кроме заявленных, целей оказания помощи населению. После трагических событий 1917 года в России и начавшейся Гражданской войны деятельность иностранных организаций «на русском направлении» стала весьма престижной и сулила быстрый политический капитал. Американский Красный Крест не стал исключением. Наряду с безусловно нужной в тот тяжелейший исторический период помощью, которую через посредничество АКК зачастую оплачивали российские эмигранты в Америке для своих родственников в России, эта гуманитарная организация преследовала и иные цели. Осенью 1919 года Временное главное управление Российского общества Красного креста заслушало доклад своего представителя во Владивостоке о деятельности американцев в этом городе. В нём речь шла о том, что работа «Американского Красного Креста сводилась к рекламированию своей деятельности вместо действительно широкой помощи населению. Не отказываясь на словах от согласия осуществлять помощь русскому Красному Кресту и вести с ним совместную работу, американцы на деле ограничили свою помощь поставками крайне незначительного количества медикаментов, хирургических инструментов и материалов, а вместо совместной деятельности резко сократили свою работу в особых госпиталях, заняв для них лучшие помещения и принимая все меры к тому, чтобы вся деятельность их протекала исключительно под флагом Американского Красного Креста» [цит. по: 6, с. 111]. В том же 1919 году стали появляться свидетельства отказа Американского Красного Креста от обещанной помощи, что крайне негативно отразилось на формировании прифронтовых лазаретов в самый разгар военных действий.

А вот строки, написанные почти сто лет спустя сотрудником Постоянного представительства России при отделении ООН в Женеве: «В 1996–1997 годах МККК продолжал использовать свой особый статус “нейтральной гуманитарной” организации для прикрытия работы, в целом трудносовместимой с принципами гуманитарной деятельности. Так, наряду с большим объёмом действительно гуманитарной работы продолжалась косвенная поддержка сепаратистских, антиправительственных сил, групп террористов и организованной преступности в России (Чечне), на юге Судана, Конго-Браззавиле, Перу, Колумбии и других странах... Комитет является одним из ценнейших институтов сбора и анализа специальной и секретной информации, а также механизмом промышленного шпионажа... [10]».

Так какой же должна быть гуманитарная деятельность, чтобы полностью соответствовать заявленным принципам? Допустимо ли сочетание политических, экономических, военных, разведывательных целей с оказанием гуманитарной помощи? На каких принципах она должна базироваться? Ответ на эти вопросы мы можем попробовать отыскать ещё в одном наблюдении уже упомянутого сотрудника ООН, называющего опре-

делённые действия международных гуманитарных организаций «столь нелепыми и вредными [10]», что они, по мнению автора, вполне соотносимы с последствиями самих войн и стихийных бедствий. Конечно, на наш взгляд, в таком утверждении есть значительное преувеличение. Однако не вызывает сомнений тот факт, что непрофессиональное, неумное, ангажированное и политически мотивированное «гуманитарное» вмешательство в дела суверенных государств часто оборачивается обострением национальных, межконфессиональных и межплеменных конфликтов, и примеры Азии и Африки в этом смысле являются наиболее вопиющими.

Таким образом, становится очевидно, что осуществление гуманитарной деятельности невозможно без учёта культурных особенностей, культурного контекста, обычаев, верований и религиозных устоев того региона, где эта деятельность осуществляется. Планирование и осуществление гуманитарных акций с позиции культурного и цивилизационного гегемона, несущего свет и благоденствие «необразованным туземцам», может привести к эффекту, прямо противоположному ожидаемому; гуманитарные акции могут быть восприняты получателями помощи как оскорбительные, унижающие их достоинство. Результатом может стать обострение гуманитарной ситуации, рост насилия и углубление культурных противоречий между нуждающимися людьми и «благодетелем».

Из сказанного проистекает другой принцип гуманитарной деятельности – её ненасильственность. Как сказал герой известного советского фильма, «осчастливить против желания нельзя». Появление в общественно-политическом дискурсе словосочетания «гуманитарная интервенция» должно служить вербальным маркером планируемой агрессии; пропагандистским клише, свидетельствующим о подготовке общественного мнения к нарушению международного права в отношении суверенного государства под предлогом осуществления гуманитарной деятельности. Последний президент Чехословакии и первый президент Чехии Вацлав Гавел в своем интервью газете «*Le Monde*» 29 апреля 1999 года произнес слова, ставшие впоследствии горьким и саркастическим обозначением политики насильственного вмешательства в дела независимого государства под гуманитарным предлогом: «Я думаю, что во вторжении НАТО в Косово имеется элемент, в котором никто не может сомневаться: воздушные атаки, бомбы не вызваны материальной заинтересованностью. Их характер – *исключительно гуманитарный*: главную роль играют принципы, права человека, которые имеют приоритет даже над государственным суверенитетом. Это делает вторжение в Федерацию Югославия законным даже без мандата ООН» [13].

На глазах изумлённой публики произошла мгновенная подмена ценностей. Понятие «гуманитарность» оказалось жестко привязано к насильственным действиям, осуществляемым незаконно, без оглядки на

международное право и неизбежный ущерб жизни и здоровью людей. Открылось «Окно Овертона»: рамки допустимого спектра мнений в публичных высказываниях с точки зрения общественной морали, публичной этики и просто здравого смысла были внезапно сломаны. То, что ранее в общественной морали было абсолютно недопустимо, преступно и противоречило самой идее гуманитарности, в одночасье стало вполне приемлемым способом достижения поставленных политических целей. Будучи однажды приоткрытым, «Окно Овертона» в понимании определения «гуманитарная деятельность» продолжает распахиваться всё более, и сегодня никого не удивляют «гуманитарные» залпы ракет, «гуманитарные» вторжения и «гуманитарные» наказания «провинившихся» государств и правительств.

Сам собой напрашивается следующий тезис: гуманитарная деятельность не может быть предваряема или сопровождается политическими или иными условиями. Осуществление гуманитарных программ в нуждающихся странах и регионах не может сопровождаться требованиями по изменению политического строя, образовательных программ, традиционных укладов или культурных устоев общества. Попытки внедрения «правильных» образовательных или культурных «продуктов» под видом гуманитарной деятельности; навязывание иных, нетрадиционных для данного общества, моделей поведения [8, с. 24]; ревизия местных образовательных и культурных программ; создание «альтернативной» истории и культуры, продвижение и популяризация произведений искусства, шокирующих культурные предпочтения местных жителей, – все эти признаки свидетельствуют о вторичности гуманитарной деятельности по сравнению с политическими или иными целями в данном регионе.

В этом же ряду признаков находится и избирательность гуманитарной деятельности. Оказание помощи по национальному, этническому, территориальному принципу в рамках локального региона гуманитарного бедствия; выбор объекта гуманитарной деятельности по религиозному, культурному, социальному признаку может свидетельствовать о попытке создания псевдогуманитарными методами зон иностранного влияния, сепаратизма, протестного потенциала с целью изменения государственного или конституционного строя страны-реципиента.

Немаловажным фактором в оценке целей гуманитарной деятельности является правовая культура её исполнителей. Пренебрежение местным законодательством, внедрение в правовое поле страны – объекта гуманитарной деятельности – собственных правовых норм, требование законодательного иммунитета для работников гуманитарных миссий также выходят за рамки гуманитарной деятельности.

Обратимся вновь к оценке современного состояния гуманитарной деятельности сотрудником Постоянного представительства России при отде-

лении ООН в Женеве: «По общему признанию, за последние 3–4 года международная гуманитарная деятельность претерпела серьёзные изменения. Глубокий кризис охватил практически все составляющие гуманитарного сообщества, отразился на идеологии и методах его работы. Многие догмы, на которых ранее основывался гуманизм, обнаружили свою несостоятельность. Прежде всего, в Сомали, Либерии, Конго, Руанде, Бурунди, других странах был развенчан миф о новой особой миссии “культурного героя” – белого человека, продолжающего традиции миссионеров и несущего “дикарям” свет разума и плоды цивилизации в виде гуманитарной помощи и брошюр Центра ООН по правам человека. На “языке ООН” этот миф укладывается в магическую формулу: предупреждение конфликтов, посткризисная реабилитация, восстановление и дальнейшее развитие обществ по светлому пути демократии и прав человека. На самом же деле, и это уже не раз повторялось в истории, “столкновение цивилизаций” часто приводит к парадоксальному результату – “одичанию” учителей и озлобленности учеников. Отсюда и многочисленные нападения на персонал гуманитарных организаций, которые нередко провоцируются его пренебрежительным отношением к местным нравам и обычаям» [10].

С другой стороны, поняв, какой гуманитарная деятельность НЕ должна быть, отметим удачный исторический опыт, полученный в ходе преодоления последствий международных конфликтов и масштабных бедствий, позволяющий сформулировать критерии гуманитарной деятельности, преследующей заявленные цели.

В качестве таковой на переднем плане оказывается деятельность благотворительная. Существует значительное количество определений благотворительной деятельности. Одно из них содержится в Федеральном Законе РФ «О благотворительной деятельности и благотворительных организациях», вступившем в действие 7 июля 1995 года: «Добровольная деятельность граждан и юридических лиц по бескорыстной (безвозмездной или на льготных условиях) передаче гражданам или юридическим лицам имущества, в том числе денежных средств, бескорыстному выполнению работ, предоставлению услуг, оказанию иной поддержки».

Это вполне добротное определение, которое можно было бы принять за основу. Однако, на наш взгляд, оно слишком сужает гуманитарный посыл этого альтруистического явления, сводя его к предоставлению некоего набора материальных благ. Вместе с тем благотворительная деятельность в XX веке вышла за рамки только лишь материального вспомоществования нуждающимся. Наиболее яркие примеры такой деятельности можно обнаружить в истории российской эмиграции первой волны, когда российская благотворительность стала одним из факторов сохранения национальной культуры и идентичности во враждебной среде изгнания.

Благотворительная – гуманитарная – деятельность российских общественных организаций, например Российского общества Красного Креста, Земского союза, многочисленных профессиональных и воинских сообществ, по сохранению в эмиграции русской культуры, образования, языка; по строительству православных храмов, библиотек и музеев; по созданию русских школ и высших учебных заведений стала одной из составляющих культурного феномена, получившего наименование «Русское Зарубежье». Эта гуманитарная деятельность наших соотечественников в изгнании оставила столь яркий след в отечественной и мировой культуре, что её влияние продолжает до сих пор проследиваться в литературе, архитектуре, исполнительском и изобразительном искусстве многих стран мира.

Но наиболее значимым опытом гуманитарной деятельности, который может служить образцом разрешения острейших гуманитарных проблем, стала деятельность Фритьофа Нансена по определению правового статуса российских беженцев. Являясь с 1921 года верховным комиссаром Лиги Наций по вопросам беженцев, он выступил с инициативой введения в оборот унифицированного удостоверения личности беженца, получившего в его честь наименование «Нансеновский паспорт». Этот документ сыграл важнейшую роль в жизни российских эмигрантов в ситуации правовой неопределённости, позволив лицам без гражданства (апатридам) получать убежище в странах Европы и Америки.

Так что же такое гуманитарная деятельность, возможна ли она в принципе? Попробуем сформулировать определение, основываясь на предложенных тезисах.

Под гуманитарной деятельностью следует понимать безвозмездную помощь нуждающимся группам людей, находящимся в состоянии гуманитарного кризиса вследствие военных действий, природных катаклизмов или гражданского противостояния, направленную на обеспечение условий их физического выживания, беспрепятственного доступа к жилью, питанию, медицинской помощи, образованию, культуре. Гуманитарная деятельность невозможна без соблюдения принципа ненасильственности, уважения культурных, религиозных и правовых норм стран-реципиентов, обеспечения равного доступа к помощи всех национальных, религиозных и социальных групп населения, которые в ней нуждаются.

Возможна ли в принципе гуманитарная деятельность, которая соответствовала бы тем высоким заявленным принципам, которые декларируются сегодня международными организациями? Достижимо ли это? На наш взгляд, обострение идеологических, национальных, экономических противоречий в мире делает достижение этих высоких целей малореальным. Опыт последних десятилетий показывает, что все без исключения международные гуманитарные организации в той или иной степени зави-

симы от крупных международных игроков и при реализации своих гуманитарных программ не могут избежать ангажированности и предвзятости. Отчасти это признают и сами чиновники, ответственные за гуманитарную деятельность. Так, заместитель Генерального директора Международного комитета Красного Креста Беат Швайцер в своей статье для «Международного журнала Красного Креста» пишет следующее: «В последние годы ярлык “гуманитарный” всё чаще используется западными правительствами для оправдания новой и зачастую спорной политики в области безопасности. Использование гуманитарных соображений для оправдания международных военных интервенций ... привело к возобновлению дискуссий между международными гуманитарными организациями и НПО об этических принципах гуманитарной деятельности ... Гуманитарные организации, зачастую вопреки своему желанию, оказываются втянутыми в политическую и военную деятельность...» [11].

Судя по тенденции, наблюдаемой в гуманитарной деятельности последних десятилетий, дискуссии об этическом, культурном и практическом наполнении этого понятия продолжатся. Возможно, со временем произойдёт постепенное смещение «центра тяжести» в гуманитарной деятельности от международных организаций к национальным общественным и частным объединениям, которые смогут выстроить свою работу на универсальных принципах гуманности. Однако, невзирая на многовековой путь, пройденный гуманитарной деятельностью в общественном сознании, дальнейшая дорога представляется не менее тернистой...

Литература

1. *Братченко С. Л.* Введение в гуманитарную экспертизу образования : методическое пособие. – Санкт-Петербург : Санкт-Петербургский государственный университет педагогического мастерства, 2003.
2. *Булич С. К.* Ману, законы // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона : в 86 томах (82 т. и 4 доп.). – Санкт-Петербург, 1890–1907.
3. *Врублевская Е. Г.* Гуманитарные основы педагогической деятельности. – Хабаровск : Изд-во ДВАГС, 2006.
4. *Зокоева З. В.* Международная региональная неправительственная организация «Платформа Диалог Евразия»: история создания и деятельности в 1998–2012 гг. : автореф. дис. на соиск. учен. степ. кандидата исторических наук : 07.00.15 / Зокоева Залина Валерьевна. – Санкт-Петербург, 2018.
5. *Ибрагимов И. А.* Стратегия эффективного влияния. Внешняя политика «мягкая сила» и энергетическая дипломатия Азербайджана в XXI веке. – Москва : Весь мир, 2016.
6. *Ипполитов С. С.* «Я видел мёртвых...» : Российское общество Красного Креста и Американский Красный Крест в Сибири и на Дальнем Востоке в 1918–1920 гг. // Россия и современный мир. – 2018. – № 1.
7. *Ли Мэнлун.* Китайско-российское гуманитарное сотрудничество в XXI в.: тен-

- денции и перспективы : автореф. дис. на соиск. учен. степ. кандидата исторических наук : 07.00.15 / Ли Мэнлун. – Москва, 2018.
8. *Миронов А. С.* Раздувай и властвуй. – Москва : Добросвет-2000, 2001.
 9. Стажировка в Германии: научные работы студентов Московского городского университета управления Правительства Москвы. – Москва : Московский городской университет управления Правительства Москвы, 2006.
 10. *Чумарев С.* Международная гуманитарная деятельность: кризис идеологии [Электронный ресурс]. – URL: http://old.nasledie.ru/politvne/18_30/article.php?art=0
 11. *Швайцер Б.* Моральные дилеммы гуманитарной деятельности в эпоху «гуманитарных» военных интервенций // Международный журнал Красного Креста. – 2004. – № 853–855.
 12. *Эпштейн М.* Конструктивный потенциал гуманитарных наук. – Москва : РГГУ, 2006.
 13. *Havel V.* Moi aussi je me sens albanais. Le monde. 1999. 29 Avril. – URL: <http://www.lemonde.fr/cgi-bin/ACHATS/acheter.cgi?offre=ARCHIVES>

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЯ

«ЖИЗНЬ КЛИМА САМГИНА» – НЕЗАВЕРШЁННЫЙ РОМАН А. М. ГОРЬКОГО

Николай Иванович НЕЖЕНЕЦ,

доктор философских наук, профессор кафедры литературы
Московского государственного института культуры, Москва, Россия

Наталья Николаевна ПАЛЕЕВА,

доктор философских наук, профессор Института психоанализа
и социального управления, Москва, Россия

Статья посвящена последнему фундаментальному произведению А. М. Горького – историко-эпической хронике «Жизнь Клима Самгина». Эту книгу писатель оценивал как некий итог своей жизни, и творческой, и человеческой. В «Жизни Клима Самгина» подробно и глубоко анализируются очень непростые события русской жизни предреволюционных десятилетий. Горький при работе над своей хроникой использовал эпические традиции Гомера и Л. Н. Толстого. В финальной части незавершенного произведения писатель предполагал детально обратиться к событиям Октябрьской революции и Гражданской войны, которые ему, несомненно, удалось бы воссоздать во всей их грандиозности и трагичности.

Ключевые слова: хроника, эпос, история, судьба, мировоззрение.

“THE LIFE OF KLIM SAMGIN”: UNFINISHED CHRONICLE OF A. M. GORKY

N. I. Nezhnets, Full Doctor of Philosophy, Professor of the Department of Literature,
the Moscow State Institute of Culture, Moscow, Russia

N. N. Paleeva, Full Doctor of Philosophy, Professor
of the Institute of Psychoanalysis and Social Management, Moscow, Russia

The article is devoted to the last fundamental work of A. M. Gorky historical and epic chronicle “The Life of Klim Samgin”. This book the famous writer estimated as a certain outcome of his life, both creative and human. In the “Life of Klim Samgin” in detail and deeply analyzed are very complex events of Russian life in pre-revolutionary decades. Gorky, while working on his chronicle, used the epic traditions of Homer and L.N. Tolstoy. In the final part, the writer intended to refer in detail to the events of the October Revolution and the Civil War, which he would undoubtedly have been able to recreate in all their grandeur and tragedy.

Key words: chronicle, epic, history, destiny, world outlook.

Работе над хроникой «Жизнь Клима Самгина» предшествовал долгий период её внутреннего вынашивания. Сам писатель связывал время возникновения замысла с драматическим исходом первой русской революции. В действительности судьбоносная мысль родилась значительно раньше. В 1902 году Горький посетил в Гаспре лечившегося от воспаления лёгких Льва Толстого. Софья Андреевна, удручённая болезнью мужа, попросила молодого гостя рассказать что-нибудь забавное и ободряющее, и тот простодушно поведал о своём сне, который ему пригрезился накануне и в котором в качестве «живых» персонажей были выставлены самостоятельно расхаживающие по дороге сапоги: «топ-топ!...». Усмехнувшийся Толстой с упрёком заметил, что подобные явления случаются от романтической склонности в литературном деле, а его надо строить серьёзно, исторически значимо. И тогда Горький открылся в своём намерении написать историю трёх поколений, что найдёт, кстати, воплощение в его творчестве уже в 1920-е годы в «Деле Артамоновых».

Очевидно, с этой встречи Горький начал обдумывать и очертания иной, более глубокой и более объёмной повествовательности. Именно в ту пору в его сознании сложился развёрнутый план романа об интеллигенте-разночинце – «Жизнь г. Платона Ильича Пенкина». Но что-то в работе писателя над данной вещью не заладилось, и вместо неё из-под пера вышел другой роман, с несколько измененной бытовой и психологической направленностью – «Жизнь Матвея Кожемякина» (1911). Автор попытался в нём образно представить «обыденную Русь и её историю» в «уездном» исполнении, так чтобы «вширь и вглубь» развернулась вся жизнь народа, «уходящая началом в тёмное прошлое, а концом задевающая вчерашнее, близкое, знакомое, но плохо созданное» [5, с. 326–327].

Осенью 1911 года Горький начал писать повесть «Записки д-ра Ряхина», но вскоре оставил работу, высветив в герое излишнюю сосредоточенность на своём «я» и, главное, его неспособность выработать твёрдую жизненную позицию – словом, те особенности, что потом составят характерное в психологическом портрете Клим Самгина. Некоторые мотивы главной хроники Горького просматривались в другой недописанной повести «Всё то же» (1915), где отчётливо обозначилось странное раздвоение героя с самим собою.

Настоящий Горький – громадный Горький, искусство его высочайшей классической художественности определилось в историко-эпической хронике «Жизнь Клим Самгина» (1925–1936). В ней писатель собирался вывести «во весь рост» фигуру буржуазно интеллигентствующего человека, заплутавшего на перепутьях большой истории. Произведение должно было стать чем-то «небывалым» и по объёму жизненного материала, и по глубине художественно-психологического исследования исторической действительности.

В беседе с журналистом из «Советской России», состоявшейся летом 1925 года на Капри, Горький сдержанно очерчивал общие грани произведения: «Пишу большую вещь... Лиц у меня здесь много – 30–40 человек: сначала интеллигенты – “выдуманные люди”, потом, в 90-е годы, к ним присоединяются другие люди» [10]. А в письме к критику А. К. Воронскому, написанном в марте 1926 года, писатель выражался уже более определённо: «Я должен изобразить все классы: “течения”, “направления”, всю адюву суматохи конца века XIX и бури начала XX века» [1, с. 29].

Масштабы хроники вырисовывались впечатляющие. Горький стремился описать панорамно-развёрнутое движение жизненного потока, в основу которого легла бы конкретно-историческая летопись сорока его трагико-драматических лет, так чтобы в образном письме ярко высветились все явления духовной и материальной культуры Европы – от Москвы, Нижнего Новгорода и Петербурга до Берлина и Парижа. Он предполагал начать повествование с изображения русской жизни конца 70-х годов XIX века и намеревался довести его до 1919 года. Это воистину станет «итогом всему, что мною сделано», – сообщал автор в письме к Ромену Роллану, написанном в самом начале работы над произведением [цит. по: 12, с. 154]. Захватывающая жизнь психологически глубоко и объёмно во времени и пространстве, Горький намеревался поведать о том, «как русские люди жили, что они делали, о чём думали, и каковы изнутри были эти люди».

А. В. Луначарский в статьях, написанных, очевидно, после выхода в свет третьей части хроники (первая часть была опубликована в 1927, вторая – в 1928 году), попытался в подробностях пересказать замысел писателя. В интерпретации критика, Горький зримо показывает, «как люди мыслят и спорят, как они живут, любят, как женятся, как они строят свой быт, как устраивают свои дела, какие они читают книжки, какую обстановку создают, – все эти стороны одинаково типичны и важны». В итоге получалось «необъятное богатство красок, сведённых к одной большой гармонии, к одному большому целому...» [7, с. 139–140].

Луначарский верно уловил намерение Горького ориентироваться в своём пространственно-временном охвате жизни на эпопею Л. Н. Толстого «Война и мир», но при этом не отметил чрезмерной детализации, какая складывалась в хронике при обрисовке бытовой обстановки и человеческого характера в ней. Мельчайшей подробностью, образно-метафорической и образно-психологической, Горький нередко поднимался до всеохватывающего и всепроникающего письма «вглубь и вширь», какое органично и естественно больше ощущается в стихийно текущей, поэтической стилистике гомеровской «Илиады», чем, скажем, в авторски очищенном, эпически-книжном языке «Войны и мира».

Горький стремился обрисовать поведение персонажей с их мыслями и чувствами, закреплёнными в жестах, мимике, позе, движении глаз, пово-

роте головы. Его образное письмо своей детальностью, психологической проработанностью сближается с эпическим психологизмом Гомера, во всех подробностях передачи человеческих отношений в жизни обыденно-бытовой и бранной, на поле сражений.

Писатели и критики, равно как и читатели, были методологически и культурно мало подготовлены к объективному толкованию горьковского эпоса. Словно предвидя его судьбу, сам автор так объяснял содержание своего произведения и собственное отношение к нему в беседе, состоявшейся в конце 20-х годов с полпредом Советского Союза в Италии Д. И. Курским: «Я не могу не писать “Жизни Клим Самгина”. У меня накопился фантастически обширный материал, он властно требует, чтобы я объединил его, обработал. Я не имею права умирать, пока не сделаю этого... Быть может, сразу вещь моя не будет принята. Но когда-нибудь оценят...» [4, с. 204].

В частности, не понял и не принял сурового и внешне беспристрастного реализма хроники Ф. Гладков, первым в советской литературе создавший социально-производственный роман («Цемент», 1925) и однозначно ждавший от Горького вещи нравственно-пафосной, в стиле легенды о Данко. Особенно «неуместным» показался ему по-бытовому сниженный слог, каким изложены эпизоды, соотнесённые с большевистски настроенным Степаном Кутузовым [3, с. 97–98]. Суждения Гладкова в известной мере разделял критик В. Шкловский, узревший в авторе хроники признаки «очень начитанного бытовика», который живёт в полном отрыве от нужд и героики революционной эпохи [14, с. 9].

В том же недоброжелательном свете писали о Горьком и критики из русского литературного зарубежья. Так, Е. Д. Кускова, подводя итоги 35-летней творческой работе писателя, едко назвала его в парижских «Современных записках» «обескрыленным Соколом». По её мнению, повествование о жизни Клим Самгина лишено каких-либо строгих композиционно-сюжетных очертаний; автор явно «подавлен» (в своём письме) «хаосом изображаемой жизни».

Тем не менее Горький покорял и писателей, и читателей изысканной культурностью своей мысли, на редкость всеохватывающей начитанностью, громадной властью над языком, «над всеми эпохами и переживаниями людей» [7, с. 140]. В Горьком многим виделся художник первого ряда всеевропейского искусства; в 30-е годы, когда он окончательно поселился в Москве, к нему приезжали из Европы «попить чаю и поговорить о литературе» Ромен Роллан, Анри Барбюс, Бернард Шоу. А. Фадеев, который писал в ту пору собственную хронику Гражданской войны (роман «Последний из удэге») и который, очевидно, соотносил своё художественное письмо с горьковским, искренне отмечал в последнем «явление исключительной мощи и ума», что дало основание автору в избранной им стародавней жанровой форме жития «изобразить всё» в «жизни страны огромной,

богатой, нищей и талантливой – за сорок лет» [12, с. 669–670]. С творческим интересом писали о «Жизни Клима Самгина» прозаики А. П. Чапыгин, С. Н. Сергеев-Ценский, критик И. А. Груздев. В поэтике хроники они единодушно выделяли её реалистическую яркость, богатейшую и полную жизни панораму событий, заключившую в себе существо русской и европейской истории [2, с. 189, 220]. Любопытно замечание И. А. Груздева, согласно которому сотворение «Жизни Клима Самгина» является «таким же подвигом, как создание “Евгения Онегина” и “Войны и мира”» [2, с. 145–146].

В последующие годы советской эпохи хронике Горького привычно истолковывали как вершину социалистического реализма. Многие исследователи отмечали в ней «неодолимость большевистских идей и народной революции» [8, с. 154; 13, с. 168]. В перестроечные и постсоветские годы наметился иной, экзистенциальный подход к интерпретации горьковской хроники, совмещённый с внутренним, психологическим исследованием судьбы и положения человека в общественной жизни. Так, П. И. Строков в статье «Загадки романа о Климе Самгине», опубликованной на страницах журнала «Знамя», рассмотрел очертания судьбы русской интеллигенции, представленной Горьким в трагедийно-драматическом свете; при всей своей образованности и готовности подняться «на властные отроги революционного действия», она, слабовольная и нерешительная, уступила их окраинным слоям российского общества. Строков обстоятельно обрисовал психологические вехи 40-летней жизни главного героя, совмещая их с вехами жизненного потока России [10, с. 168].

Ещё дальше продвинулась в своём анализе образа Клима Самгина И. А. Ревякина. В её статье «Горький и другие: Литературные диалоги в Сорренто», напечатанной в журнале «Русская словесность», герой Горького представлен трагическим страдальцем, замешанным на чувстве общей судьбы человека в мире на рубеже XIX–XX веков [9, с. 50].

Основная роль в хронике отведена Климу Самгину. В его изображении автор сосредоточился на двух тематических линиях: одну составило отношение действительности к сознанию героя, а другую – отношение сознания героя к действительности. Действительность персонифицирована в образах Ивана Самгина, Веры Петровны, Тимофея Варавки, Марины Зотовой, Степана Кутузова; здесь же – Макаров, Дронов, Лютов, Иноков, Томилин, Никитина, Туробоев... Это вымышленные персонажи; наряду с ними в сюжетное действие введены лица конкретно-исторические: Николай II, Николай Бауман, Фёдор Шаляпин, Савва Морозов, Савва Мамонтов, Георгий Гапон; в заключительном наброске к повествованию возникает фигура Ленина. В итоге психологический центр, занятый Климом Самгиным, существенно ослабляется, совмещаясь с множеством структурных пунктов, обозначенных другими героями, и тем самым перестаёт быть единственно стягивающим в сюжете.

Сюжетное действие, сложившееся на «материале насквозь живом», напрямую зависит от самгинского сознания, но ещё «правится» сознанием окружающих его лиц и, естественно, сознанием самого автора. Самгин обрисован как сознание, но ещё и как индивидуальный характер со своими особенностями внешности и поведения. Собственно, образ его, содержательно укрупняясь от эпизода к эпизоду, и возрастает в эпосе до полнокровного художественного типа, совместившего в себе социально-историческую типичность и неповторимый набор личных качеств.

Горький не поэтизирует и не дискредитирует личность Самгина. Его отношение к ней художнически устойчивое, утончённо критическое. Причём само авторское вмешательство в психологическое состояние героя почти незаметно; тут каждая мелочь образно высвечивается разве что точно подобранным эпитетом, сравнением, саморазоблачающе сказанным словом. Поведение Клим явно контрастирует с поведением окружающих его лиц, но оно в немалой степени контрастирует и с собственной его самооценкой и оценкой, которую неназойливо привносит в текст писатель-рассказчик, и часто устами «другого». Арестант, проходивший мимо окна, за которым стоял Клим, с усмешкой роняет: «Гляди – Лазарь воскрес!» Горький с известной долей иронии (а не сатиры) неотступно «присматривает» за своим персонажем в его нескончаемом блуждании по миру.

«Мир объектов», объёмно вобравший историю русского общества 1870–1910-х годов, изображён в хронике во всей своей неизбывно и живо пульсирующей динамике и драматизме. Клим страстно пытается войти в него, навязчиво претендуя на малейшие его всплески, но, придерживаясь позиции безусловного наблюдателя, он не способен овладевать событиями большой действительности. Его мысль постоянно расходится с поступками, что и впрямь подтачивает в нём умственное и морально-этическое основание старорусской интеллигентности. Клим не более чем промежуточное явление в предоктябрьском мире. «Вибрации» его образа уничтожительно просты: герой неуклонно выдаёт себя в свете за умника и оригинала, хотя ему редко удаётся быть оригинальным и умным. Он неизменно попадает под влияние «другого» и невольно начинает перенимать его мысли и, перенимая и заимствуя, почти всегда с болью и переживаниями попадает в своё мнение о себе на этой чужой мысли, оттого что собственной мысли обрести не может.

Самгин в своей «непосредственной посредственности» выступает одновременно образцом и свидетелем собственной (и несобственной) пустоты. Заметим, если бы у Горького в качестве «свидетеля» выступал сам автор, ему бы мало верили. Тут пронизательнее довериться герою; Клим как «поплавок» на морской волне: «волна высоко – и он высоко, волна вниз – и он вниз». Он с чувствительной тонкостью и умением рас-

суждать воспринимает и, воспринимая, неприкаянно переживает все социальные события. При этом он охотно исходит словами по поводу малозначительных явлений, тогда как события истинные характеризуются им не более чем «жидкой» болтовнёй. В Климе безыскусно сходятся свидетельствуемое и свидетель, так что он предстаёт живым документом старорусской истории и старорусской интеллигенции в ней.

Впрочем, Самгин – вполне живая личность. Он неглуп, начитан; у него есть склонность аналитически «читать» другого; в нём даже стихийно просматривается нечто от людей печоринского типа. Правда, ему более удаётся угадывать в «другом» что-то несовершенное и дурное, и это его положительно успокаивает: не так уж плох он, потому что не последний в большом мирском кругу. Иногда его посещают и переживания особенно глубокие и драматически содержательные (общение с Мариной Зотовой).

Клим не возбуждает, не создаёт события, он извне приходит в уже кем-то созданное событие. Поэтому он не может играть в нём первой роли, его роль второстепенная, всегда зависимая от «другого» и «других». Но в своём сознании он претендует на истинно заметные высоты: ему с детства внушалось стать значительным лицом, сотворяющим бури и страсти жизни. Вот тут, в собственном воображении, он король в одежде; тут он пророк и учитель, всё и вся освещающий, но без которого всё тухнет и рушится.

Клим Самгин не «доопределяет» себя в событии, так как уже прежде успеваает определить себя и с этим определением-измышлением о себе идёт во вне, вступает в событие, нетвёрдо ожидая, что оно подтвердит его измышленное определение. Но событие совершается иначе, чем предполагает Клим; и ему теперь остаётся разве что разочаровываться и переживать. Он постоянно ощущает себя в состоянии внутренней неполноты, незавершённости существования. Отрыв от реальности не оставляет Самгину шанса задержаться, сохраниться в самом себе, но провоцирует выход из себя, подводя, таким образом, по Ж.-П. Сартру, к «бытию – впереди – самого себя». Клим, направляясь в событие, заранее знает, что не утвердится в нём, и ещё до вступления в него начинает переживать поражение.

Значительность, которой Клим добивается в себе самом, материализуется в слове. Слово для него и есть событие и жизнь. По-гоголевски интеллигентствующий дворянин Ноздрёв полагал, что на собеседника, даже если им окажется гость, надо наброситься с кулаками, чтобы утвердиться в бытовой ситуации. А Клим утверждается в слове.

В слове и словом Клим, по существу, и выдумывает себя. А выдумав себя, собственное «я», он начинает выдумывать собственную жизнь и, выдумывая себя в этой жизни и свою значительность в ней, он принимает искать действительность, которой бы жизнь его пригодилась.

Действительность с её извечной неясностью притягивает и пугает Клима Самгина. Он образован, наделён необходимыми задатками; но они, как ему кажется, придавлены никчёмной российской средой, устремлённой в не нужную ей революцию. Но русское человечество не научилось жить без революции. И Клим снисходительно отдаётся чувству, превознося и понося мир и себя в мире. Смердяков у Достоевского захотел подняться и поднимается в пакости через преступление. А Клим задумал подняться в своей заведомо измышленной значительности через революцию и в революции. Она для него как материальное чрево, с которым он кровно сближен и от которого он трусливо отмахивается неожиданно вспыхнувшей в нём афористической формулой: «Революция нужна, чтобы уничтожить революционеров».

Жизнь сделала Клима одиноким, самобичующимся отступником. В нём созрел, забрезжил мотив, с которым некогда в литературе шёл на кладбище гнусный Порфирий Головлёв в надежде выпросить у праха своей маменьки запоздалое прощение: «горе одинокому!..» Будучи ordinarily-неординарной личностью, Клим близко подступает к действительности и, по слабости духа, спотыкается, что-то и кого-то предаёт в ней, от чего-то отступает – и мучается. Он ни в ком и ни в чём не находит величия и значимости. Ответственность перед действительностью для Клима просто неприемлема.

Но её мучительно переносил и сам Горький, который принимал и не принимал своей жизни в особняке Рябушинского, где он поселился в 1931 году, когда окончательно возвратился в Советскую Россию из эмиграции. Писатель ездил по Союзу, приязненно наблюдал устроительные свершения народной власти и вместе с тем неотступно тратил всю свою энергию и темперамент в работе над произведением об уходящем прошлом.

Горький боялся умереть, не завершив главного творения своей жизни, и часто говорил себе, что не имеет права умереть и, конечно, не может умереть, потому что тут, в этом эпохальном труде о Климе, сокрыто то, ради чего он родился, тут весь он сам как писатель с его стихийным художническим духом и дарованием. В заметке, написанной в начале 30-х годов, Горький признавался: «Да, я устал; Самгин ест меня. Никогда ещё я не чувствовал так глубоко ответственности своей перед действительностью, которую пытаюсь изобразить. Её огромность и хаотичность таковы, что иногда кажется: схожу с ума» [2, с. 203].

Горький не завершил своей историко-эпической хроники. Он скончался, оставив своего героя на распутье больших исторических потрясений. Писатель собирался довести повествование до 1919 года, но его творческая рука остановилась, едва поставив точку в эпизоде, изображившем февральские всплески русской истории. Критики и литературоведы, стремясь сообщить горьковской хронике впечатление некоей завершённости,

отыскали в бумагах автора черновой набросок с приездом Ленина в Россию. В нём Клим бредёт в толпе рабочих, идущих встречать своего вождя...

Самгин полагал, что вождь должен предстать высоким, широким в плечах, с округлым, истинно русским лицом. А перед ним предстал человек маленький, картавомыслящий, с чужим, полуазиатским лицом. Вождь неустойчиво топтался на броневике, нервически выбрасывал руку вверх, словно хотел вспорхнуть и улететь прочь. Клим сразу подумалось, что тот, кого он видит теперь перед собою, забрал, перехватил то, что, по логике, должно было достаться ему; в его сознании невольно пронеслось: «Ленин – личный враг!..» Эти слова словно были услышаны в толпе; его тотчас стали теснить, и кто-то из рабочих с неприязнью произнёс: «Посторонись, таракан!.. Эх-эх, таракан, тараканище!..» Голос корябюще кольнул Самгина; сознание его на мгновение вспыхнуло острой обидой, но тут же куда-то отодвинулось и невозвратно отошло...

Теперь невозможно представить, какая мысль-идея определилась бы в хронике «Жизнь Клим Самгина», доведи автор собственный замысел до конца. Одно несомненно: Горький, с выработанной им психологической и образной тщательностью, панорамно-широко и объёмно изобразил бы события Октябрьской революции и Гражданской войны. И, конечно, он обрисовал бы всё это несколько иначе, чем оно вышло в трилогии «Хожение по мукам» у А. Н. Толстого, увидевшего революцию со стороны, глазами интеллигента-дворянина, но очень близко и родственно тому, что состоялось на страницах величественной трагической эпопеи М. А. Шолохова, смотревшего на грандиозное историческое происшествие изнутри, глазами простого казака, творца сущего.

Но даже в том виде, в каком хроника Горького состоялась, её в известной степени можно считать художественно полной, поскольку в ней нашла исчерпывающее выражение сущностная идея русской национальной и всеевропейской жизни на разломном рубеже XIX и XX веков.

Литература

1. Архив А. М. Горького. – Москва, 1965. – Т. 10. – Кн. 2. – 420 с.
2. Архив А. М. Горького. – Москва, 1965. – Т. 12. – 460 с.
3. *Гладков Ф.* Жизнь Клим Самгина // Литературное наследство. – Т. 70. – С. 90–98.
4. Запись беседы с А. С. Курской // Москва. – 1973. – № 8. – С. 202–209.
5. *Коцюбинский М. М.* Собрание сочинений : в 4 томах. – Москва, 1965. – Т. 4. – 389 с.
6. *Кускова Е. Д.* Обескрыленный Сокол; к 35-летию работы М. Горького // Современные записки. – 1928. – № 36. – С. 36–42.
7. *Луначарский А. В.* Собрание сочинений : в 8 томах. – Москва, 1964. – Т. 2. – 480 с.
8. *Овчаренко Ал.* М. Горький и литературные искания XX столетия. – Москва, 1971. – 250 с.

9. *Ревякина И. А.* Горький и другие: Литературные диалоги в Сорренто // Русская словесность. – 1997. – № 5. – С. 48–52.
10. *Строков П. И.* Загадки романа о Климе Самгине // Знамя. – 1994. – № 4. – С. 84–91.
11. *Сыркин А.* В гостях у М. Горького // Красная газета. – 1925. – № 136. – 4 июня.
12. *Фадеев А.* За тридцать лет. – Москва, 1959. 750 с.
13. *Щербина В. Н.* «Жизнь Клима Самгина» // Октябрь. – 1936. – № 11. – С. 168.
14. *Шкловский В.* «Жизнь Клима Самгина» М. Горького // Новый Леф. – 1927. – № 6. – С. 8–14.

РАННЕЕ ТВОРЧЕСТВО А. М. ГОРЬКОГО В ВОСПРИЯТИИ СИМВОЛИСТОВ (К 150-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ ПИСАТЕЛЯ)

Сергей Александрович СТЕПАНОВ,

кандидат культурологии, доцент кафедры литературы
Московского государственного института культуры, Москва, Россия

e-mail: stt.stepanov2018@yandex.ru

Статья посвящена творчеству крупнейшего русского писателя Алексея Максимовича Горького (1868–1936). Автор обращается к проблеме, достаточно редко выделяемой критиками и исследователями, – к восприятию произведений Горького представителями антагонистичного ему лагеря символистов. В статье отмечается, что повести и рассказы А. М. Горького о босяках, благодаря которым он получил всероссийскую известность, были высоко оценены критиками-символистами Д. С. Мережковским и Д. С. Filosofoвым. Как Мережковский, так и Filosofov увидели в горьковских босяках кардинально новый тип героя, яркие и свежие образы, ранее неизвестные русской литературе. При этом критики-символисты подчёркивали, что эти новые, во многом уникальные герои являются воплощением крайнего индивидуализма, непримиримого протеста и бунтарства, которые носят характер почти апокалиптический.

Ключевые слова: творчество, символизм, реализм, босячество.

THE EARLY WORKS OF A. M. GORKY IN THE PERCEPTION OF THE SYMBOLISTS (THE 150TH ANNIVERSARY OF THE BIRTH OF THE WRITER)

S. A. Stepanov, Ph.D. (Cultural Studies), Associate Professor of the Department
of Literature, the Moscow State Institute of Culture, Moscow, Russia

e-mail: stt.stepanov2018@yandex.ru

The article is devoted to the work of the largest Russian writer Alexei Maximovich Gorky (1868–1936). The author addresses the problem, which is rarely singled out by critics and researchers – the perception of Gorky's works by representatives of the antagonistic symbolist camp. The article notes that novels and short stories by A.M. Gorky on the tramps, due to which he received wide fame, was critically acclaimed-the symbolists D. merezhkovsky and D. Filosofov. Merezhkovsky and Filosofov saw in Gorky's tramps a radically new type of hero, bright and fresh images, previously unknown to Russian literature. At the same time, critics-symbolists stressed that these new, largely unique characters are the embodiment of extreme individualism, irreconcilable protest and rebellion, which are almost apocalyptic.

Key words: creativity, symbolism, realism, bosyachestvo.

Алексей Максимович Горький – последовательный реалист, одновременно продолжатель классических традиций XIX века и реформатор реализма. К символизму, первому по времени «антиреалистическому»

течению в русском искусстве рубежа XIX–XX веков, Горький относился критически, во многом враждебно. Выступая с ранних лет в качестве беспощадного обличителя мещанства, писатель определял символистов как «культурных мещан», стремящихся «спрятаться от творчества жизни в тёмные уголки мистицизма, в красивенькие беседки эстетиков», «печально и безнадежно бродящих в лабиринтах метафизики...» [цит. по: 3, с. 57]. Символисты также отзывались о Горьком по большей части негативно.

Однако ранние произведения Горького, прежде всего произведения, посвящённые босякам, писатели-символисты оценили достаточно высоко. Обратимся к мыслям теоретика русского литературного символизма Дмитрия Сергеевича Мережковского. В 1903 году Мережковский опубликовал большую статью «Чехов и Горький». В ней, как и во многих других своих работах, автор настаивает на том, что реализм в русской литературе вступил в фазу кризиса, себя изжил. Последние яркие и талантливые писатели-реалисты – А. П. Чехов и М. Горький. Главная заслуга Горького перед русской литературой, по мнению Мережковского, заключается в том, что он ввёл в её пространство новые яркие и интересные образы – образы босяков: «Босяк Горького заслужил свою славу: он открыл новые, неведомые страны, новый материк духовного мира. При входе в ту “страну тьмы и тени смертной”, которая называется босячеством, навсегда останется имя Горького» [2, с. 623].

Художественных достоинств, эстетической ценности в произведениях Горького Мережковский не находит, заявляет в связи с этим, что «о Горьком как о художнике больше двух слов говорить не стоит», его поэзия «ничего не заслуживает, кроме снисходительного забвения... Вообще босяк с поэзией напоминает Смердякова с гитарой» [2, с. 622].

Художественная слабость, однако, не снижает огромного значения Горького-писателя, поскольку «сказанная им правда о босяке заслуживает величайшего внимания». В творчестве Горького Мережковский видит не искусство, но жизнь, «правдивейший подлинник жизни, кусок, вырванный из жизни с телом и кровью» [2, с. 625].

Определяя босяков из произведений Горького как новые и оригинальные образы, взятые из самой жизни, Мережковский замечает в них некое страшное и разрушительное, почти апокалиптическое начало. Босячество есть явление не столько социальное, сколько духовное: «Босяк не только не сознаёт себя жертвою общественной среды и условий, а, напротив, сознаёт, что эта среда и эти условия могут сделаться жертвой тления и смерти, которые он носит в себе. Кроме босячества внешнего, социально-экономического, есть босячество внутреннее, психологическое – последний предел нигилизма, последняя обнажённость, нагота и нищета духовная» [2, с. 633].

Босячество становится в итоге некой новой религией, заменяющей Бога Человеком, высшее божественное начало обожествлением всепоглощающей и всеразрушающей человеческой личности. Босяцкая «религия» близка к идеям Ф. Ницше: «Иногда кажется, что босяки Горького читали философа Ницше, хотя и в дешёвом, не совсем грамотном русском переводе, однако поняли в нём всё-таки больше, чем русские интеллигенты» [2, с. 637]. Эта лжерелигия ведёт в тупик, к духовной пропасти: «Если христианство – религия Бога, который стал Человеком, то босячество – религия человека, который хочет стать Богом. Это обман, поскольку если Бог – ничто, то и человек – ничто» [2, с. 639].

Необходимо отметить, что позднее, в статье 1916 года «Не святая Русь», посвящённой автобиографической книге Горького «Детство», Мережковский говорит об отходе знаменитого писателя от агрессивной «религии» босячества и определённом возвращении к глубинной народной духовности: «Как пророк “сверхчеловеческого босячества” Горький кончился. Но кончился один Горький – начался другой...». Здесь критик сосредотачивает внимание на одном из центральных образов – бабушке, воплощающей в себе лучшие народные, «Христовы воистину», начала: «Бабушка – сама Россия в ее глубочайшей народной религиозной сущности. Отречься от Бабушки, значит, отречься от самой России. Этого Горький не сделает и, если бы даже хотел, то не мог бы это сделать» [1, с. 228–229].

Во многом близкие мысли относительно произведений А. М. Горького, посвящённых босякам, высказал другой представитель символизма Дмитрий Владимирович Философов. В статье 1907 года «Конец Горького» Философов, как и Мережковский, подчёркивает, что первостепенное место Горького в русской литературе основывается прежде всего на привнесении им в её пространство ярких и оригинальных образов босяков. Причём для Философова, как, опять же, и для Мережковского, феномен босячества в наименьшей степени является социально-бытовым, это есть прежде всего особое воплощение индивидуального личностного начала: «...Горький показал нам новые стороны современного русского быта, но значение его как писателя этим не исчерпывается. Не *быт* сущность дарования Горького, а *личность* (здесь и далее курсив Д. В. Философова – С. С.). В новых формах, в новой обстановке, в босячестве, Горький показал все ту же вечную личность человека, вернее, вечную жажду личности. Хочу быть личностью, человеком, – вот постоянный бессознательный вопль его босяков; “я” – вот альфа и омега их мирозозерцания. Остальное – обстановка, фон... Пробуждение личности, ощущение себя как чего-то первичного, особенного, неразложимого, ничему в корне своем не подвластного, – вот идейная основа “босячества”» [4, с. 428–429]. Обострённое чувство собственной личности порождает анархический бунт против извечной системы ценностей, против всего мироздания: «Горький-художник, прежде всего, индивидуалист.

Если в нем есть что-нибудь ценное, яркое, это именно бунт личности против общества, “я” против “не я”, против мира и Бога. Темпераментом, психологией своей он анархист. С этой точки зрения его босяк из социально-экономического типа подымается до высоты абсолютной человеческой личности, до богоборчества. Как художник, Горький бесстрашно нарисовал нам “голого” человека и заложенную в нем разрушительную силу: – “пусть всё скачет к черту на кулички”» [4, с. 431].

Статья Философова имеет категоричное название «Конец Горького». С чем это связано? Критик-символист, давая очень высокую оценку творчеству А. М. Горького рубежа XIX–XX веков, произведения более поздние, начиная с пьесы «Варвары», считает откровенно слабыми. Они, по мнению Философова, «нанесли такой урон литературной славе, обнаружили признаки такого серьезного разложения дарования, что в возрождение писателя Горького уже как-то мало верится» [4, с. 426].

Творческий кризис Горького Философов связывает прежде всего с увлечением писателя социалистическими идеями, которые кардинально не соответствуют анархической, индивидуалистической природе его дарования, получившей глобальное воплощение в образах босяков: «...Горький думает, что нашёл рычаг для приложения босяцкой силы и рычаг этот – социализм... Горький не сумел осмыслить своего индивидуализма. Он чисто внешне, механически соединил его с ходячим материализмом и впал в самую низменную пошлость... Горький, не задумавшись над трагичностью проблемы, впихивает босяка-анархиста в кузов товарищей-социалистов. Этим он уничтожает правду “босяка”, его инстинктивную жажду абсолютной, единой, неповторимой личности – ибо относит его страдания на счёт “среды и условий”; для Горького социал-демократа – “босяк” из общечеловеческого превращается незаметно в социально-экономический тип» [4, с. 435].

Измена изначальной природе своего дарования, изначальной основе неповторимых образов босяков оказалась, как искренне считает Философов, губительной для Горького-художника: «Здесь начинается у Горького романтическая сентиментальность дурного тона, здесь начинается калечение Горького-художника – Горьким социал-демократом... Всё, что было в нем, как в художнике, яркого и сильного – исчезло. Неудовлетворенность, искание, бунт, – заменил он самодовольным тоном заурядного демагога. Язык, сильный и красочный в первых его вещах, стал трескучим, фальшивым и каким-то неумелым, гимназическим» [4, с. 436].

Итак, в образах босяков символисты увидели яркое и оригинальное явление, ранее не известное русской литературе и русской культуре в целом. Будучи кардинально новым духовно-социальным явлением, горьковские босяки, по мнению критиков-символистов, воплощали в себе тенденции во многом катастрофические и разрушительные.

Литература

1. *Мережковский Д. С.* Не святая Русь (религия Горького) // Эстетика и критика. – Москва : Искусство ; Харьков : СП «Фолио», 1994. – Т. 2. – 669 с.
2. *Мережковский Д. С.* Чехов и Горький // Эстетика и критика. – Москва : Искусство ; Харьков : СП «Фолио», 1994. – Т. 1. – 672 с.
3. *Степанов С. А.* Мещане и мещанство в отечественной литературно-философской мысли и публицистике // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. – 2016. – № 4 (72). – С. 54–59.
4. *Философов Д. В.* Конец Горького // Критические статьи и заметки (1899–1916). – Москва : ИМЛИ РАН, 2010. – 679 с.

МОТИВ ЧУДА В РАССКАЗАХ И ПОВЕСТЯХ АЛЕКСЕЯ КОТОВА

Ирина Владимировна КАЛУС,

доктор филологических наук, профессор кафедры литературы
Московского государственного института культуры, Москва, Россия

e-mail: irina.kalus@yandex.ru

Статья обращена к рассказам и повестям современного прозаика Алексея Котова и исследует различные преломления лейтмотива чуда, характерного для творчества писателя. Мотив чуда тесно связан с коренными вопросами бытия человека и мотивами исцеления, спасения и поиска пути. В художественном мире Алексея Котова чудо позволяет преодолеть физическую реальность, подчиняя пространство и время.

Ключевые слова: мотив чуда, мотив исцеления, мотив спасения, Алексей Котов, журнал «Парус», повесть «Чудо ты моё зеленоглазое», повесть «Цирк Абигаиль», рассказ «Деловые люди», рассказ «Четыре фотографии», рассказ «Записки церковного сторожа», цикл «Мультяшные рассказы», рассказ «Смешинка», художественные пространство и время.

THE MOTIVE OF A MIRACLE IN THE STORIES AND NOVELS OF ALEXEY KOTOV

I. V. Kalus, Full Doctor of Philology, Professor of the Department of Literature,
the Moscow State Institute of Culture, Moscow, Russia

e-mail: irina.kalus@yandex.ru

The article is devoted to the stories and novels of the modern writer Alexey Kotov and explores the various refractions of the main motive of the miracle typical for the work of the writer. The motive of the miracle is closely connected with the fundamental questions of human existence and the motives of healing, salvation and the search for the way. In the artistic world of Alexei Kotov, a miracle allows to overcome physical reality, artistic space and time.

Key words: the motive of the miracle, the motive of healing, the motive of salvation, Alexey Kotov, the journal "Sail", the story "You're my green-eyed miracle", the story "The Abigail Circus", the story "Business people", the story "Four photographs", the story "Notes of a Church caretaker" cycle "Cartoon stories", the story "Funny", an artistic space and time.

Алексей Николаевич Котов – один из тех редких современных прозаиков, который, в отличие от многих собратьев по перу, поднимает серьезные вопросы, так или иначе возникающие на жизненном пути перед каждым человеком: зачем я живу? Что для меня имеет ценность в этой жизни? Куда я иду? Что такое любовь, вера, жизнь и смерть? Почему с нами происходят те или иные события? Способны ли мы простить или даже полюбить своего врага? Можем ли различить добро и зло?

С 2012 года Алексей Котов – постоянный «житель» рубрики «Человек на земле» в литературно-художественном журнале «Парус» [16].

В основе большинства рассказов этого прозаика лежит не просто увлекательный сюжет, построенный на парадоксе или анекдоте, а нечто большее, чем забавная история: произведения этого писателя обращают человека лицом к самому себе, показывают выход из какого-либо сложного жизненного лабиринта. Таковы рассказы («Неведомая земля», «Ласточка», «Сволочь», «Кошка», «Дорога из Тимаково», «Радость моя...», «Точка на карте», «Чёртова кожа», «Сашка Боганет», «Четыре фотографии», «Райские яблоки», «Рождение Адама» и другие).

Не исключением стала повесть «Чудо ты моё зеленоглазое» [11], в которой соседствуют, сверкая изломами, самые разные, порой неожиданные грани человеческого бытия.

«Ах, как много на свете кошек, Нам с тобой их не счесть никогда» [1, с. 244], – утверждал лирический герой Сергея Есенина. Его слова вполне могли бы стать эпиграфом к повести Алексея Котова «Чудо ты моё зеленоглазое», которая с не меньшим успехом вдогонку известному булгаковскому произведению могла бы называться «Кошачье сердце» и в которой читатель насчитает достаточно большое количество чёрных кошек – для кого-то плохой приметы, а для кого-то – талисмана удачи. Однако повесть в первую очередь о человеке.

Это почти детективно-мистическая история о любви, о живом, необыкновенно чувствительном человеческом сердце, о предприимчивости, творческом подходе к жизни и о подлинной цене всех вещей. Это и впечатляющая картина наших сегодняшних реалий, где нищают старики, здравствуют бандиты, распадаются семейные отношения, процветают пороки, а человек всё больше и больше сиротеет, оказываясь один на один с жизнью без всякой поддержки и уверенности в себе. «Жизнь – невыразима!» – восклицает главный герой повести [11]. И действительно, сама жизнь есть чудо – тайна, которую каждый персонаж повести разгадывает в меру своих сил.

Мотив чуда – древний русский мотив, органично входящий и в былины, и в предания, и в летописи, и в сказки. Чудо как нечто, преодолевающее законы физической реальности, как гавань человеческой надежды, символ спасения. Вспомним, что и тысячелетняя вера наших предков во многом основывалась на чуде. Не будь его, не были бы возможны ни исцеления, ни спасения, ни чудесные преображения, известные православному христианству. Повесть «Чудо ты моё зеленоглазое» наполнена тайнами, граничащими с чудесами: неожиданные изгибы сюжета заставляют читателя испытывать напряжённое волнение, строить догадки, размышлять над собственной жизнью и, возможно, тоже ожидать чудес.

Не случайно в повести чудесные свойства приписываются именно кошкам. Тема «зверя», число которого пытается «счесть» герой, обыгры-

вается в произведении в разных вариациях: и посредством реальных зверей – «братьев наших меньших», и через разгадку числа 666 – «формулы уничтожения, числа предателя», и конечно, через поиск «зверя» в своей собственной душе. Именно душу – свою и близких ему людей – стремится спасти главный герой «Чуда...».

В повести отчётливо звучит и мотив исцеления – проходя испытания, как библейский Иов, герои повести излечивают свои недуги – физические и духовные. Нельзя исключить, что в ходе чтения нечто подобное происходит и с читателем.

«Не думайте, что сказка есть детская забава, несерьезное дело для умного человека: взрослый-де выдумывает, маленьким рассказывает; а маленькие слушают и верят; верят, будто было то, чего не было, будто вправду такое было, чего и быть не могло», – произнес как-то Иван Ильин на «Вечере русской сказки» в Берлине в 1934 году [2, с. 259].

Действительно, сказка доходчивее любого философского трактата повествует о смысле земной жизни, раскрывая нам тайны бытия. И к этой мудрой сказке, не умирающей ни от каких пространственно-временных трансформаций, обращается Алексей Котов в цикле «Мультяшные сказки для взрослых» [7].

Не случайно один из них носит подзаголовок со словом «сказка», да и герои вполне подходящи – все обоснованно претендуют на право называться сказочными: «чертик» и «ангел», «медведь» и «заяц». А там, где фигурируют обычные с виду люди, автор всякий раз даёт нам самый настоящий сказочный «намек» – своеобразное «письмо от Бога» (как напрямую сказано в миниатюре «Любовь в конверте»).

Прикрываясь нарочито несерьёзной небывальщиной, анекдотичным сюжетом, рассказчик приводит нас не просто к серьёзным, но, можно сказать, фундаментальным вопросам человеческого самоопределения:

– чем побеждается пустой и скучный быт, превращаясь в одухотворённое бескорыстной любовью бытие?

– как донести любовь до человеческого сердца? Всегда ли нужны при этом слова?

– умеем ли мы летать «по-настоящему»?

– вообще, что такое жизнь?

И это (вспомним иностранную шпионку из рассказа Котова «Мурка») «the honest game», честная игра автора, несущего любому «Бумажкину» Божье Послание между строк и даже где-то между словами; потайная дверь, открывающая путь к самому себе.

Каждая сказка Котова – право на полёт, своеобразный билет, билет на чудо, позволяющий «взлететь» над обыденностью и увидеть второй слой бытия – сказочный, чудесный мир, наполненный любовью, правдой и смыслами иного, непрагматичного порядка.

«...Вспомните о русской сказке и прислушайтесь к её тихому, древнему, мудрому голосу», – побуждает нас, «деловых людей», уставших от серьезных важных дел, русский философ Ильин. Давайте же остановим суетное мгновение повседневности, присядем на минуту – «...и пусть наш мудрый кот заведёт нам свои песни и скажет свои сказки!» [2, с. 273].

При чтении рассказа Алексея Котова «Деловые люди» [4] создаётся непреодолимое ощущение, что, слегка приоткрыв театральную кулису, из таинственной темноты нам улыбается автор: «Ну, конечно, – говорит он. – Героиня рассказа всё просчитала – да и вообще всё можно решить “по-деловому”, главное, быть “деловым человеком”». И читатель почти начинает в это верить, но улыбка автора так ошеломляюще искренна, так необъяснима, что возникает ещё более стойкое ощущение: что-то здесь не так. Ведь и дела, как мы понимаем, бывают разными. Особенно щекотливы дела амурные.

Что роднит «Деловых людей» Котова с одноимённым рассказом О. Генри? Абсолютно иррациональная основа «деловитости» деловых людей, нерасчётливые расчёты и ожидаемый, но рационально не просчитываемый результат, лишённый всякой прагматичной основы. Пусть не смущают читателя «холодный деловой огонёк» в глазах героини и бизнес-потуги героя. За этими декорациями происходит совершенно другое таинство – можно сказать, творится чудо, чудо преображения. Именно оно меняет реальность вопреки всем физическим законам, и тогда матушка-земля и «бабушкин кабинет» оказываются мощнее организованной по всем правилам «акульего» бизнеса успешной фирмы, эффективнее индустрии фитнеса и «скальпельной» красоты. Именно оно побеждает время и подталкивает человека к совершению практически невозможного, приближая к той грани, за которой начинается святость.

Далеко не случайна улыбка Алексея Котова. Его герои решают самую насущную проблему, делают самое важное в жизни каждого человека дело. Должным образом выполненное, дело это привносит в жизнь красоту, порядок, прибыль и счастье.

Имя этому делу – любовь.

Любовь просвечивает и сквозь «визитную карточку» котовской улыбки, и сквозь добрый авторский смех.

Философские споры о смехе могут быть бесконечны. Какое место занимает смех в цепи нашей эволюции: животные (за исключением, пожалуй, собак) ещё не смеются, Христос уже не смеялся. Правда, Алексей Котов как-то заметил в своём интервью: «Когда Бог создавал человека, Он всё-таки улыбался» [6]. Не будем оспаривать этот тезис – возможно, так всё и было.

Получается, что смех – исключительно человеческая прерогатива («...Человеческое, слишком человеческое» [14])?

«Смех может только придавить» [17, с. 7], – писал Василий Розанов о высмеивании и сатире, подразумевая творчество нелюбимых им Гоголя и Салтыкова-Щедрина. И мы согласимся с философом: не злая едкая насмешка, а добрый тёплый смех, улыбка как символ принятия мира (смирения перед ним и смирения с ним), символ любви к сущему, слияния с сущим способны творить чудеса и разрешать любые споры, устранять любые «несправедливости».

Не случайно в своём маленьком рассказе «Смешинка» [8] Алексей Котов выводит читателя на линию «справедливость – несправедливость». Можно ли, например, не любить что-либо «справедливо»? Существует ли «справедливая любовь»? В рамках таких парадигм мыслит одна из котовских героинь – Катя.

Надо сказать, понятия «справедливости» («правопорядка», «прав человека» и т.п.) выводят нас за рамки отечественной традиции, где всегда правила «совесть», «милосердие» и «сострадание», а «свобода» равнялась «воле» плюс «закон». Борьба за справедливость и свои права («права человека»), на наш взгляд, не что иное, как попытка увести русского гражданина в сторону от своего истинного начала и заняться чуждой и бессмысленной деятельностью вместо добрых дел на благо ближних и Отечества. Там, где есть справедливость, часто нет любви.

Нелюбовь Кати «ко всему на свете» и поиск «справедливости» приводят к отсутствию счастья в её собственной жизни – серьёзной, «нормальной», обычной жизни, без всяческих несерьёзных и «несправедливых» вещей. Показательны реплики героини: «Перестань смеяться, – одёргивает себя Катя. – Тебя саму ненормальной посчитают»; «Я сюда злая, как все пришла, а значит, я, как все, совсем нормальная»; «Детство какое-то, честное слово» [8].

Нежелание принять этот мир – «несправедливый и предательский», нежелание «быть как дети», неумение прощать лишает жизнь главной героини чудес, нелогичностей, закрывает ей дорогу к полёту свободного воображения, к гибкости мысли. Человек перестаёт быть подобным Творцу.

«Да что же там такого смешного было?» – размышляет героиня над историей подруги Наташи, – «просто ей в рот идиотская смешинка попала» [8].

И мы видим, как одна маленькая («дурацкая») смешинка способна перевесить тонны злости, несправедливости, скандалов и предательства. Комедия побеждает трагедию; абсурд, «откровенная клоунада», «глупый спектакль» оказываются сильнее и добрее «справедливого» распорядка жизни.

Дар воображения, которым наделена Наташа (не случайно при упоминании об этом автор произносит имя Творца: «Господи, да ведь Наташка смеялась, потому что всё это увидела» [8]) позволяет ей простить и при-

нять изгнанного мужа («Наташка всё увидела сразу, всё поняла и всё-всё-всё простила этому дураку Мишке, а потому и засмеялась» [8]). Умение прощать и прощать до конца, по-настоящему («всё-всё-всё») присуще только тем, кто по-настоящему умеет смеяться.

Как любая душа ждёт своего Великого Жениха, так и обычная девушка, мечтающая о счастье, а не о «нормальности» («ибо мудрость мира сего есть безумие пред Богом», 1 Кор. 3:19), девушка, не превратившая злобу в характерную приметку своих будней, не обременённая поисками «справедливости», в какой-то момент совсем по-земному, даже по-деревенски, вдруг воскликнет, весело засмеявшись: «Идёт... Жаних идёт!..» [8].

Почему возникает острая необходимость сказать несколько важных слов о повести «Цирк Абигаиль»? [9]. Чрезвычайно важно создать у читателя соответствующий настрой. Любое талантливое произведение всегда имеет несколько уровней восприятия, рассчитанных на людей самого разного рода – и здесь хотелось бы высветить самый «верхний» слой, который в соединении с парадоксальной лёгкостью всегда крайне серьёзен, звучит преимущественно в подтексте и не сразу распознаётся любителями динамичных сюжетов, неожиданных поворотов и развязок. А неожиданного в повести предостаточно. Иногда действительно подумается, что жизнь не только и столько театр, сколько настоящий цирк, порой гениально красивый, порой бездарный. Такое определение жизни во многом точнее, ведь жизнь – и в сложности, и в простоте – чаще представляет собой именно цирк, требуя от участников то эквилибристики, проходов по канату без страховки, то клоунады или общения с хищниками.

Повесть Алексея Котова «Цирк Абигаиль» – чудесный живой мир, играющий светом и глубиной мысли. Лица его «американцев» подозрительно круглы, речи героев – не в меру философичны. Резонно задашься вопросом: кто же эти американские «мальчишки»?

Помимо увлекательной (слишком и неожиданно увлекательной для нашего «вдумчивого читателя») фабулы, мы находим в повести столь же неожиданно крепкий стержень. Не случайно финальные слова повести (подчеркнём, что это письмо некоего «честного» героя некоему «святому» герою) – слова о молитве. На эту ноту, вполне отчётливо проявленную в финале, мы с улыбкой, столь любимой автором данной повести, и хотим обратить внимание нашего читателя – это камертон и ключ к прочтению «Цирка Абигаиль».

Теперь обратимся к рассказу Алексея Котова «Четыре фотографии» [10]. Фотография – всегда вестник прошлого. Сравнительно молодое изобретение человечества, фотография – значительное подспорье для недолговечной памяти и ещё один метод фиксации явлений, порой неуловимых глазу и неподвластных на всё покушающейся мысли. Фотография – удивительный способ пережить физически своих реальных «прототи-

пов», схваченное в плен время, зафиксированная на особой бумаге ситуация, световой код из разноцветных пятен.

Именно фотографии, сделанные собственной памятью, становятся главными героями оригинального по композиции рассказа Алексея Котова: фотографии, сюжетно связанные общими героями, общими размышлениями, воспоминаниями, показывающие цепь событий на протяжении достаточно длительного временного отрезка.

Трудно выстроить стройную логическую цепь происходящего с нами в течение жизни. Так ли свежа память, остра мысль, отзывчива душа, бодр дух и через пять, и через семнадцать, и через двадцать семь лет? Способны ли мы осознавать себя и других во времени, видеть причудливые закономерности судьбы, понимать её необратимость, а может быть, предсказывать с точностью до детали не только будущее, но и прошлое. Да, прошлое можно предсказывать, что и делает главный герой рассказа Алексея Котова в финале – герой, силой своих мыслей останавливающий время, придающий ему значимые черты неслучайности.

Узреть Промысел неимоверно трудно. А время всё загадывает нам загадки, помещает в лабиринты событий. Тот, кто воспринимает это как несерьёзную игру, нарушает правила, уходит от своей подлинной сути, заменяет себя копиями и подделками, тот теряет время навсегда, иногда вместе с жизнью.

В сущности, что мы знаем о времени: «не знаем ни дня, ни часа», а вдруг время и есть суть и условие самой жизни, а может быть, оно всего лишь геометрическая интерпретация «процесса» в виде четвёртой координаты в пространстве Германа Минковского [13], или же олицетворение несимметричного «ветра» и «тяжести», по Н. А. Козыреву [3]; или «материя, находящаяся в непрерывном движении», по С. А. Николаеву [15]?

Безусловно, время – источник энергии. Многое можно было бы перевернуть, умей мы управлять этим источником. Но в жизни нам дано осмысленное активное бытие лишь в одной пространственно-временной точке. То ли дело в литературе! Если перечитывать художественное произведение, например рассказ, приведённый ниже, зная его развязку, многое, казалось бы, «художественно усвоенное», обретает совсем иные цвета, пророческий смысл – повествование обрастает символами и подтекстом. И тогда мы видим, что всё происходящее вершится и произносится не случайно.

Ускорение времени, этого вечного двигателя Вселенной, наблюдается лишь при необратимых процессах. Оправданы эти процессы или нет с точки зрения вечности, отдельного человека и конкретной жизни, иногда становится ясно лишь у финальной черты. Например, известно, что женщинам, как и животным, свойственно перенимать те признаки окружающего мира, которые способствуют их выживанию, – так животные

перенимают окрас своей среды обитания. Можно ли корить их за это? Можно ли называть женские маски уходом от подлинного «я»? Действительно ли внутренний уход от жизни и её начала приводит к смерти наяву? Способно ли наше истощенное время возрождаться в наших детях?

Рассказ Алексея Котова «Четыре фотографии» не столько о мужчинах и женщинах, внезапности смерти или «украденном времени», сколько о самоощущении личности и его вариациях, о ценностях истинных и мнимых, о текучести жизни и её необратимости, о поиске настоящего и о подделке под него, о чистоте души и об «умении жить».

Человек может стать источником времени – даже старые фотографии оживают и по-кузнецовски начинают «шевелиться на дне сундука», если их наполняет энергия нашей памяти, наших эмоций и неслучайных мыслей.

И ещё заметим (с полным презрением к тайм-менеджменту), что источником и повелителем времени человек становится лишь в том случае, если он наполнит смыслом великое течение жизни, а время лишь тогда потечёт в правильном направлении, когда человек будет равен самому себе, найдя единственно верную точку опоры – возможно, такой точкой окажется «внутренний страж». И образ этот возникает в связи с обращением к следующему рассказу Алексея Котова.

В «Записках церковного сторожа» [5] (а с точки зрения жанра это не эпистолярный, не эссе, а именно рассказ) мы, возможно впервые, встретим и по-настоящему близко разглядим того, кто стоит на страже. Кто же он – что защищает и от кого охраняет? Где он? У церковной ограды или внутри нас?

Стоять на страже – непростое занятие, на которое решается не каждый, и страж по определению обязан понимать больше блуждающих странников. На вооружении у него – остро отточенная мысль, горящее сердце и устремлённый ввысь дух. Страж – это наблюдатель, мыслитель и в то же время простой смертный, разгребающий лопатой снег, чтобы расчистить путь – себе и другим. Мы движемся вместе с ним по этой скользкой опасной дороге – страж доверяет нам свою душу: её сомнения, поиски, страхи, непонимания, но вдобавок к этому – искры прозрения, непреложное знание о чуде и видение своего пути.

Такой страж, не превратившийся в цербера или блюстителя нравов, всегда нужен, с ним чувствуешь себя по-настоящему безопасно и надёжно. С ним всегда веришь в чудо, поэтому важно увидеть и почувствовать этот феномен – феномен чуда как неизменный мотив не только в «Записках церковного сторожа», но и во всех повестях и рассказах Алексея Котова.

Литература

1. Есенин С. А. Полное собрание сочинений : в 7 томах. – Москва, 1995. – Т. 1.
2. Ильин И. А. Духовный смысл сказки //Собрание сочинений : в 10 томах. – Москва, 1996. – Т. 6. – Кн. II. – С. 259–273.

3. *Козырев Н. А.* Причинная или несимметричная механика в линейном приближении. – Пулково, 1958. – 156 с.
4. *Котов А. Н.* Деловые люди [Электронный ресурс] // Парус. – 2017. – № 52. – URL: <http://parus.ruspole.info/node/8212> (дата обращения: 05.10.2018).
5. *Котов А. Н.* Записки церковного сторожа [Электронный ресурс] // Парус. – 2017. – № 52. – URL: <http://parus.ruspole.info/node/7762> (дата обращения: 05.10.2018).
6. *Котов А. Н.* «Когда Бог создавал человека, он всё-таки улыбался...» [Электронный ресурс] // Парус. – 2017. – № 52. – URL: <http://parus.ruspole.info/node/6403> (дата обращения: 05.10.2018).
7. *Котов А. Н.* Мультяшные сказки для взрослых [Электронный ресурс] // Парус. – 2017. – № 52. – URL: <http://parus.ruspole.info/node/8083> (дата обращения: 05.10.2018).
8. *Котов А. Н.* Смешинка [Электронный ресурс] // Парус. – 2017. – № 52. – URL: <http://parus.ruspole.info/node/8373> (дата обращения: 05.10.2018).
9. *Котов А. Н.* Цирк Абигаиль [Электронный ресурс] // Парус. – 2017. – № 52. – URL: <http://parus.ruspole.info/node/7960> (дата обращения: 05.10.2018).
10. *Котов А. Н.* Четыре фотографии [Электронный ресурс] // Парус. – 2017. – № 52. – URL: <http://parus.ruspole.info/node/8811> (дата обращения: 05.10.2018).
11. *Котов А. Н.* Чудо ты моё зеленоглазое [Электронный ресурс] // Лира Плюс. – 2014. – URL: <https://libcat.ru/knigi/proza/sovremennaya-proza/141076-aleksej-kotov-chudo-ty-moe-zelenoglazoe.html> (дата обращения: 05.10.2018).
12. *Кузнецов Ю. П.* Возвращение [Электронный ресурс]. – URL: <http://philosophiya.ru/vozvrashenie5.html> (дата обращения: 05.10.2018).
13. *Минковский Г.* Пространство и время. – Санкт-Петербург, 1911. 94 с.
14. *Николаев С. А.* Эволюционный круговорот материи во Вселенной. – Санкт-Петербург, 2009. – 304 с.
15. *Ницше Ф.* Человеческое, слишком человеческое. – Москва, 2008. – 287 с.
16. «Парус» – журнал любителей русской словесности [Электронный ресурс]. – URL: <http://parus.ruspole.info/> (дата обращения: 05.10.2018).
17. *Розанов В. В.* Уединенное. – Москва, 2006. – 960 с.

ОБРАЗОВАНИЕ В КОНТЕКСТЕ СОВРЕМЕННОЙ ЭПОХИ

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ БИБЛИОТЕЧНАЯ НАУКА И ОБРАЗОВАНИЕ (1964–1982 годы)

Михаил Николаевич ГЛАЗКОВ,

доктор педагогических наук, профессор кафедры библиотековедения и книговедения Московского государственного института культуры, академик Международной академии информатизации, Москва, Россия

e-mail: mguci@mail.ru

В статье исследуется история библиотечного образования и профильной науки в Российской Федерации в поздний советский период. Рассмотрены руководящие решения советской власти по их развитию. Отмечены основные общероссийские позитивные и негативные тенденции в научных исследованиях 1964–1982 годов. Перечислены видные учёные в области российского библиотечного дела, их важнейшие достижения. Показаны крупные успехи в подготовке библиотечных кадров в 1964–1982 годах, а также имевшиеся проблемы. Даются итоговые аналитические оценки состояния библиотечной науки и образования в России к началу перестройки.

Ключевые слова: библиотечная наука, библиотечное образование в России, история, достижения и проблемы.

NATIVE LIBRARY SCIENCE AND EDUCATION IN 1964–1982

M. N. Glazkov, Full Doctor of Pedagogical Sciences, Professor of the Department of library science and book science, Moscow State Institute of Culture, the Academician of the International informatization academy, Moscow, Russia

e-mail: mguci@mail.ru

In article investigated the history of library science and education in Russian Federation in late soviet period. We considered the solutions of soviet authorities for library science and education development. Article marked basic positive and negative trends of Russian scientific investigations in 1964–1982. We are named the prominent scientists of Russian librarianship and their achievements. It shows large successes in librarian's preparation and the problems in 1964–1982. We give summery analytic appraisements of Russian library science and education to beginning "Perestroika".

Key words: library science, library education in Russia, history, achievements and problems.

Исследуемые годы истории библиотечного дела нашей страны актуальны в связи с закономерными сопоставлениями и сравнением достижений советского периода и состоянием нынешнего времени. Особенно показательным сравнением является положение профильных науки и образования, отражающее подлинное отношение государственной власти к важной социальной отрасли – библиотечному делу.

В России исторически изначально бытовало трепетное отношение к «разным учёным премудростям» и книжникам. «Божественный свет знаний» ценился особо. Конечно, бывали и кризисные для науки периоды, выпадавшие на смутные, бедственные времена.

Так, например, в первые годы Советской власти старых учёных всячески третировали вплоть до уголовных репрессий, а новая социалистическая интеллигенция тогда ещё не сформировалась. Но уже с 1930-х годов высшее руководство в целом вполне осознало необходимость науки для всестороннего развития страны и морально и материально поддерживало касту учёных, активно мотивировало молодёжь, вставшую на путь научных исследований.

Переходя непосредственно к обозначенному историческому периоду, времени правления Л. И. Брежнева, следует заметить, что после кратковременного кризиса начала 1960-х годов библиотечная сфера Советского Союза вступала в период стабильного роста. Позитивно стали развиваться и профильные наука и образование. Каждый крупный руководящий документ тех лет в области библиотечного дела содержал меры по их подъёму и улучшению. Рассмотрим основные соответствующие постановления и распоряжения властей.

5 апреля 1965 года был принят приказ министра культуры РСФСР А. И. Попова «Об улучшении деятельности Совета по координации научной работы в области библиотековедения и библиографии» [5, с. 320–321]. Так, в ведение данного Совета передавалось утверждение сводных планов научной работы по важнейшим проблемам библиотековедения и библиографии, сводных тематических планов соответствующих научных изданий, программ научных сессий, конференций и совещаний по проблемам библиотековедения и библиографии, рекомендаций по внедрению научных достижений в практику работы библиотек и т.д.

Приказ министра культуры СССР Е. А. Фурцевой от 7 августа 1967 года предусматривал организацию в Государственной библиотеке СССР имени В. И. Ленина (ГБЛ) научно-исследовательского отдела библиотековедения и библиографии. На новый отдел возложили проведение исследований по важнейшим отраслевым проблемам, а также координацию и кооперирование научно-исследовательской работы крупнейших библиотек общесоюзного, республиканского и областного значения, кафедр библиотековедения и библиографии высших учебных заведений.

Директору ГБЛ И. П. Кондакову поручалось в месячный срок представить в Министерство культуры СССР программу работы отдела. Первоочередными вопросами для исследований должны были стать: общественно-воспитательная роль библиотек в условиях социализма, экономика библиотечного дела, библиотека и информация, психолого-педагогические основы руководства чтением основных категорий читателей, механизация и автоматизация библиотечных процессов и другие [5, с. 323–324].

Был образован специальный научно-исследовательский отдел и в Государственной публичной библиотеке имени М. Е. Салтыкова-Щедрина. Создание мощных головных научных структур помогало координации исследований в сфере библиотековедения и библиографии, усиливало их результативность и качество. Отметим, что в госбюжете на это были найдены необходимые средства.

Проблемы отраслевой науки постоянно оказывались в сфере внимания высокого руководства. 1 октября 1971 года был издан очередной приказ министра культуры СССР «О мерах по дальнейшему улучшению организации научно-исследовательской работы в области библиотековедения и библиографии» [5, с. 331–336]. Отметив некоторые успехи, Е. А. Фурцева перечислила ряд недостатков в организации НИР по библиотековедению и библиографии: «Отсутствует чёткая система планирования и руководства этой работой, недостаточна сеть исследовательских подразделений в крупнейших библиотеках, ощущается нехватка научных кадров. Исследование некоторых проблем затянулось и не дало ожидаемого эффекта (механизация библиотечно-библиографических процессов, научная организация труда в библиотечном деле, экономика библиотечного дела и т.д.). В изучении проблем библиотечного дела недостаточно используются достижения других наук. Проведение исследований затрудняется несогласованностью в деятельности организаций различного ведомственного подчинения» [5, с. 331–336].

В приказе перечислялись меры по улучшению организации НИР в библиотечном деле. Среди них следует выделить создание Совета по координации научно-исследовательской работы в области библиотековедения и библиографии уже при Министерстве культуры СССР. Одной из первоочередных задач Совета стала «выработка рекомендаций по внедрению итогов научно-исследовательской работы в практику работы библиотек» [3].

Также организовывались проблемные советы по важным профильным направлениям. Руководителем проблемного совета по общетеоретическим вопросам библиотековедения и истории библиотечного дела был назначен О. С. Чубарьян, его заместителем – К. И. Абрамов, руководителем проблемного совета «Единая библиотечная система» – В. В. Серов

(заместитель – Е. А. Фенелонов), руководителем проблемного совета «Библиотечно-библиографическая классификация и информационно-поисковые языки» – В. М. Стриганов (без заместителя) и т.д.

На ГБЛ СССР имени В. И. Ленина была возложена координация научно-исследовательской работы библиотек и учебных заведений страны в области библиотековедения и библиографии.

Кроме того, главная советская библиотека должна была осуществлять контроль за ходом выполнения сводных планов НИР и оказывать библиотекам и учебным заведениям методическую помощь по вопросам научных исследований в области библиотековедения и библиографии. В документе указывалось, что все учреждения союзного Министерства культуры, ведущие исследовательскую работу в названной сфере, должны представлять в ГБЛ ежегодную информацию о ходе и итогах научных работ [5, с. 333–336].

В Приложении № 1 к рассмотренному приказу министра культуры СССР содержался перечень головных организаций, ответственных за разработку важнейших проблем библиотековедения и библиографии. Среди них Московский государственный институт культуры отвечал за следующие направления: 1) история библиотечного дела; 2) научная организация труда в библиотечном деле; 3) создание учебников по библиотечно-библиографическим дисциплинам; 4) система подготовки библиотечных кадров [4].

Следует отметить, что головные научно-исследовательские учреждения во многом оправдали возложенные на них надежды. Тот же МГИК в 1960–1980-е годы полностью выполнил такую сложную и трудоёмкую задачу, как подготовка единых вузовских учебников, о чём мы ещё скажем дальше. Специалисты института создали весьма уважаемую и плодотворную московскую школу историков библиотечного дела, традиции которой продолжают и сегодня. МГИК стал «всесоюзной кузницей» библиотечных кадров, наши выпускники до сих пор развивают библиотечную практику и науку на всём постсоветском пространстве.

Не были обойдены вниманием проблемы библиотечной науки и в главном профильном документе 1970-х годов – Постановлении ЦК КПСС «О повышении роли библиотек в коммунистическом воспитании трудящихся и научно-техническом прогрессе», принятом 8 мая 1974 года [10]. Министерству культуры СССР и Государственному комитету Совета министров СССР по науке и технике, Академии наук СССР, союзному Министерству высшего и среднего специального образования было поручено «обеспечить дальнейшее развитие и координацию научно-исследовательской работы в области библиотековедения и библиографии... В целях систематического обмена опытом работы и лучшего распространения достижений библиотечного строительства реорганизовать журнал “Библиотекарь” в

общесоюзный журнал – орган Министерства культуры СССР и Министерства культуры РСФСР» [10].

Требовалось «усилить роль Государственной библиотеки СССР имени В. И. Ленина, а по научным, техническим и специальным библиотекам – роль Государственной публичной научно-технической библиотеки СССР как общесоюзных научно-методических центров» [10]. Постановление Центрального комитета правившей партии в этом пункте было выполнено.

С конца 1970-х годов происходят содержательные изменения в научно-исследовательской работе по библиотековедению, библиографоведению и книговедению. Подготовка учебников и учебных пособий подходила к своему завершению. Приоритетной становилась разработка актуальных направлений профильных научных дисциплин, написание соответствующих монографий. Активно шла подготовка кандидатских и докторских диссертаций.

В рассматриваемый период ярко проявили себя видные персоналии библиотечной науки и образования, ставшие классиками отрасли. Среди них профессора К. И. Абрамов, А. Н. Ванеев, Ю. В. Григорьев, Т. Ф. Каратыгина, Ю. Н. Столяров, О. С. Чубарьян, А. Е. Шапошников и другие.

Об их деятельности и основных научных трудах содержательно написано в отечественной Библиотечной энциклопедии (Москва, 2007).

В стране широко проводились различные союзные, республиканские, межвузовские научные конференции и семинары. В них принимало участие большое число специалистов из разных регионов страны. Это способствовало обмену научным опытом и достижениями, развивало творческие контакты между научными работниками, повышало общий уровень профильной науки. Значительно увеличился выпуск научных сборников по материалам конференций.

Приходится только сожалеть, что в наше время многие научно-творческие контакты утеряны. Поездки в командировки стали большой редкостью в современной российской библиотечной жизни. Средств на них фактически не выделяется. Между тем научно-практические конференции и семинары особенно ценны для активно действующих специалистов, молодых учёных и работников. Они позволяют знакомиться с эффективными новациями, оригинальными идеями и взглядами, завязывать полезные научные контакты, расширять свой профессиональный кругозор.

Общее положение ухудшала советская идеологизация и цензура. Так, исключительное внимание, силы и ресурсы выделялись на многолетнюю подготовку сборников трудов В. И. Ленина и Н. К. Крупской по вопросам библиотечного дела. Под эгидой Государственной библиотеки СССР имени В. И. Ленина вышел капитальный сборник «В. И. Ленин и библиотечное дело». За довольно короткий хронологический отрезок он был издан трижды: в 1969, 1977 и 1987 годах.

В 1982–1987 годы был выпущен шеститомник «Н. К. Крупская. О библиотечном деле». Конечно, эти сборники исследовали ряд исторических вопросов, ввели в научный оборот неизвестные ранее архивные документы. Но время показало, что идеологическая составляющая была здесь выше научной. В XXI столетии обращение к данным сборникам минимально. И если потраченные на них ресурсы были бы распределены на другие, действительно значимые, перспективные научные проблемы, они оказались бы значительно более рентабельными и в экономическом, и, главное, в научном смысле.

3 ноября 1981 года состоялась коллегия Министерства культуры СССР, на которой была рассмотрена деятельность библиотек по выполнению постановления ЦК КПСС «О повышении роли библиотек в коммунистическом воспитании трудящихся и научно-техническом прогрессе». Отметив значительную работу по выполнению указаний ЦК КПСС, коллегия обратила внимание на ряд недостатков. Что касается научных исследований в отрасли, отмечалось медленное внедрение их результатов в практику работы библиотек. По-прежнему был низок уровень автоматизации и механизации библиотечно-библиографических процессов [5, с. 143–145]. В этом важном аспекте наша страна всё более отставала от передовых западных держав.

Тем не менее советская библиотечная наука занимала в целом лидирующее положение в мире. Достижения наших специалистов высоко ценились и признавались даже нашими идейными противниками в США и иных странах Запада. До сих пор, в XXI веке, советский теоретический багаж востребован, а созданные тогда научные накопления продолжают использоваться.

В рассматриваемый исторический период успешно развивалось отечественное библиотечное образование. В стране были открыты новые профильные вузы и техникумы. Так, в марте 1971 года Совет Министров СССР принял постановление об организации государственного института культуры в Куйбышеве (ныне – Самара) [5, с. 347–348]. Одновременно обеспечивалась необходимая инфраструктура этой и иных высших школ.

К примеру, в последовавшем 26 марта того же года приказе министра культуры РСФСР Н. А. Кузнецова «Об организации в городе Куйбышеве государственного института культуры» предусматривался целый комплекс мер. Министерскому управлению производственных предприятий, материальных фондов и сбыта предлагалось «... выделить в 1971 году Куйбышевскому институту автобус, необходимые фонды на мебель, оборудование, предметы библиотечной техники, мягкий инвентарь, музыкальные инструменты...» [5].

Куйбышевский облисполком передавал для размещения института здания на ул. Чапаевской, д. 186 площадью 1 800 кв.м. и на ул. Галактио-

новской, д. 102 площадью 1 200 кв.м. Под студенческое общежитие предоставлялся жилой дом на ул. Чапаевской, д. 192 площадью 2 200 кв.м. В 1972 году институту дополнительно передавалось здание на ул. Фрунзе, д. 138 площадью 4 800 кв.м. Облисполком обеспечил за счёт своих средств к началу 1971/72 учебного года капитальный ремонт и перепланировку указанных помещений применительно к требованиям учебного процесса.

Кроме того, в течение 1971–1972 годов осуществлялось строительство студенческого общежития на 600 мест. Преподавателям, приглашаемым на работу в институт из других городов, в 1971 году было выделено 20 квартир и в последующем ежегодно выделялось по 10 квартир «до полного укомплектования института профессорско-преподавательскими кадрами» [7], и т.д.

В 1972 году в Орле был создан филиал Московского государственного института культуры (МГИК), реорганизованный впоследствии в самостоятельный вуз [5, с. 353–355]. 20 июня 1974 года принимается постановление Совета Министров СССР об организации государственного института культуры в Барнауле [12]. С 1974 года филиал Ленинградского государственного института культуры в Казани был преобразован в самостоятельный Казанский государственный институт культуры [5, с. 355–356]. Для профессорско-преподавательского состава строились жилые дома, выделялись квартиры, приобреталось оборудование для учебных зданий и студенческих общежитий, предусматривались немалые ассигнования на качественное комплектование фондов институтских библиотек и т.д.

Типичным явлением стало разделение одной профильной кафедры в вузах на несколько разных. Например, в Хабаровском государственном институте культуры в декабре 1970 года приказом Министерства культуры РСФСР кафедра библиотековедения и библиографии была разделена на две самостоятельные кафедры с соответствующим штатом [5, с. 347]. Умножение кафедр способствовало лучшей специализации и совершенствованию учебного процесса, развитию отраслевой науки. Всего в РСФСР на начало 1980-х годов имелось 12 вузов с библиотечными факультетами и 69 средних профильных учебных заведений [1, с. 127]. Ускоренно развивалось библиотечное образование в отдалённых регионах Сибири, Дальнего Востока.

Многое в СССР делалось для демократизации образования, в том числе в библиотечной сфере, его доступности трудовому народу. Так, 17 октября 1969 года Министерство культуры РСФСР издало приказ «Об организации подготовительного отделения при Московском государственном институте культуры» [5, с. 344–346]. Согласно этому приказу с 1 ноября при МГИК открывалось заочное подготовительное отделение в количестве 100 человек, с организацией учебных групп

в Московском, Краснодарском, Восточно-Сибирском и Челябинском институтах культуры численностью 25 человек в каждом.

Ректоры институтов должны были «... обеспечить отбор и зачисление слушателей на подготовительное отделение из числа передовых рабочих, колхозников и демобилизованных из рядов Вооруженных сил СССР, имеющих законченное среднее образование и стаж практической работы не менее одного года, направленных промышленными предприятиями, стройками, совхозами, колхозами, командованием воинских частей, по рекомендациям партийных, комсомольских, профсоюзных организаций и органов культуры [5]» Планово-финансовое управление Министерства выделяло перечисленным институтам культуры дополнительные средства на содержание групп подготовительного отделения.

Данное направление в библиотечном образовании расширялось. 31 января 1975 года вышел очередной приказ Министерства культуры РСФСР, по которому с начала 1975–76 учебного года подготовительные отделения организовывались при Казанском, Кемеровском, Челябинском государственных институтах культуры. МГИКу поручалось обеспечить данные вузы учебно-методической документацией для функционирования подготовительных отделений [6, с. 238].

Московский государственный институт культуры являлся ведущим и головным библиотечным институтом страны. На него были возложены функции общесоюзного научно-методического центра по проблемам библиотечного образования, организующего подготовку и издание профильных учебников, оказывающего методическую помощь библиотечным факультетам и отделениям других вузов и техникумов и т.д.

Очень большим достижением исследуемого периода стало обеспечение учебного процесса базовыми учебниками по специальным дисциплинам. В конце 1960-х годов вышли в свет учебники И. М. Фрумина «Организация работы советской библиотеки»; «Библиотечные фонды» (под редакцией Ю. В. Григорьева), в авторский коллектив которого вошли члены кафедр библиотековедения Московского и Ленинградского государственных институтов культуры; «Библиотечные каталоги» (под редакцией Г. И. Чижковой); «Работа с читателями» (под редакцией В. Ф. Сахарова и И. М. Царегородцева), авторский коллектив которого также был смешанным. В 1970 году вышло второе, а в 1980 году – третье издание учебника К. И. Абрамова «История библиотечного дела в СССР». В 1982 году был издан учебник О. И. Талалакиной «История библиотечного дела за рубежом». В том же году появился учебник / учебное пособие «Технические средства библиотечной работы» (под редакцией А. В. Соколова). Так же были созданы учебники по библиографии, книговедению и т.д.

Многие труды заслужили высокую оценку библиотечной общественности, выдержали несколько изданий, неоднократно отмечались премиями

на различных конкурсах, широко использовались во всех вузах страны. Целый ряд учебников был переведён на языки союзных республик и зарубежных стран. Отметим, что написание учебников послужило основанием для присуждения учёного звания профессору О. И. Талалакиной и И. М. Фрумину, а вышедшие ранее учебники О. С. Чубарьяна и К. И. Абрамова были защищены в 1970-е годы в качестве докторских диссертаций и т.п. [8, с. 142].

Широко и успешно велась работа по всестороннему учебно-методическому обеспечению библиотечного образования. Издавалось множество лекций, практикумов, учебно-методических пособий для студентов. В первой половине 1980-х годов профессорско-преподавательский состав вузов культуры полностью решил данную проблему.

В то же время у советских библиотечных учебников и пособий имелся набор типичных недостатков. Они были обусловлены той же идеологизацией и цензурой. Обязательными в учебно-методических материалах являлись многочисленные, часто неоправданные и излишние ссылки на работы классиков марксизма, на труды и высказывания В. И. Ленина и Н. К. Крупской, материалы регулярных пленумов и съездов Коммунистической партии Советского Союза, речи и сочинения Генеральных секретарей Центрального комитета КПСС и прочих высших руководителей страны, нередко далёких от настоящей библиотечной жизни. Недостаточно освещался передовой «капиталистический» библиотечный опыт, произведения виднейших западных библиотековедов и т.п. Цензура охватывала также идеи и постулаты замечательных отечественных учёных и специалистов (дореволюционных, эмигрантских, репрессированных), которые расходились с официально господствовавшим в рассматриваемое время коммунистическим и материалистическим мировоззрением.

Подчеркнём, что оборотной стороной деструктивной идеологизации стало распространение в советском обществе на неофициальном уровне пиетета (нередко незаслуженного) перед западными концепциями и достижениями, в том числе в профессиональном библиотечном сознании. Низкопоклонство перед Западом достигло своего пика именно в поздний брежневский период. Фактическая капитуляция советской идеологии в головах множества наших людей явилась одной из главных причин скорого разрушения СССР в 1991 году [9; 11].

В 1964–1982 годах многократно актуализировались и дополнялись учебные планы библиотечных факультетов. Стали преподаваться новые учебные дисциплины: «Научно-техническая информация», «Технические средства библиотечной работы», «Информационные системы» и т.д. В Кемеровском и Московском институтах культуры с начала 1980-х годов была введена специализация по использованию средств механизации и автоматизации в библиотеках. Вообще, в учебные планы впервые в широ-

ком объёме стали вводиться спецкурсы, изучаемые по выбору студентов. Это помогало учитывать как индивидуальные склонности учащихся, так и актуальные потребности библиотечной практики.

Вместе с тем в обучение вводились такие предметы, как «Высшая математика», «Основы промышленного и сельскохозяйственного производства» и иные, несвойственные профессии, не имевшие должного обеспечения преподавательскими кадрами и качественно адаптированных для гуманитариев методик преподавания. Увеличился цикл общественно-политических дисциплин за счёт введения «Основ научного коммунизма», «Марксистско-ленинской этики», «Марксистско-ленинской эстетики», «Основ научного атеизма». В результате уменьшалось количество учебных часов для изучения истории и художественной литературы [8].

Несомненно положительным явлением стало увеличение контингента учащихся библиотечных факультетов вузов и отделений техникумов. В 1973 году только в соответствующих вузах СССР обучалось около 33 тысяч студентов, из них 11,2 тысяч – на очных отделениях. Если в 1960 году ежегодный суммарный приём студентов профильных факультетов равнялся 3,9 тысяч, то в 1973 году он вырос до 6,8 тысяч, то есть на 100% [2, с. 317]. К 1983 году он ещё заметно увеличился. Тогда в Московском государственном институте культуры, например, на одном курсе дневного отделения учились на библиотекаря-библиографа около 250 человек. Для сравнения в 2010-е годы аналогичный госбюджетный набор составлял всего около 8–15 студентов.

В 1970–1980-е годы совершенствуется методическое руководство профильным образованием. В 1979 году при Министерстве высших учебных заведений СССР образуется научно-методический совет по библиотечно-библиографическому образованию. Совет рассматривал проекты разных учебных планов, развитие производственно-практического обучения, специализации в подготовке кадров и т.д.

В рассматриваемые годы значительно расширилась аспирантура и институт соискательства по специальности «Библиотековедение и библиография». Ежегодный приём в аспирантуру, например на кафедру библиотековедения МГИК, составлял 8–12 аспирантов, в том числе из зарубежных стран.

Подавляющее большинство тем диссертаций было увязано с пятилетними сводными планами научно-исследовательской работы, утверждавшимися союзным и республиканским Министерствами культуры. В течение трёх десятилетий только на кафедре библиотековедения МГИК были подготовлены и успешно защищены 122 кандидатские диссертации. Причём особенно активно этот процесс шёл в 1980-е годы, когда было защищено 66 диссертаций [8, с. 143].

Несмотря на общий прогресс, обеспечить должным образом российские массовые библиотеки высококвалифицированными библиотечными специалистами к середине 1980-х годов так и не удалось. Если в 1965 году в Российской Федерации в общедоступных библиотеках системы Министерства культуры имелось 14% библиотекарей с высшим образованием (из них с библиотечным – 8%), то в 1985 году – 25% (с библиотечным – 15%). Библиотекарей со средним библиотечным образованием в 1965 году было 40%. В 1985 году эта цифра выросла до 46%. Большой оставалась текучесть кадров массовых библиотек [1, с. 128].

Основными причинами здесь стали невысокая престижность профессии в советском общественном мнении, относительно небольшая заработная плата в библиотеках. Следует также отметить, что вузы Российской Федерации принимали большое число абитуриентов из других союзных республик, которые после получения бесплатного образования уезжали работать в своих национальных структурах (ныне – независимых и нередко враждебных нам государств). Это происходило на фоне очевидной нехватки специалистов в самих российских регионах.

Однако, при всех сложностях, следует признать, что советское библиотечное образование являлось качественным и классическим в традиционном отечественном понимании данного термина. Несмотря на некоторое отставание в технических аспектах, к середине 1980-х годов СССР был мировым лидером в сфере подготовки библиотечных кадров. Пожалуй, главным достижением высшего профильного обучения стало предоставление выпускникам навыков и умений для постоянного самообразования и дальнейшего саморазвития личности, научение их жить осмысленно.

Литература

1. *Абрамов К. И.* История библиотечного дела в России. Часть 2. – Москва : Либерия, 2001. – 160 с.
2. *Абрамов К. И.* История библиотечного дела в СССР. – Москва : Книга, 1980. – 352 с.
3. Архив РГБ. – Оп. 263. – Д. 444. – Л. 111–112.
4. Архив РГБ. – Оп. 263. – Д. 444. – Л. 109–110.
5. Библиотечное дело в Российской Федерации (ноябрь 1964 – апрель 1974) : док. и материалы / авт.-сост. А. Л. Дивногорцев. – Москва : Пашков дом, 2014. – 445 с.
6. Библиотечное дело в Российской Федерации (май 1974 – февраль 1984) : док. и материалы / авт.-сост. А. Л. Дивногорцев. – Москва : Пашков дом, 2016. – 310 с.
7. ГА РФ. – Ф. А-501. – Оп. 1. – Д. 6370. – Л. 127–129.
8. *Глазков М. Н.* История научно-исследовательской деятельности в МБИ – БИИН МГУКИ (1930–2000 гг.) // Московский государственный университет культуры и искусств : опыт интеграции культуры и образования в России. – Москва : МГУКИ, 2010. – С. 129–148.

9. *Глазков М. Н.* Некоторые стержневые направления отечественной библиотечной политики 1930-х гг. // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. – 2006. – № 2. – С. 126–131.
10. Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1898–1986). Т. 12. 1971–1975. – Москва : Политиздат, 1986. – С. 418–423.
11. *Мазурицкий А. М.* Идеология и библиотеки // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. – 2015. – № 2. – С. 182–186.
12. Собрание постановлений Правительства Союза Советских Социалистических Республик. – 1974. – № 4. – Ст. 81. – С. 306.

ФОРМИРОВАНИЕ ЦЕННОСТНОГО КОМПОНЕНТА ЭКОЛОГИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ СПЕЦИАЛИСТА СОЦИАЛЬНО-КУЛЬТУРНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Татьяна Витальевна ХРИСТИДИС,

доктор педагогических наук, профессор,
заведующая кафедрой педагогики и психологии
Московского государственного института культуры, Москва, Россия

e-mail: tahris@mail.ru

Елена Владимировна МАРТИНОВИЧ,

аспирантка кафедры педагогики и психологии
Московского государственного института культуры, Москва, Россия

e-mail: elenavladmart@yandex.ru

В статье раскрывается ценностный компонент экологической культуры специалиста социально-культурной деятельности. Обосновывается место экологической культуры специалиста в структуре общей культуры. Экологическая культура специалиста социально-культурной деятельности рассматривается как составная часть его общей и профессиональной культуры; выделяются наиболее важные аспекты ценностного компонента экологической культуры специалиста социально-культурной деятельности: социальные, обуславливающие понимание высокой социальной значимости охраны окружающей среды, активная жизненная позиция; психологические, характеризующие личностное отношение к окружающей среде, развитие чувства единения человека с природой; технологические, предполагающие освоение новых методов и технологий сохранения природных богатств страны; приводятся результаты анкетирования студентов факультета социально-культурной деятельности Московского государственного института культуры, выявляющие уровень сформированности ценностного компонента экологической культуры будущих специалистов.

Ключевые слова: ценности, экологическая культура, общая и профессиональная культура, экологическое сознание, экологическая деятельность, социально-культурная деятельность.

THE FORMATION OF VALUE COMPONENT OF ECOLOGICAL CULTURE OF THE SPECIALIST OF SOCIAL AND CULTURAL ACTIVITY

T. V. Khristidis, Full Doctor of Pedagogical Sciences, Professor,
Head of the Department of Pedagogy and Psychology,
the Moscow State Institute of Culture, Moscow, Russia

e-mail: tahris@mail.ru

E. V. Martinovich, doctoral student of the Department of Pedagogy and Psychology, the Moscow State Institute of Culture, Moscow, Russia

e-mail: elenavladmart@yandex.ru

The article reveals the value component of ecological culture of the specialist of social and cultural activity. The place of ecological culture of the expert in structure of the General culture is proved. The ecological culture of the specialist of social and cultural activity is considered as an integral part of his General and professional culture; the most important aspects of the value component of the environmental culture of a specialist are highlighted: social, determining the understanding of social significance of environmental protection, active life position; psychological, characterizing personal attitude to the environment development of a sense of unity with nature; technological, involving the development of new methods and technologies for conservation of natural wealth of the country: the results of the survey of students of the faculty of social and cultural activity of Moscow State Institute of Culture are presented, identifying the level of formation of the value component of the ecological culture of future professionals.

Key words: values, ecological culture, General and professional culture, environmental awareness, environmental activity, social and cultural activity.

В наше время интерес учёных, и теоретиков, и практиков, к проблеме формирования экологической культуры личности постоянно растёт, что объясняется тем значением, которое имеет для человечества сохранение природной среды планеты.

Современные исследователи считают, что эффективными будут те меры, которые предполагают не только повышение контроля над неправомерным использованием ресурсов, правильную утилизацию отходов производства и т.д., но и формирование экологической культуры личности, предполагающей ценностное отношение к природе и месту человека в ней, что, в свою очередь, поможет избежать экологической катастрофы.

В отечественной педагогике проведён ряд исследований, посвящённых специфике формирования экологической культуры у специалистов различных профессий, развитию экологического сознания обучающихся на всех уровнях образования [5; 7; 8].

Мы исходим из того, что экологическая культура специалиста социально-культурной деятельности является составной частью его общей и профессиональной культуры. Её основными компонентами могут выступать: система экологических знаний; осознанное ценностное отношение к людям и природе; активная экологическая деятельность.

Прежде чем рассмотреть ценностный компонент экологической культуры специалиста социально-культурной деятельности, обратимся к пониманию содержания понятия «экологическая культура личности» в педагогической литературе. Так, с точки зрения Б. Т. Лихачева, экологическая культура личности представляет собой комплекс, включающий: экологическое сознание личности, эмоциональное состояние личности, утилитарно-практическую деятельность [6].

С. Н. Глазачев рассматривает экологическую культуру личности в качестве способа осуществления стержневых намерений человека, «зеркала, в котором отражается степень развития его экологического мышления и экологического сознания», и считает, что именно видоизменения имеющегося набора знаний и представлений об отношениях человека и природы даёт позволит создать более правильную систему отношений людей к окружающему миру, перейти к такой активности, которая предполагает постоянный учёт экологичности осуществляемой деятельности [2].

С точки зрения О. М. Дорошко, экологическая культура личности может быть рассмотрена как система, включающая в себя три неразрывных компонента. Первый – это всё, что связано с культурой отношения человека к природе, отражающей те экологические знания и традиции, которые были накоплены человечеством. Второй включает в себя культуру отношений человека к другим людям и к обществу. Третий включает культуру отношений к самому себе, отражает в том числе и специфику личностной позиции человека, его ценностные установки относительно окружающей среды. Именно сочетание всех трёх компонентов и создаёт экологическую культуру, позволяя ей выступать регулятором взаимодействия человека с окружающей средой [3].

Как мы видим, во всех позициях прослеживается ценностный компонент экологической культуры личности как стержневой.

Мы считаем, что формирование экологической культуры личности начинается в раннем детском возрасте, продолжается на всех этапах образовательно-воспитательного процесса, в том числе и в профессиональном образовании.

В последние годы проблема формирования экологической культуры студентов активно исследуется в педагогике профессионального образования. Изучаются особенности этого процесса у студентов как гуманитарных, так и естественно-научных направлений, предложен ряд моделей формирования экологической культуры с учётом профессиональной направленности обучающихся. Однако социально-культурная деятельность в этом перечне, на наш взгляд, представлена недостаточно. А ведь экологическая культура выступает важным структурным компонентом в профессиональном мастерстве специалиста социально-культурной деятельности, так как специфика его работы предполагает трансляцию норм и ценностей, в том числе и экологических. Следовательно, для эффективной передачи другим людям экологически значимых ценностей профессионал как минимум должен сам разделять их.

Так, А. Д. Жарков считает, что именно с помощью средств социально-культурной деятельности функционируют механизмы, обеспечивающие сохранность и развитие ценностей всего общества и входящих в него

групп, больших и малых, а также и ценностей отдельной личности [4]. Необходимо использовать данный ресурс для повышения уровня экологической культуры населения, и здесь мы вновь подчёркиваем значимость её формирования у будущих специалистов социально-культурной деятельности.

Ценности выступают критерием оценки действительности человеком и источником его деятельности. Основу понятия «ценность» составляют духовность, нравственность, этика, идеалы, устремления и смысл человеческой деятельности.

На протяжении веков понятие «ценности» отождествлялось с истиной (Аристотель, Кант, Гегель), добром (Фома Аквинский), совершенством (Лейбниц). При этом именно культура выступала тем носителем системы социально значимых ценностей, который позволял как сохранять их, так и транслировать каждому следующему поколению. Подавляющее большинство авторов, изучающих данный феномен, отмечают, что ведущим компонентом структуры любой культуры, в том числе и экологической, выступает именно аксиологический компонент.

Последние десятилетия в науке активно изучается становление экологического сознания людей, системы мотивации, обеспечивающей их экологическое поведение, а также тех составляющих ценностной сферы психики, которые связаны с оценкой значимости природы, важности её сохранения. Именно переход представлений о необходимости защиты окружающей среды на ценностный уровень позволяет говорить о реальном движении к экологическому мировоззрению, в котором к перечню наиболее значимых личностных ценностей относятся и те, которые обеспечивают готовность активно участвовать в экологически значимой деятельности.

Говоря о специфике данной проблемы в рамках подготовки будущих специалистов социально-культурной деятельности, можно отметить, что, получая возможность в будущем воздействовать на широкую аудиторию, они могут сыграть заметную роль в повышении уровня экологической культуры населения нашей страны. Реализовать такую задачу невозможно без использования аксиологического подхода. Он выступает тем фактором, который обеспечивает закрепление экологических ценностей на высоком месте в иерархии целей и смыслов жизни.

Формирование ценностного компонента экологической культуры специалиста социально-культурной деятельности предполагает, по нашему мнению, три этапа: 1) мотивационный (мотивация понимания места экологической культуры в профессиональной деятельности); 2) деятельностный (решение учебных задач в рамках формирования профессионально значимых качеств специалиста, в ходе которых формируются экологические знания и опыт их применения в практической деятельности); 3) оценочный

(формирование и совершенствование навыков самооценки экологических знаний и практических навыков их применения).

Первый этап определяется иерархией целей и мотивов, побуждающих студента к формированию экологической культуры как важной составляющей профессионального мастерства.

Второй этап соотносится с внешней структурой деятельности (по А. Н. Леонтьеву) и включает решение узкопрофессиональных задач, которые предполагают выполнение определённых действий – целеполагания, планирования, моделирования, преобразования.

Третий этап направлен на развитие самоконтроля и самооценки в процессе формирования экологической культуры.

Мы выделяем как наиболее важные аспекты ценностного компонента экологической культуры специалиста социально-культурной деятельности следующие: *социальные*, обуславливающие понимание высокой социальной значимости охраны окружающей среды, активную жизненную позицию; *психологические*, характеризующие личностное отношение к окружающей среде, развитие чувства единения человека с природой; *технологические*, предполагающие освоение новых методов и технологий сохранения природных богатств страны.

Нами было проведено исследование сформированности ценностного компонента экологической культуры будущих специалистов социально-культурной деятельности – студентов Московского государственного института культуры.

Для получения необходимых эмпирических данных использовалась модифицированная «Комплексная анкета по выявлению состояния экологической культуры обучающихся», разработанная С. Н. Глазачевым, С. С. Кашлевым и А. А. Марченко [1].

Результаты данного анкетирования показали, что 55% студентов положительно относятся к участию в различных видах и формах экологической деятельности; негативное отношение показали менее 14% студентов. Мотивы долга, понимания экологической деятельности как гражданской позиции наблюдаются у 70% опрошенных.

Непосредственные мотивы, побуждающие студентов к экологической деятельности, выглядят следующим образом: на первом месте стоит «любовь к природе», на втором – «осознание личной ответственности за свою планету», на третьем – «желание быть полезным людям». Наименее значимыми оказались такие мотивы, как «требования окружающих» и «пример других людей».

Из этого следует, что активная экологическая деятельность опосредована прежде всего внутренними мотивами. Данный результат подтверждает необходимость формирования ценностного компонента экологической культуры специалиста.

Среди препятствий к экологической деятельности студенты отмечали «нехватку времени, нехватку реальных навыков и умений, недостаток единомышленников».

В процессе ранжирования ценностей, предложенных студентам, лидировали такие, как «здоровье», «любовь», «семья», а «гармоничные отношения между природой и человеком» и «активная гражданская позиция» оказались на последнем месте.

На вопрос, «в чём состоит общечеловеческая ценность природы», мы получили следующие ответы: «Без природы невозможна сама человеческая жизнь»; «Важность природы в качестве источника вдохновения людей»; «Природа даёт возможность человеку познавать окружающий мир»; «Природа есть источник красоты в нашей жизни»; «Природа выступает как источник материальных благ».

Мы выяснили ценностное отношение к формированию экологической культуры будущих специалистов социально-культурной деятельности.

Более 70% опрошенных отметили ценность экологической культуры для развития и обогащения своего внутреннего мира.

Среди объективных причин, которые могли бы побудить студентов принять участие в волонтерской природоохранной деятельности, были выделены: защита окружающей среды от антропогенного воздействия (48%); сохранение существующих природных ресурсов (37%).

Результаты исследования позволяют утверждать, что студенты признают необходимость формирования экологической культуры как важной составляющей общей культуры личности. Однако они часто не готовы вести активную и целенаправленную деятельность по улучшению экологической ситуации.

На наш взгляд, способствовать формированию ценностного компонента экологической культуры будущих специалистов социально-культурной деятельности будет:

- включение в образовательные программы активных методов обучения и проектных технологий, направленных на формирование экологических знаний и практических навыков;
- обеспечение целостного междисциплинарного содержания учебных дисциплин, касающихся проблем экологии и экологического воспитания;
- включение студентов в научные дискуссии по проблемам экологии и природоохранной деятельности;
- формирование позитивной мотивации к экологической деятельности во внеучебное время и др.

Нами разработана система занятий, предназначенных для реализации данных положений в рамках профессиональной подготовки будущих специалистов социально-культурной деятельности. Она предусматривает как расширенное знакомство с экологическими знаниями различ-

ной тематики, так и анализ их в ходе интерактивных форм работы. Также обучающимся предлагается самостоятельно анализировать реальные экологические проблемы и предлагать варианты их разрешения и профилактики с учётом возможностей своей будущей профессии.

Образовательный процесс должен включать элективные курсы по экологическому воспитанию студентов, различные формы исследовательской и творческой работы. Желательно увеличить экологически значимое содержание учебных дисциплин, независимо от конкретных направлений подготовки, использовать опору на знания о живой природе, полученные ещё в школе, с тем чтобы обновить и подтвердить экологические знания студентов.

Сформированность ценностного компонента экологической культуры студентов можно оценивать по ряду критериев. Полнота и системность знаний об экологической культуре дают основания для объективного анализа событий и всесторонней оценки их экологической составляющей. Ценностное отношение к природе задаёт соответствующую направленность личности, обеспечивающую как экологически верное собственное поведение, так и готовность противодействовать тем действиям, которые наносят ущерб окружающей среде. Профессиональная готовность к различным видам и формам экологической деятельности связана с пониманием тех возможностей своей будущей специальности, которые могут обеспечить большую эффективность экологической активности. Степень осознанности личностной и общественной значимости экологической деятельности демонстрирует уровень принятия личностью экологически значимых ценностей, их места в общей ценностной иерархии.

Формирование ценностного компонента экологической культуры специалиста социально-культурной деятельности проходит по следующим этапам:

- рефлексивный этап – развитие познавательной рефлексии, осознание важного места экологической культуры в структуре общей культуры и профессионального мастерства специалиста;
- поисково-ориентировочный – активизация поиска и открытия личностного смысла формирования экологической культуры и применения экологических знаний в контексте профессиональной деятельности;
- принятие личностного смысла – анализ достижения жизненных и профессиональных целей в процессе экологической деятельности.

Для формирования ценностного компонента экологической культуры специалиста социально-культурной деятельности необходимо специальным образом организовывать учебно-воспитательный процесс в вузе, прежде всего направленный на профессиональное развитие личности студента, а также формирование устойчивой мотивации к экологической деятельности.

Литература

1. *Глазачев С. Н., Кашлев С. С., Марченко А. А.* Экологическая культура учителя: методическая система, педагогические технологии, диагностика. – Москва : Горизонт, 2004.
2. *Глазачев С. Н.* Экологическая культура. Исследования и разработки экогуманитарной парадигмы. – Москва, 1998.
3. *Дорошко О. М.* Формирование экологической культуры как цель образования для устойчивого развития. – Гродно : ГрГУ им. Я. Купалы, 2010.
4. *Жарков А. Д.* Воспитание мировоззрения личности – актуальная задача социально-культурной деятельности // Вестник Владимирского государственного университета. Серия: Педагогические и психологические науки. – 2015. – № 23. – С. 52 – 59.
5. *Купцова С. А.* Дидактическая модель развития экологической культуры студентов в процессе гуманитарной подготовки в вузе (на примере изучения курса «Психология») : дис. на соиск. учен. степ. кандидата педагогических наук : 13.00.08 / Купцова Светлана Анатольевна. – Великий Новгород, 2007.
6. *Лихачёв Б. Т.* Педагогика : курс лекций. – Москва : Владос, 2010.
7. *Таран О. А.* Формирование экологической культуры студентов технических профилей в образовательном процессе вуза : дис. на соиск. учен. степ. кандидата педагогических наук : 13.00.08 / Таран Ольга Алексеевна. – Ставрополь, 2006.
8. *Удовыченко О. Д.* Методики и технологии формирования экологической культуры в системе педагогических условий профессиональной подготовки студентов географических специальностей : дис. на соиск. учен. степ. кандидата педагогических наук : 13.00.08 / Удовыченко Оксана Дмитриевна. – Ставрополь, 2005.

ФОРМИРОВАНИЕ НАВЫКОВ МУЗЫКАЛЬНО-ПЛАСТИЧЕСКОЙ ИНТОНАЦИИ УЧАЩИХСЯ БАЛЕТНЫХ ШКОЛ В ПРОЦЕССЕ ВОСПИТАНИЯ СЦЕНИЧЕСКОЙ ВЫРАЗИТЕЛЬНОСТИ

Людмила Владимировна ПРУДНИКОВА,

соискатель кафедры социально-культурной деятельности
Московского государственного института культуры,
заслуженный работник культуры Московской области,
Почётный работник общего образования РФ,
заведующая Красногорским филиалом (хореографическое училище)
Государственного автономного профессионального образовательного
учреждения Московской области «Московский губернский колледж искусств»
e-mail: krasnogorsk_moki@mail.ru

В статье даётся научное определение артистизма танцора в контексте воспитания сценической выразительности, который понимается как методика создания полноценного художественного образа средствами хореографического искусства, акробатики и театрально-пластической пантомимы, сделан акцент на формировании навыков музыкально-пластической интонации как педагогического условия развития артистизма у учащихся школьного возраста на уроках классического танца в балетных школах искусств. Формируя танцующего актёра, умеющего вдохновенно и виртуозно «танцевать» содержание музыки, мы обращаемся к методикам музыкально-пластического интонирования хореографического текста, которые характеризуются высокой степенью физико-художественной концентрации артистических способностей учащихся. В современном мире хореографического искусства происходит постепенный отказ от буквального переноса приёмов драматической игры в балетный класс, что актуализирует поиск принципов сближения методов «системы» со спецификой хореографии, воспитывая в учащемся актёрский навык «танцую – играть, или, иначе говоря, играя – танцевать».

Ключевые слова: артистизм танцора, музыкально-пластическая интонация, воспитание артистизма танцоров, классический танец.

FORMATION OF SKILLS OF MUSICAL-PLASTIC INTONATION OF BALLET SCHOOL STUDENTS IN THE PROCESS OF EDUCATION OF SCENIC EXPRESSIVENESS

L. V. Prudnikova, doctoral student of Department of social and cultural activity,
the Moscow State Institute of Culture, Honored worker of culture of the Moscow region,
Honored worker of general education of the Russian Federation,
Head of the Krasnogorsk branch (choreographic school)
of the State Autonomous professional educational institution
of the Moscow region “Moscow provincial College of arts”
e-mail: krasnogorsk_moki@mail.ru

The article gives a scientific definition of “dancer artistry in the context of education of scenic expressiveness”, which is understood as a method of creating a full-fledged

artistic image by means of choreographic art, acrobatics and theatrical plastic pantomime, focuses on the formation of the skills of musical-plastic intonation as a pedagogical condition of artistry development in school-age students at the lessons of classical dance in ballet schools of arts. Forming the dancing actor who is able to “dance” the content of music masterfully and masterfully, we address to methods of musical and plastic intonation of the choreographic text which are characterized by high degree of physical and art concentration of artistic abilities of pupils. In the modern world of choreographic art, there is a gradual rejection of a literal transfer of methods of dramatic play in ballet class, which actualizes the search of the principles of rapprochement of the methods of “the system” with the specifics of choreography, teaching student acting skill “dancing is play, or, in other words, playing is to dance”.

Key words: dancer's artistry, plastic intonation, education of future dancer's artistry, classical dance.

На протяжении всей истории балетного театра как самостоятельного вида театрального искусства вопрос о сценической выразительности, о создании полноценного художественного образа танцовщиком-актёром всегда стоял остро и злободневно, поскольку всегда связывался с самим процессом становления, развития и дальнейшими перспективами этого вида театра.

На разных этапах становления подход к этому вопросу менялся в соответствии с развитием самих выразительных средств хореографического искусства. И среди немаловажных факторов здесь играло и играет большую роль соотношение танца и пантомимы. Это соотношение менялось в зависимости от смены художественных направлений и соответствующих им структурных особенностей балетных спектаклей, композиционных приёмов хореографов, от стремительного развития техники и лексики классического танца, обогащения танцевального языка балетного спектакля. Всё это ставило перед артистами балета новые сложные исполнительские задачи.

Следует отметить, что в переломные моменты своего развития балетный театр обращался к опыту и достижениям других видов искусств – литературы, изобразительного искусства, драматического театра и, естественно, музыкального театра. При этом на первых порах балет использовал их выразительные средства, не всегда учитывая свою собственную специфику и природу танца, например переноса на балетную сцену приёмы драматической режиссуры и игры драматического актёра.

Естественно, что без обращения к смежным искусствам балет не смог бы развиваться. Тем не менее ему не раз на протяжении своей истории приходилось преодолевать противоречия, возникавшие на почве нарушения равновесия между элементами, составляющими систему выразительных средств, в первую очередь между танцем и пантомимой. Так, например, круг новых задач, ставших перед балетным театром в эпоху так называемого драмбалета, хореографам было, возможно, легче решить в ряде случаев с помощью пантомимы. В итоге, имея ряд положительных

достижений, которые были использованы впоследствии хореографами следующего поколения, это направление зашло в тупик, поскольку развёрнутые и технически виртуозные формы танца перестали быть главным выразительным средством спектакля, решающим узловое драматургические моменты сценического действия.

Вопрос о соотношении танца и пантомимы, будучи одним из центральных, в настоящее время в историческом аспекте ещё не исследован и ждёт своего разрешения. Это имело бы не только теоретическое, но и большое практическое значение.

По мнению В. В. Догудовского, «мы обратились к эпохе “драмбалета” лишь с целью обозначить наше понимание терминов “образность” и “выразительность” танца. Время, когда сложилось это направление и в профессиональной среде, и среди зрителей-любителей балета, сформировало представление о том, что “выразительность” в балете это выразительность актёрской “игры”» [3].

Так, в одной из своих статей исследователь балета Л. Д. Блок, отвечая на высказывания известной балерины Т. И. Вечесловой, с удивительной глубиной вскрывает проблему, стоящую перед балетным театром в 1930-е годы [2].

Мы позволим себе привести достаточно пространную цитату из статьи Блок, поскольку эта проблема не утратила своей актуальности и в наши дни. К тому же она имеет прямое отношение к теме настоящей работы: «Как это ни дико, но некоторые артисты балета не считают танец самостоятельным средством художественной выразительности. Вечеслова до глубины души уверена, что “pas de deux нужно для успеха”. Ей в голову не приходит, что pas de deux есть то самое средство выразительности, которое создаёт образ, нужный балетмейстеру, композитору, либреттисту. А если танцовщица или танцовщик не умеют средствами своего искусства творить, жить, говорить – значит они находятся на сцене по недоразумению, значит язык танца не их язык, они тут немые. И они ничего не видят в танце кроме “техники”».

В настоящее время проблема выразительности, проблема создания полноценного художественного образа средствами технически совершенной, развёрнутой танцевальной формы, как и в балетах классического наследия, так и в постановках современных хореографов, повернулись другой стороной той же медали. Танец на балетной сцене сейчас имеет огромную популярность у зрителей, в частности, многократно возросло значение мужского танца, который и по своему месту в современных спектаклях, и по техническим «рекордам», которые ставят танцовщики-мужчины, достиг, казалось бы, ранее не предполагаемого уровня. Мужские партии укрупняются и усложняются и в новых редакциях балетов наследия. Женский танец также зрительно технически усложнился и переживает

увлечение безмерным использованием, к месту или не к месту, гипертрофированного шага.

Однако вопрос о выразительности самого танца, его образности зачастую стоит с прежней остротой. Очень часто и теперь «pas de deux нужна для успеха». По меткому замечанию одного популярного балетного критика, «на современной сцене зачастую можно видеть спортсменов, а не артистов» [5].

При этом, особенно в мужском танце, можно увидеть головокружительные «трюки», вставляемые в классические вариации, которые полностью разрушают хореографический образ и к тому же антиэстетичны.

Таким образом, несмотря на огромные успехи, достигнутые в развитии техники современного классического танца, вопрос о его образной выразительности в настоящее время по-прежнему актуален. Но уже не по причине его ухода на второй план в спектакле, как во времена «драмбалета», а по причине всё более частого его использования «спортсменами» от балетной сцены для демонстрации своих технических возможностей.

Не касаясь ряда других весьма сложных причин, по которым на балетной сцене стирается грань между спортивным выступлением и воплощением художественного образа в развёрнутых, технически сложных хореографических формах, остановимся лишь на существующих в настоящее время методах обучения актёрскому мастерству в хореографическом училище.

Принято считать, что в основу обучения положена система К. С. Станиславского, «творчески переосмысленная для хореографического искусства». Использовать систему воспитания драматического актёра, которую разрабатывал К. С. Станиславский в течение всей своей творческой жизни, постоянно её совершенствуя, в чём-то дополняя и изменяя в соответствии с новыми открытиями в области актёрской психотехники, начали именно в период становления «драмбалета» [6]. Поиски возможностей применения «системы» для обучения актёрскому мастерству артиста балета шли сложным путём. Но всё же основной тенденцией на протяжении всей истории преподавания этой дисциплины был постепенный отказ от буквального переноса приёмов драматической игры в балетный класс и поиск принципов сближения методов «системы» со спецификой хореографии. И тем не менее проблема подобного синтеза не решена до сих пор.

Известные педагоги, которые вели и ведут этот предмет в хореографических училищах, ставят конечной целью уметь «танцуя – играть, или, иначе говоря, играя – танцевать». И очень многие говорят о трудности, а иногда и невозможности соединения этих начал в одно гармоничное и, главное, единое целое: «игра» – отдельно, а танец – отдельно. Когда «играют» – перестают качественно воспроизводить хореографический текст, когда танцуют – перестают «играть». Часто это можно видеть

и на сцене во время спектакля. Безусловно, на занятиях по актёрскому мастерству приобретаются нужные, полезные для артиста балета знания и навыки: развивается творческое внимание, фантазия, воображение, мышечная свобода, ритм, общение, чувство веры и правды на сцене и многое другое.

Однако как использовать эти качества при исполнении технически сложных, развёрнутых хореографических композиций, требующих виртуозного владения классическим танцем, – остаётся не разработанным до конца участком учебного процесса.

Как овладеть танцевальным текстом, чтобы с его помощью передавать все оттенки, всю глубину переживаний персонажа, его внутренний мир, стремления и т.д., пользуясь виртуозной техникой, делая её главным носителем художественного смысла, а не разрушать хореографический образ «обыгрыванием» того или иного движения или комбинации? Такой примитивный приём создаёт на сцене нетерпимую фальшь.

Трудность овладения выразительностью танцевальной формы в классическом танце заключается и в том, что классический танец, являясь высшей формой танцевального искусства, несёт в себе очень высокую степень обобщения и концентрации эмоциональной жизни человека и его духовных устремлений. Как считали древние греки, танец – единственный вид искусства, воплощающий в себе и являющий миру единство духовной и телесной красоты. Вот почему балетный артист должен подниматься до уровня глубоких обобщений, воплощая жизнь своих персонажей на сцене, даже при исполнении партий отрицательных героев. Великие артисты балета всегда «укрупняли» создаваемые ими сценические образы.

Нередко на занятиях по актёрскому мастерству применяется такой метод. Сначала выстраивается тот или иной этюд, упражнение, по принципу драматического эпизода с использованием приёмов драматической режиссуры, часто имеющий к тому же бытовой характер. Затем действие как бы «обшивается» движениями классического танца, иллюстрирующими то или иное положение или действие; например: *demi-plié* – испуг, *passé par terre* – нетерпение, *arabesque* – стремление вперёд и т.д. Возможно, на каком-то этапе такая работа и может принести определённые полезные навыки. Но в целом она в корне противоречит законам хореографической композиции. Ибо танец подчинён, с одной стороны, законам музыкального развития и имеет ряд выразительных средств, общих с музыкой (темп, ритм, динамику, композиционные приёмы и т.д.). С другой стороны, он родственен поэзии.

В исследовании Е. В. Перлиной отмечается, что даже учебная комбинация на уроке классического танца – это своего рода стройная и законченная композиция, подчинённая законам танца, не говоря уже о танцевальных композициях больших хореографов. И как поэт мыслит непосредственно

поэтической строкой, а не описывает содержание стихотворения сначала прозой, а потом перекладывает его в стихи, так и хореограф мыслит пластическими, танцевальными образами и хореографическими композициями, а не категориями драматического режиссёра [4]. Вот почему после режиссёрской прозы трудно переходить к поэзии танца.

Не ставя перед собой задачу дать методические рекомендации по развитию выразительности и артистизма, на основе вышеизложенного остановимся на двух аспектах формирования балетного артиста-танцовщика, работа над которыми поможет гармонично соединить технику и выразительность.

Первый, о чём уже говорилось выше, выработка навыков музыкально-пластического интонирования. На этом многократно настаивал Н. И. Тарасов: «Образ музыкальный и хореографический – это синтез художественности в исполнительском искусстве театрального танца». Поэтому одна из важнейших задач педагога классического танца – научить ученика «вслушиваться в интонации музыкальной темы, стремиться технически верно и творчески увлечённо воплотить их звучание в пластике танца» [7].

Это – один из главных путей, ведущих к формированию танцующего актёра: «Уметь творчески вдохновенно и виртуозно “танцевать” содержание музыки – значит обладать одним из главных элементов актёрского мастерства».

Второй аспект формирования балетного артиста-танцовщика – научить будущего артиста знанию «синтаксиса» классического танца – умению анализировать построение адажио, вариации, хореографических ансамблей и т.д., то есть его композиционных форм. Это необходимый навык для артиста балета. По аналогии с музыкой – ни один музыкант-исполнитель не сможет исполнить музыкальное произведение и воплотить замысел автора и свое видение произведения, если не проанализирует ту форму, в которой она выражена.

А. Я. Ваганова постоянно проводит параллель между интонационной природой музыкального и хореографического искусства: «...музыка – это искусство, в котором, идеи, чувства и переживания выражаются ритмически и интонационно организованными звуками; в танце идеи, чувства и переживания выражаются тоже ритмически и интонационно средствами организованной пластики сценического движения, то есть при помощи хореографической композиции, позы и актёрского жеста» [1].

Точно так же ни один драматический актёр не сможет сыграть роль в пьесе, предварительно не проанализировав её строение.

Балетному актёру такой анализ поможет глубже постичь соотношение частей композиции, смену внутренних состояний персонажа, расставить необходимые пластические акценты, выявить контрасты, стилистику произведения и т.д.

К сожалению, анализ хореографических форм как дисциплина пока не существует не только в училищах, но и в вузах, готовящих педагогов и хореографов. Многолетний опыт преподавания в Красногорском хореографическом училище позволяет сделать вывод, что введение подобной практики в процесс подготовки исполнительских кадров является перспективным направлением педагогики балета.

Литература

1. Ваганова А. Я. Основы классического танца. – Москва : Искусство, 1980. – 192 с.
2. Блок Л. Д. Классический танец. История и современность : сборник / вступ. ст. В. Гаевского. – Москва : Искусство, 1987. – 556 с.
3. Догудовский В. В. Педагогические условия формирования пластической культуры участников самодеятельных хореографических студий : автореф. дис. на соиск. учен. степ. кандидата педагогических наук : 13.00.05 / Догудовский Владимир Владимирович. – Тамбов, 2014. – 24 с.
4. Перлина Е. В. Хореографическая координация в педагогике балета: теория, история, методика развития : монография. – Москва : МГУКИ, 2012. – 139 с.
5. Прудникова Л. В. Развитие артистизма учащихся на уроках классического танца: психолого-педагогический аспект // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. – 2011. – № 6–7. – С 153–155.
6. Станиславский К. С. Работа актера над собой. Дневник ученика : часть I и II. – Москва : Искусство, 1951. – 666 с.
7. Тарасов Н. И. 95 уроков классического танца / авт.-сост. И. Л. Кузнецов. – Москва : ГИТИС ; Санкт-Петербург : Академия русского балета имени А. Я. Вагановой, 2016. – 462 с.

ТЕХНОЛОГИИ СОЦИАЛЬНО-КУЛЬТУРНОГО ВОСПИТАНИЯ

НАУЧНАЯ ШКОЛА БЕЛОРУССКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА КУЛЬТУРЫ И ИСКУССТВ В ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОМ ГУМАНИТАРНОМ ПОЛЕ СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Алина Анатольевна КОРБУТ,

кандидат педагогических наук, доцент, ректор Белорусского государственного университета культуры и искусств, Минск, Республика Беларусь

e-mail: buk@buk.by

В статье в рамках современных направлений гуманитарных исследований дается характеристика научной школы, сложившейся на базе Белорусского государственного университета культуры и искусств (БГУКИ). Автор раскрывает основное направление научной школы БГУКИ – педагогика социально-культурной деятельности, начало которой было положено Ядвигой Доминиковной Григорович. Дается характеристика вклада в разработку этого направления таких учёных, как В. С. Гончарова, Л. И. Козловская, И. А. Малахова, Н. В. Семерсова, Т. С. Гажевская, О. В. Рогачева, Н. В. Петухова и других. В статье отмечается, что предметом диссертационного изучения в вузе являются вопросы реабилитации отдельных групп (детей, молодёжи, людей социально незащищённых и с ограниченными возможностями, лиц с девиантным поведением и т.д.) средствами социально-культурной деятельности; проблемы содержания и механизма педагогических технологий, применяемых в учреждениях культуры; модели организации социокультурной деятельности различных категорий граждан в учреждениях культуры и образования.

Ключевые слова: социально-культурная деятельность, педагогика, научная школа, воспитание, учреждения культуры.

THE SCIENTIFIC SCHOOL OF THE BELARUSIAN STATE UNIVERSITY OF CULTURE AND ARTS IN THE HUMANITARIAN SPACE OF SOCIAL AND CULTURAL ACTIVITY

A. A. Korbut, Ph.D. (Pedagogical Sciences), Associate Professor, Rector of Belarusian State University of Culture and Arts, Minsk, Republic of Belarus

e-mail: buk@buk.by

In an article in the modern humanities research is given characteristic of scientific school, established on the basis of the Belarusian State University of culture and arts. The author reveals the main direction of scientific School BGUKI "Pedagogy social and cultural activities", which laid the Yadviga Dominikovna Grigorovich. The author give a characterization of a contribution to the development of this direction of such scholars as: V. S. Goncharova, L. I. Kozlovskaya, I. A. Malakhova, N. V. Semersova, T. S. Gazhevskaya, O. V. Rogacheva, N. V. Petukhova. The article notes that the subject of the dissertation study at University are the rehabilitation of specific groups (children, young people, socially disadvantaged people and disabled persons with deviant behavior) by means of socio- cultural activities. The problem of content and mechanisms of pedagogical technologies in cultural institutions, cultural models of the activities of the various categories of citizens in institutions of culture and education socio-cultural activities pedagogy Scientific School education cultural institutions Scientific School of the Belarusian State University of culture and arts in the research field of social and cultural activity.

Key words: social and cultural activity, pedagogy, scientific school, education, cultural institutions.

На прошедшем в феврале 2018 года Российском гуманитарном форуме «Основные направления гуманитарных исследований в современной России – качество научных работ» большое внимание было уделено анализу направлений гуманитарных исследований в современных условиях и их практической эффективности.

Белорусский государственный университет культуры и искусств (далее БГУКИ) представляет собой центр гуманитарного научного сотрудничества России и Белоруссии. Для решения насущных теоретических задач у коллектива БГУКИ имеются достаточные и высококвалифицированные силы.

Научные коллективы университета стремятся оперативно внедрять теоретические разработки в практическую деятельность, содействуя повышению эффективности общества в целом и государственных учреждений культуры в частности. Этой цели в большой мере подчинено функционирование научных школ, развивающихся в университете.

Одной из определяющих научных школ университета является школа в области педагогики «Педагогика социально-культурной деятельности». Основоположником данного направления является доктор педагогических наук, профессор, заслуженный работник образования республики Беларусь Ядвига Доминиковна Григорович, в течение долгого времени возглавлявшая Белорусский государственный университет культуры. В 2014 году прошла международная научная конференция: «Личность в контексте современных социокультурных процессов», посвящённая памяти Я. Д. Григорович, в которой приняли участие видные отечественные и зарубежные учёные, ученики и коллеги Ядвиги Доминиковны.

В докладах участников конференции отмечалось, что Я. Д. Григорович сыграла выдающуюся роль в развитии педагогической науки в Республике Беларусь [1], а её монографические работы представляют собой класси-

ческие исследования в области теории и методики социально-культурной деятельности [4].

В докторской диссертации «Формирование эстетической направленности студентов в процессе подготовки к профессиональной социокультурной деятельности» Я. Д. Григорович [3] разработала конструктивную модель подготовки специалистов в сфере культуры, основанную на сочетании базовых культурологических знаний, активной эстетико-воспитательной работы по формированию культурной среды и привлечению студентов к разным формам социально-культурной деятельности в течение обучения. Автор разработала систему требований к личности педагога, работающего в области социально-культурной деятельности. Одним из важных результатов исследований Я. Д. Григорович стала профессиональная характеристика показателей эстетической направленности студентов, включающая такие компоненты, как креативность, эмпатия, эстетический тезаурус и педагогический артистизм.

Важно отметить вклад в становление университетской научной школы в области теории, организации и методики социально-культурной деятельности В. С. Гончаровой – первого заведующего кафедрой культурно-просветительной работы Минского института культуры (1984–1989). Сегодня межкафедральная научная школа, в состав которой входят 2 доктора и 15 кандидатов наук, работает под руководством доктора педагогических наук, заведующего кафедрой психологии и педагогики И. А. Малаховой и кандидата педагогических наук, заведующего кафедрой педагогики социокультурной деятельности Л. И. Козловской.

Основным направлением исследований в рамках научной школы является изучение сущности, структуры, функций, принципов, закономерностей и тенденций развития, разнообразных форм социально-культурной деятельности.

В исследованиях школы большое внимание уделяется изучению проблем воспитания личности в процессе социально-культурной деятельности, которое осуществляется в разнообразных формах патриотического, эстетического, нравственного, правового воспитания. Предметом изучения являются проблемы становления, развития и функционирования социально-культурных учреждений как социальных институтов и центров организации досуга, методика организации любительского творчества и социально-культурной деятельности, социально-педагогические технологии в учреждениях культуры и досуга, вопросы реабилитации отдельных групп населения средствами социально-культурной деятельности, социокультурный менеджмент и маркетинг.

К другим направлениям научных исследований, проводимых в рамках научной школы, относится разработка вопросов творческого формирования молодёжи в современных условиях.

Одним из интересных исследований в данном направлении стала докторская диссертация И. А. Малаховой «Развитие креативности школьников в процессе любительской художественной деятельности» [8]. Автором разработана концепция развития креативности школьников, проанализирован воспитательный потенциал любительской художественной деятельности как эффективного средства развития креативности. Предложенная И. А. Малаховой педагогическая концепция развития креативности школьников стала научной платформой для организации практической деятельности, направленной на создание целостной системы эстетического воспитания и организации любительской художественной деятельности в учреждениях культуры Белоруссии [8].

Проблемы формирования и развития экологической культуры детей и подростков нашли отражение в монографическом исследовании Н. В. Самерсовой [14], исследовавшей эту проблему на базе учреждений социокультурной сферы [10].

В диссертационной работе Т. С. Гажевской «Развитие эстетических вкусов молодёжи в литургическом хоровом коллективе» [2] раскрыты возможности использования духовной хоровой музыки как средства воспитания эстетического вкуса участников любительских хоровых коллективов.

В исследовании О. В. Рогачёвой «Педагогическая коррекция негативных эмоциональных состояний младших школьников в процессе досуговой деятельности» [13] разработаны важные характеристики досуговой деятельности младших школьников, определены и обоснованы педагогические принципы и условия коррекционного воздействия на развитие эмоциональной сферы младшего школьника в процессе досуговой деятельности. Автором была обоснована оригинальная методика педагогической коррекции тревожности и страхов младших школьников, что открыло перспективы для дальнейшего совершенствования воспитания младших школьников и внедрения научных результатов исследования в практику деятельности учреждений социокультурной сферы [13].

Большой интерес вызывает диссертационное исследование Е. А. Макаровой «Функционально-структурные преобразования в деятельности клубных учреждений в Беларуси» [6]. В диссертации раскрыта корреляция между этнорегиональными традициями и структурой культурных потребностей личности, социальных групп в сфере свободного времени. Автором намечены пути функционально-структурных преобразований в деятельности государственных клубных учреждений как центров развития национальной культуры через их профилизацию, специализацию, создание новых моделей учреждений культуры. В диссертации разработана и апробирована модель клубного учреждения как демократического, общедоступного, гуманистически ориентированного социально-культурного института, который осуществляет социально-культурные процессы

в регионах страны, придаёт им организованный характер и положительную социально-воспитательную направленность. В дальнейшем Е. А. Макарова подготовила научные и учебные издания по тематике арт-менеджмента [7]. Всё это заложило прочные основы «функционально-структурной школы» в теории социокультурной деятельности.

В рамках исследовательской деятельности представителей научной школы существенное внимание уделяется разработке вопросов теории и методики организации любительского творчества молодёжи. В диссертации Л. Л. Рожковой «Формирование национального самосознания подростков средствами фольклора в самодеятельных художественных коллективах» [12] раскрыты педагогические условия повышения эффективности процесса формирования национального самосознания участников любительских художественных коллективов, разработана методика совершенствования работы по эстетическому, патриотическому и идеологическому воспитанию подрастающего поколения на основе формирования этнокультурных ценностей.

В научной работе Н. В. Петуховой «Формирование эстетического восприятия природы у подростков – участников любительских фольклорных коллективов» [11] раскрывается педагогический потенциал фольклорной деятельности, который может быть использован в процессе формирования эстетического восприятия природы [11].

Исследования представителей другой научной школы направлены на разработку социально-педагогических технологий, применяемых в учреждениях культуры и досуга, дополнительного образования, при организации социально-культурной деятельности различных категорий граждан в учреждениях культуры и образования. Предметом изучения являются вопросы реабилитации отдельных групп (детей, молодёжи, людей социально незащищённых и с ограниченными возможностями, лиц с девиантным поведением и т.д.) средствами социально-культурной деятельности. Примером оригинального исследования в этом направлении является диссертация С. Б. Мойсейчук «Художественно-творческая деятельность детей-инвалидов как средство их социально-психологической реабилитации» [10]. В ней автором рассмотрены реабилитационные возможности различных видов и форм художественно-творческой деятельности детей-инвалидов, показан реабилитационный потенциал и возможности индивидуальных, групповых и массовых форм художественно-творческой деятельности детей-инвалидов. Разработанная автором модель проведения фестиваля-праздника художественного творчества детей с особенностями психофизического развития как социально-культурной акции оценена специалистами Белорусской ассоциации помощи детям-инвалидам и молодым инвалидам как оптимальная и предложена региональным подразделениям для

реализации. Результаты исследования были использованы в процессе организации программ социальной поддержки инвалидов, проводимых на базе БГУКИ.

В сферу научных интересов представителей следующей школы входит изучение вопросов социокультурного менеджмента и маркетинга. Примером такого исследования стала диссертация Ю. В. Мицкевич «Организационно-педагогическое обеспечение рекламной деятельности культурно-досуговых учреждений» [9], в которой раскрывается социально-педагогическая направленность рекламной деятельности культурно-досуговых учреждений. Автором разработана концепция социально-педагогического воздействия рекламы на разные группы населения. В работе представлена авторская модель организационно-педагогического обеспечения рекламной деятельности культурно-досуговых учреждений, определены условия, повышающие субъектную активность в процессе рекламной практики. Диссертантом также разработана и апробирована компетентностная модель специалиста по рекламе.

В исследовании М. В. Камоцкого «Формирование культуры повседневности молодёжи села средствами социально-культурной деятельности» [5] уточнено содержание понятия «культура повседневности молодёжи села» (в педагогическом контексте). Автор разработал и экспериментально подтвердил эффективность методики формирования культуры повседневности молодёжи села средствами социально-культурной деятельности, показал организационно-педагогические условия её реализации [5]. Есть все основания полагать, что здесь складывается своя исследовательская школа.

В настоящее время выпускники аспирантуры Н. С. Прокопович, Е. С. Сочнева и Т. Е. Синькевич подготовили к защите кандидатские диссертации по актуальным направлениям социально-культурной деятельности на селе. А сельский труд в Белоруссии не менее значим, чем промышленный.

Сегодня коллектив университета ведёт активную работу по развитию научного сотрудничества с образовательными, а также исследовательскими учреждениями и организациями зарубежных стран. Осуществляется международное сотрудничество в рамках договоров с 125 учреждениями высшего образования и науки стран ближнего и дальнего зарубежья, включая такие крупные научные центры, как Московский государственный институт культуры, Санкт-Петербургский государственный институт культуры; установлены партнёрские связи с коллегами из образовательных, научных и социальных центров России, Украины, стран Балтии, Германии, Дании и других стран.

В БГУКИ регулярно проводятся международные конференции и форумы, в которых активное участие принимают известные зарубежные учёные. В качестве примера можно привести проведение Второй регио-

нальной встречи экспертов ЮНЕСКО в области художественного образования и образования средствами искусства, в которой приняли участие специалисты из 15 стран. Ежегодно в университете проводятся международные конференции: «Культура. Наука. Творчество», «Аутентичный фольклор: проблемы изучения, восприятия, сохранения», «Культура Беларуси: реалии современности» и другие с участием авторитетных зарубежных учёных. В университете регулярно проводятся мастер-классы по актуальным проблемам социокультурной практики. Видные учёные и специалисты выступают также в роли консультантов и научных оппонентов. В качестве примера можно привести активное сотрудничество с университетом доктора педагогических наук, профессора Московского государственного института культуры В. С. Садовской, которая является членом совета по защите диссертаций при БГУКИ. В свою очередь, ведущие представители научно-педагогической школы вуза постоянно привлекаются к работе в редакционных советах, в советах по защите диссертаций.

В заключение можно отметить, что деятельность научных школ БГУКИ в области теории, методики и организации социально-культурной деятельности является важным научно-педагогическим фактором, обеспечивающим подготовку специалистов высшей научной квалификации для учреждений образования и науки Республики Беларусь. В университете активно накапливается потенциал для плодотворной научной и исследовательской деятельности, совершенствуются творческие связи с научными партнёрами, развивается сотрудничество с представителями научной общественности стран ближнего и дальнего зарубежья, прежде всего – с учёными и деятелями науки Российской Федерации.

Литература

1. Асоба ў кантэксце сучасных сацыякультурных працэсаў (Мінск, 12 лістапада 2014 г.) : матэрыялы I Міжнароднай навуковай канферэнцыі памяці Ядвігі Дамінікаўны Грыгаровіч / Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт культуры і мастацтваў. – Мінск : БДУКМ, 2015. – 401 с.
2. *Гажевская Т. С.* Развитие эстетических вкусов молодёжи в литургическом хоровом коллективе : дис. на соиск. учен. степ. доктора педагогических наук. – Минск, 2010. – 189 с.
3. *Грыгаровіч Я. Д.* Фарміраванне эстэтычнай накіраванасці студэнтаў у працэсе падрыхтоўкі да прафесійнай сацыякультурнай дзейнасці : дысертацыя на суісканне вучонай ступені доктара педагагічных навук. – Мінск, 2002. – 263 с.
4. *Грыгаровіч Я. Д.* Эстэтычная накіраванасць асобы студэнта: педагагічны аспект. – Мінск : БДУК, 2002. – 403 с.
5. *Камоцкiй М. В.* Формирование культуры повседневности молодежи села средствами социально-культурной деятельности : автореф. дис. На соиск. учен. степ. доктора педагогических наук. – Минск, 2017. – 24 с.
6. *Макарава А. А.* Функцыянальна-структурныя пераўтварэнні ў дзейнасці

- клубных устаноў у Беларусі : дысертацыя на суісканне вучонай ступені кандыдата педагагічных навук. – Мінск, 2002. – 122 с.
7. *Макарова Е. А.* Теория и технологии арт-менеджмента: научно-методическое пособие. – Минск : [б. и.], 2013. – 129 с.
 8. *Малахова И. А.* Развитие креативности школьников в процессе любительской художественной деятельности : дис. на соиск. учен. степ. доктора педагогических наук. – Минск, 2010. – 301 с.
 9. *Мицкевич Ю. В.* Организационно-педагогическое обеспечение рекламной деятельности культурно-досуговых учреждений : дис. на соиск. учен. степ. доктора педагогических наук. – Минск, 2012. – 215 с.
 10. *Мойсейчук С. Б.* Художественно-творческая деятельность детей-инвалидов как средство их социально-психологической реабилитации : дис. на соиск. учен. степ. доктора педагогических наук. – Минск, 2002. – 145 с.
 11. *Петухова Н. В.* Фарміраванне эстэтычнага ўспрымання прыроды ў падлеткаў – удзельнікаў аматарскіх фальклорных калектываў: дысертацыя на суісканне вучонай ступені доктара педагагічных навук. – Мінск, 2012. – 175 с.
 12. *Ражкова Л. Л.* Фарміраванне нацыянальнай самасвядомасці падлеткаў сродкамі фальклору ў аматарскіх мастацкіх калектывах : дысертацыя на суісканне вучонай ступені доктара педагагічных навук. – Мінск, 2007. – 132 с.
 13. *Рогачева О. В.* Педагогическая коррекция негативных эмоциональных состояний младших школьников в процессе досуговой деятельности : дис. на соиск. учен. степ. доктора педагогических наук. – Минск, 2006. – 147 с.
 14. *Самерсова Н. В.* Экологическая культура личности: социокультурный аспект. – Минск, 2011. – 282 с.

СОВРЕМЕННЫЕ ТРЕБОВАНИЯ К СОДЕРЖАНИЮ ПОДГОТОВКИ МЕНЕДЖЕРА СОЦИАЛЬНО- КУЛЬТУРНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Анна Ивановна ХМАРА,

магистрантка кафедры менеджмента социально-культурной деятельности
Московского государственного института культуры, Москва, Россия

e-mail: anna.khmara@mail.ru

Виктор Михайлович ЧИЖИКОВ,

доктор культурологии, профессор, заведующий кафедрой менеджмента
социально-культурной деятельности Московского государственного
института культуры, заслуженный работник культуры Российской Федерации,
Москва, Россия

e-mail: victor1940@yandex.ru

В статье рассматриваются современные требования к содержанию подготовки менеджера социально-культурной деятельности, обусловленные, с одной стороны, тенденциями развития общества и его духовной сферы, а с другой – нормативными документами, регламентирующими порядок и содержание образовательного процесса для управленческих кадров в социально-культурной сфере. Особое внимание авторы уделяют технологиям обучения, позволяющим сформировать как знаниевую, так и деятельностьную составляющую профессионально значимых компетенций будущих менеджеров социально-культурной деятельности.

Ключевые слова: профессиональная подготовка менеджеров социально-культурной деятельности, компетентностный подход, организационно-управленческая деятельность, профессиональные стандарты, интерактивные технологии обучения.

CURRENT REQUIREMENTS TO THE CONTENT FOR THE MANAGER OF SOCIAL AND CULTURAL ACTIVITY TRAINING

A. I. Khmara, master student of the Department of management of social and cultural activity, Moscow State Institute of Culture, Moscow, Russia

e-mail: anna.khmara@mail.ru

V. M. Chizhikov, Full Doctor of Cultural Studies, Professor, Head of the Department of management of social and cultural activity, the Moscow State Institute of Culture, Honored worker of culture of the Russian Federation, Moscow, Russia

e-mail: victor1940@yandex.ru

The article is devoted to the current requirements manager of social and cultural activities training content, which are determined, on the one hand, by modern trends in the development of society and its spiritual sphere, and, on the other – by normative

documents regulating the order and the content of the professional training for the administrative personnel in the social and cultural sphere. Special attention is paid by the authors to the training technologies that allow to form both knowledge and activity components of professionally important competencies for the future specialists in the social and cultural management.

Key words: professional training of managers of culture, competence approach, organizational and managerial activities, professional standards, interactive teaching methods and techniques.

Интерес к профессии менеджера социально-культурной деятельности и потребность в таких специалистах существенно актуализировались в конце XX века. Как справедливо отмечает в этой связи В. Е. Новаторов, данная профессия «вошла в нашу жизнь практически одновременно с переходом российской экономики к рыночным отношениям. И без того не очень понятное, но “ласкающее слух” словосочетание “социально-культурная деятельность”, появившееся одновременно с развитием рыночных технологий в сфере культуры, соединилось с быстро прижившимся “импортным” понятием “менеджер”. Даже опытные практики не сразу поняли, что произошло и как надо работать в изменившихся условиях» [4, с. 2].

Под изменившимися условиями, на наш взгляд, следует понимать не только переход к построению в России рыночной экономики, но и развитие нового технологического уклада, а также изменение содержания федеральной и региональной культурной политики, когда «субъектами развития и заказчиками изменений всё чаще стали выступать крупные корпорации, государственные структуры разных уровней (ориентированные на повышение внебюджетных доходов), субъекты арт-рынка и т.д.» [3].

Характеризуя вектор изменений, происходивших тогда и осуществляющихся сегодня в социально-культурной сфере, нельзя не отметить следующие тенденции:

– расширение предметного поля деятельности управленцев или, что то же самое, выход за рамки традиционного понятия культурной сферы. Если раньше она представляла собой некие культурные институции, будь то библиотека, музей или галерея современного искусства, то сегодня культурная сфера – это пространство создания новых культурных смыслов, новых культурных практик, новых форматов образа жизни;

– развитие негосударственного некоммерческого и коммерческого секторов в сфере культуры. Если в советскую эпоху культура понималась как нечто самоценное, предполагающее априорное государственное финансирование, то сегодня новый механизм финансирования отрасли направлен на то, чтобы создать условия для «естественного отбора» востребованных обществом институций, которые не обязательно являются государственными или муниципальными. «Сегодня вряд ли можно

ожидать от государства существенного увеличения размеров ассигнований на культуру, а надежды на увеличение финансовой помощи от общественных фондов в настоящее время не всегда реальны. Следовательно, главной задачей становится решение проблемы поиска и привлечения в каждое учреждение культуры своего зрителя, а это заставляет относиться к культурному продукту, услуге как к рыночным категориям купли-продажи, что обязывает менеджеров сферы культуры изучать и знать законы рынка» [10, с. 72];

– расширение зоны малого и среднего бизнеса в гуманитарной сфере вообще и социально-культурной – в частности. Как отмечает Т. Н. Суминова, «сегодня творческие / креативные индустрии как общественные институты – негосударственные театры, клубы, журналы, галереи, независимые художники, сетевые сообщества, блоги и т.д. – существуют в Австралии, Бразилии, Великобритании, Германии, Китае, Литве, России, Сингапуре, США и других странах, формируя «творческое / креативное» пространство сферы культуры и искусства, генерируя идеи / знания / смыслы / коды / символы / тексты / информацию / ценности и т.д. В рамках этих структур возможно предпринимательство в обозначенной сфере человеческой деятельности, позволяющее каждому из представителей социума проявить креативные способности и стать творцом текста / смысла / информации и собственной карьеры» [8, с. 33].

Как следствие, складываются и институализируются различные культурные практики и «индустрии», формирующие заказ на профессионалов, понимающих особенности функционирования конкретных культурных рынков, обладающих современной, отвечающей вызовам и требованиям настоящего времени профессиональной подготовкой.

В современной научной литературе встречается несколько подходов к определению понятия «профессиональная подготовка». Е. И. Бражник и его коллеги, обобщая результаты анализа имеющихся в научной литературе определений понятия «профессиональная подготовка», приводят следующие формулировки [1, с. 11]:

- готовность специалиста к профессиональной деятельности в соответствии с государственными стандартами;
- процесс обогащения деятельных способностей личности;
- процесс постановки, разворачивания, адаптации и «вживления» профессионального контекста в субъективную реальность с последующим запуском его профессионального совершенствования и развития;
- учебная деятельность, связанная с выполнением определённых «специализированных функций в системе технологического разделения труда», включающая расширение и углубление знаний теоретических основ профессии; приращение профессиональных знаний; освоение ноу-хау; совершенствование трудовых навыков;

– учреждение, где осуществляется повышение профессиональной квалификации и переподготовки кадров;

– имеющееся у человека понимание сути дела, знания, умения, навыки, компетенции, позволяющие выполнять профессиональные функции.

Мы, в свою очередь, полагаем, что подходить к определению понятия «профессиональная подготовка» следует с позиций компетентного подхода, на необходимость внедрения которого в образовательный процесс было обращено внимание органов государственной власти ещё в 2005–2006 годах в связи с вступлением России в Болонский процесс.

Обзор подходов, наличествующих в отечественной педагогической литературе, свидетельствует о многообразии трактовок компетентного подхода и компетенции как таковой.

В настоящее время компетенция понимается как:

– подлежащая оценке характеристика индивида, причинно связанная с эффективной деятельностью;

– индивидуальная особенность, способствующая высокому качеству выполнения работы на определённой позиции в конкретном организационном контексте;

– поведенческие аспекты, влияющие на эффективность работы;

– любые индивидуальные характеристики, которые можно измерить или достоверно подсчитать и относительно которых можно утверждать, что они значимы для эффективного или неэффективного выполнения работы;

– основные способности и возможности, необходимые для качественного выполнения определённой работы;

– все связанные с работой свойства личности, знания, навыки и ценности, которые побуждают человека хорошо выполнять свою работу;

– основное свойство личности, которое приводит к эффективному или превосходному выполнению работы;

– набор поведенческих характеристик, необходимых сотруднику для успешного выполнения той или иной работы. Иными словами, с точки зрения оценки персонала это не профессия, не область человеческой осведомлённости в чём-либо, а нужный набор качеств [5].

Приведённые определения являются отражением содержания той или иной теории компетенций, которые с определённой долей условности можно подразделить на:

– «внутренние», или атрибутивные, модели;

– «внешние», или деятельностно-ориентированные.

В рамках первой группы компетенция понимается как свойство, качество человека или набор характеристик, качеств, жизненных установок и поведенческих реакций, которые необходимы индивиду для того, чтобы эффективно выполнять действия, составляющие содержание его профес-

сии (предписанные профессией действия). В рамках второй группы компетенция выступает как деятельность (то, что индивид должен сделать, чтобы считаться компетентным на своем рабочем месте), которую человек должен осуществить соответствующим, предписанным способом, чтобы считаться компетентным.

В первую группу входят поведенческая модель и модель педагогического дизайна. Поведенческая модель разрабатывалась и продолжает разрабатываться учёными США. Ещё в 1954 году известный американский учёный Джон Фланаган, анализируя процедуры отбора лиц в лётный состав ВВС США, сделал вывод о том, что при приёме на работу необходимо принимать во внимание не столько уровень IQ и образование претендентов, сколько содержание их поведенческих реакций в так называемых критически важных в рамках той или иной профессии ситуациях. Дж. Фланаган и его коллеги собрали более 700 критических инцидентов и в ходе их анализа выявили 24 группы важных для пилотов ВВС качеств. Наличие последних впоследствии стало определяющим фактором при принятии решений в ходе профессионального отбора. Собственно, родоначальником теории компетенций принято считать Дэвида МакКлелланда, который в 1973 году опубликовал статью «Testing for Competence Rather Than Intelligence». В ней он изложил результаты исследований, согласно которым традиционные академические тесты способностей и тесты на знание предмета, равно как и школьные аттестаты и университетские дипломы, не гарантируют эффективного выполнения работы или успех в жизни, поэтому он ратовал за тестирование компетенций, под которыми понимал базисные, ведущие личностные характеристики, обуславливающие достижение «превосходного» выполнения профессиональных обязанностей.

Аналогичным образом рассматривает компетенцию Сайн М. Спенсер и его коллеги: компетенция – это базовое качество индивидуума, имеющее причинное отношение к эффективному и/или наилучшему на основе критериев исполнения работы или в других ситуациях [6, с. 9]. Базовое качество означает, что компетенция является очень глубоко лежащей и устойчивой частью человеческой личности и может предопределять поведение человека во множестве ситуаций и решении рабочих задач. Согласно Спенсеру, существует пять типов базовых качеств. К ним относятся: мотивы, психофизиологические особенности, Я-концепция, знание и навык. Один из авторов этой статьи также обращает внимание на данный аспект: «Предпринимателям сегодня нужна не только квалификация работников, которая связана с умением осуществлять те или иные операции, но и компетентность, которая, вбирая в себя квалификацию, обеспечивала бы адекватное социальное поведение, способность работать в коллективе, инициативу, способность к оправданному риску и др. Это значит, что большим приоритетом должны пользоваться выпускники вузов,

которые, кроме знания «джоуля», обладают интеллектуальными, коммуникативными, моральными качествами, позволяющими успешно организовать деятельность людей в социальном, экономическом и культурном аспектах» [9, с. 184].

Ещё одна теория из группы атрибутивных – это модель педагогического дизайна. Как следует из самого названия, используется она для разработки образовательных программ высшей школы и базируется на анализе конкретной профессии с последующим определением знаний, умений, ценностных установок (отношений), необходимых для того, чтобы выполнять предписываемые профессией действия эффективно. Именно в рамках этой парадигмы было сформулировано определение компетенции учёными, включёнными в реализацию международного образовательного проекта «*Tuning Educational Structures in Europe*» (Настройка образовательных структур в Европе). Они определяют компетенции следующим образом: это динамичное сочетание когнитивных и метакогнитивных навыков, знания, понимание межличностных, интеллектуальных и практических навыков, а также этических ценностей.

Аналогичным образом определение понятия «компетенции» было сформулировано в методических материалах Министерства образования и науки: компетенция – это «динамическая комбинация знаний и умений, способность их применения для успешной профессиональной деятельности». С опорой на данную концепцию и были подготовлены федеральные государственные образовательные стандарты, регламентирующие в настоящее время подготовку бакалавров и магистров по направлению «Социально-культурная деятельность». В них приведены перечни общекультурных, общепрофессиональных и профессиональных компетенций, на формирование которых должны быть направлены основные профессиональные образовательные программы по данному направлению подготовки, а также конкретизируется содержание организационно-управленческой деятельности как одного из видов профессиональной деятельности, к которой готовятся выпускники, освоившие, соответственно, программу бакалавриата или магистратуры.

Учитывая специфику организационно-управленческой деятельности, основные профессиональные образовательные программы, разрабатываемые профильными вузами, включают в себя учебные дисциплины по менеджменту вообще и стратегическому менеджменту в частности, по общему маркетингу и инновационному маркетингу как его подсистемы, информационному менеджменту и межкультурной коммуникации.

Определённое влияние на содержание профессиональной подготовки менеджеров социально-культурной деятельности оказывают сегодня и внешние, или деятельностью-ориентированные, концепции компетенции. Внешние модели включают так называемую задачу модель и более

совершенную её форму – «функциональную» модель, которая предполагает сначала выявление общего назначения профессии и последующую её разбивку на иерархически организованную, детально прописанную систему действий (функций). Здесь компетенция понимается как постоянное / устойчивое применение знаний и навыков на уровне, соответствующем стандарту профессиональной деятельности на конкретном рабочем месте. При этом обладание компетенцией предполагает способность переносить и применять знания и умения к новым ситуациям, возникающим на рабочем месте, и новому профессиональному контексту.

Данная концепция была реализована в России в рамках разработки профессиональных стандартов, которые согласно ст. 195.1 Трудового кодекса РФ представляют собой характеристику квалификации, необходимой работнику для осуществления определённого вида профессиональной деятельности, в том числе выполнения определённой трудовой функции.

Как справедливо отмечает Л. А. Соколова, «профессиональный стандарт – это комплексный, систематизированный описатель вида профессиональной деятельности, а не какой-либо конкретной должности. Должность появляется в трудовых отношениях и является элементом (маленькой частью) профессионального стандарта, который задаёт ориентиры как для работодателей, так и для специалистов, ищущих работу» [7, с. 50].

Профессиональный стандарт в обязательном порядке включает функциональную карту вида профессиональной деятельности – перечень обобщённых трудовых функций, представленных в виде таблицы. В состав каждой обобщённой функции входит несколько трудовых функций со своим номером уровня квалификации. При этом обобщённые трудовые функции выстроены, как правило, по принципу трудности освоения: от простого – к сложному, от меньшего уровня ответственности за качество и результаты труда – к большему. Далее каждая обобщённая функция комплексно описывается: по содержанию; по требованиям к образованию; по требованиям к опыту работы. Кроме того, в отдельных профессиональных стандартах описаны дополнительные требования или ограничения, которые необходимо соблюдать при выполнении работы, связанной с данной трудовой функцией.

Проект профессионального стандарта «Руководитель организации культуры и искусства», разработанный Министерством труда РФ ещё в 2013 году, но пока не утверждённый, содержит три обобщённые трудовые функции: 1. Руководство деятельностью подразделения организации культуры и искусства; 2. Руководство организацией культуры и искусства; 3. Руководство организацией культуры и искусства, имеющей общенациональное значение. Каждая из выделенных функций соотнесена с

определённым уровнем квалификации – шестым, седьмым или восьмым соответственно. При этом профессиональный стандарт устанавливает перечень знаний и умений, которые должны наличествовать у выпускника, претендующего на замещение вакантной должности, а следовательно, должны учитываться профильными образовательными организациями в ходе организации и осуществления профессиональной подготовки менеджеров социально-культурной деятельности, а также разработки методических материалов и выбора форм и методов обучения в системе внутриорганизационного обучения и профессионального образования.

Обеспечение соответствия содержания и качества профессиональной подготовки менеджеров социально-культурной деятельности современным требованиям предполагает задействование всего комплекса образовательных технологий, особое место в ряду которых должны занимать, как нам представляется, интерактивные образовательные методики, поскольку в их рамках «студенты свободно могут выражать “себя”, объективно оценивать по восприятию окружающих собственное Я, укреплять свои способности к саморефлексии и саморегуляции, активно включаться в деятельностный и личностно ориентированный учебно-образовательный процесс» [11, с. 189].

Именно интерактивность позволяет смоделировать имитационные профессиональные ситуации, разрешение которых способствует развитию у будущих менеджеров социально-культурной деятельности значимых компетенций, созданию творческого климата в студенческой среде, научению обучающихся стратегии сотворчества и осуществления креативной практики. В связи с этим в ходе проведения семинарских и практических занятий целесообразным представляется использовать деловые игры, разбор кейсов, веб-квесты, симуляции, которые обладают значительным потенциалом формирования не только знаниевой, но и деятельностной составляющей профессиональных компетенций, соответствующих ценностных установок и профессионально значимых качеств и характеристик. Полагаем, что в ходе организации различных видов практики обучающихся следует использовать потенциал ещё одного эффективного, но, к сожалению, малоизвестного в нашей стране метода – метода обучения через общественно полезную (социально значимую) деятельность (*service-based learning*). В самом общем плане такое обучение определяется как обучение через опыт, в рамках которого студент в целях выполнения академических требований на добровольческих началах реализует общественно полезную деятельность. Отличительная черта обучения через социально значимую деятельность связана с тем, что при использовании данного метода обучения студенты учатся и развиваются посредством тщательно продуманной и организованной общественно полезной деятельности, которая осуществляется в местном сообществе и для него; институционально

координируется высшим учебным заведением и местным сообществом, его структурами; способствует повышению гражданской ответственности обучающихся; интегрирована в образовательный процесс и обогащает его для тех студентов, которые в неё вовлечены; предполагает чётко структурированное время для осмысления студентами приобретенного в ее ходе опыта [2, с. 45].

Таким образом, можно заключить, что профессиональная подготовка менеджера социально-культурной деятельности в настоящее время представляет собой процесс и результат формирования у обучающихся в высших учебных заведениях по профильным программам бакалавриата, магистратуры и аспирантуры знаний, умений и ценностных установок (отношений), или, что то же самое, организационно-управленческих компетенций. Их содержание регламентировано федеральными государственными образовательными стандартами по направлению подготовки «Социально-культурная деятельность» и профильными профессиональными стандартами. Данные требования гарантируют эффективное выполнение молодыми кадрами в данной сфере действий, предписываемых профессией, на уровне не ниже минимально предъявляемых требований к профессионализму и качеству выполняемой работы современного руководителя организации культуры и искусства.

Обеспечение соответствия профессиональной подготовки выпускников современным требованиям предполагает задействование всего комплекса образовательных технологий, ориентированных на формирование как знаниевой, так и деятельностной составляющих профессиональных компетенций. Особое место в их ряду занимают интерактивные технологии – деловые игры, кейсы, симуляции, веб-квесты, обучение через общественно полезную (социально значимую) деятельность, поскольку их использование в ходе семинарских / практических занятий, а также прохождение практики позволяет развивать лидерские качества и саморефлексию, обеспечивать духовное развитие студентов, создавать возможности для их свободного самовыражения и профессиональной адаптации.

Литература

1. Бражник Е. И., Лаврентьева О. Г., Лебедева Л. И. Магистерское образование в системе университетского образования Франции и России : коллективная монография. – Санкт-Петербург : Изд-во РГПУ имени А. И. Герцена, 2010. – 309 с.
2. Ефимова Е. В. Обучение через общественно значимую (социально полезную) деятельность как инновационная педагогическая и управленческая технология // Университетские чтения – 2012 : материалы научно-методических чтений ПГЛУ / отв. ред. : З. А. Заврумов. – Пятигорск : Изд-во ПГЛУ, 2012. – С. 45–46.

3. Карпова О. Профессия – менеджер социокультурных проектов [Электронный ресурс] // Федеральный образовательный портал «Экономика, социология, менеджмент». – URL: <http://ecsocman.hse.ru/text/36596642>
 4. Новаторов В. Е. Менеджер культуры : пособие для абитуриентов и студентов специальности «Менеджер социально-культурной деятельности». – Омск : Изд-во ОмГМА, 2007. – 288 с.
 5. Рыбакова А. А. Сущность понятий «компетенция» и «компетентность» // Вестник Ставропольского государственного университета. – 2009. – № 61. – С. 51–57.
 6. Спенсер Л. М., Спенсер С. М. Компетенции at work. Модели максимальной эффективности работы. – Москва : Нипро, 2005. – 384 с.
 7. Соколова Л. А. Внедрение профессиональных стандартов в деятельность образовательной организации // Межведомственные модели оказания социальных и образовательных услуг и практика апробации и применения профессиональных стандартов работников образования и социальной сферы. – Москва : МГППУ, 2016. – С. 50–78.
 8. Суминова Т. Н. Творческие/креативные индустрии как вариант модернизации сферы культуры и искусства // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. – 2012. – № 3. – С. 30–36.
 9. Чижиков В. М. Отечественному образованию поможет импортозамещение // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. – 2015. – № 3. – С. 182–187.
- Чижиков В. М. Управление сферой культуры – технологии эффективного развития // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. – 2013. – № 5. – С. 70–76.
10. Чижикова Е. В. Интерактивные технологии формирования профессионально-управленческих компетенций менеджеров культуры // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. – 2014. – № 2. – С. 188–195.

СОВРЕМЕННЫЕ ДОСУГОВЫЕ ПРАКТИКИ ФОРМИРОВАНИЯ ПРАВОВОЙ КУЛЬТУРЫ МОЛОДЁЖИ В УСЛОВИЯХ ВОЕННОЙ СЛУЖБЫ ПО ПРИЗЫВУ

Виталий Ярославович ПИНДУС,

аспирант кафедры культуроведения и социокультурных проектов
Тамбовского государственного университета имени Г. Р. Державина,
Тамбов, Россия

e-mail: sergey.pindus@yandex.ru

В статье рассматриваются современные досуговые практики формирования правовой культуры молодёжи в условиях военной службы по призыву. Правовая культура рассматривается как интегративное качество личности, которое проявляется в знании основ права, в конкретных практико-ориентированных умениях и навыках, активной гражданской позиции. Охарактеризованы воспитательные мероприятия, направленные на повышение правовой активности военнослужащих по призыву. Раскрыто целевое предназначение внеслужебной деятельности военнослужащих по призыву, направленной на формирование правового сознания, гражданской активности, проектирование правовых действий, правовых взаимоотношений, а также актуализацию приобретённого жизненного опыта. Автор акцентирует внимание на добровольности участия, вариативности выбора форм досуговых занятий, способствующих формированию правовой культуры. Представлен обзор инновационных педагогических и социокультурных практик организации внеслужебной деятельности военнослужащих, нацеленных на развитие правовой активности (правовые вебинары, неформальные образовательные курсы по праву, правовые форсайт-сессии, правовые воркшопы, правовой театр), а также анализируется современный опыт военно-патриотического парка культуры и отдыха «Патриот» (военно-тактические игры, экспозиционные пространства, экскурсионные программы с элементами квеста).

Ключевые слова: социально-культурная деятельность молодёжи, военнослужащие по призыву, формирование правовой грамотности, воспитание правовой культуры.

MODERN LEISURE PRACTICES OF FORMATION OF LEGAL CULTURE OF YOUTH IN CONDITIONS OF MILITARY SERVICE BY CONSCRIPTION

V. Ya. Pindus, post-graduate student of the Department of cultural studies
and social and cultural projects, Tambov State University named after GR Derzhavin,
Tambov, Russia

e-mail: sergey.pindus@yandex.ru

The article deals with modern leisure practices of formation of legal culture of youth in the conditions of military service. Legal culture is considered as an integrative quality of the individual, which can be traced in the knowledge of the foundations of law, in specific practice-oriented skills, active citizenship. The author characterizes

educational activities aimed at increasing the legal activity of conscripts. The purpose of out-of-service military conscription activities aimed at the formation of legal consciousness, civil activity, the design of legal actions, legal relationships, as well as the actualization of the acquired life experience is revealed. The author focuses on the voluntary participation, the variability of the choice of forms of leisure activities that contribute to the formation of legal culture. The article presents an overview of innovative pedagogical and socio-cultural practices of the organization of out-of-service activities of military personnel aimed at the development of legal activity (legal webinars, informative educational courses on law, legal foresight sessions, legal workshops, legal theater), as well as analyzes the modern experience of the Military-Patriotic Park of culture and rest "Patriot" (military tactical games, exhibition space, excursion programs with quest elements).

Key words: social and cultural activities of young people, military conscripts, formation of legal literacy, education of legal culture.

Актуальность педагогического анализа современных досуговых практик формирования правовой культуры молодёжи в условиях военной службы по призыву определяется потребностью в повышении качества воспитательной работы с молодёжью, обеспечении возможностей для полноценной самореализации молодых людей в сфере свободного времени. Сегодня можно отметить возрастающий интерес государства к вопросам организации социально-культурной деятельности военнослужащих в Вооружённых силах Российской Федерации, о чём свидетельствует ряд принятых Министерством обороны Российской Федерации документов, в частности «Стратегический план развития культурно-досуговой работы в Вооружённых силах Российской Федерации до 2020» [4].

Внеслужебная деятельность – важный компонент воспитания, она является одним из определяющих факторов формирования общей культуры военнослужащих, в том числе и культуры правовой.

Прохождение военной службы в Вооружённых силах России предполагает знание основополагающих законодательных документов, регламентирующих её (Конституции Российской Федерации, Военной доктрины Российской Федерации, законов Российской Федерации «О статусе военнослужащих», «О воинской обязанности и военной службе», дисциплинарного устава Вооружённых сил Российской Федерации), а также умение применять эти знания в практических ситуациях.

Зачастую призывной молодёжи свойственны правовой инфантилизм, отсутствие системных знаний о своих правах и обязанностях, а также весьма расплывчатые представления в области военного права.

Такая ситуация способна оказать негативное влияние на процессы формирования правовой культуры личности военнослужащего. С одной стороны, осуществляемые государством преобразования в политической, экономической, социальной сферах, реформирование Вооружённых сил предполагают наличие высокого уровня правовой культуры военнослужащих, но, с другой стороны, не в полной мере решена проблема неуважи-

тельного отношения к законам, несоблюдения элементарных норм права. Поэтому актуализируется общественная потребность в организации педагогической работы по формированию правовой культуры военнослужащих по призыву.

Правовая культура личности – особое качество, позволяющее ей обратиться к ценностям права, реализовать свои способности в ходе ознакомления с правовыми культурными ориентирами. От уровня правовой культуры напрямую зависит продуктивная организация регулирования общественных процессов, происходящих в ведущих институтах социализации: семье, армии, учебных заведениях [8]. В связи с этим пристальное внимание следует обратить на молодёжь, несущую военную службу по призыву, так как именно эта социальная группа обладает существенной степенью выраженности гражданской ответственности, социальной активности и самостоятельности.

Значительным потенциалом в этом процессе обладает внеслужебная деятельность, специфика которой состоит в том, что в свободное от военной службы время военнослужащий самостоятельно или коллективно моделирует общекультурное пространство в зависимости от личностных предпочтений, наиболее полно удовлетворяющих его потребности в познании основ правовых знаний, самовоспитании, а также в восприятии правовых идей, законов и интерпретации современной правовой информации.

Мероприятия, проводимые в условиях внеслужебной деятельности военнослужащих по призыву и направленные на формирование высокого уровня правовой культуры военнослужащих, преследуют несколько функциональных задач:

- *формирующую* (предусматривает целенаправленную выработку у военнослужащих правовых знаний, необходимых для успешного выполнения функциональных обязанностей по должностному предназначению);
- *мобилизационную* (развитие системы правового мировоззрения, направленное на достижение целей, стоящих перед военнослужащим);
- *превентивную* (профилактика девиантного поведения военнослужащего и нарушений уставных норм);
- *развивающую* (развитие интеллектуальных, физических и других личностных качеств военнослужащих).

Традиционными площадками организации внеслужебной деятельности военнослужащих по призыву являются дома офицеров в гарнизоне, клубы и библиотеки воинских частей, музеи боевой славы, комнаты информирования в подразделениях, в образовательных секциях, а среди ведущих форм развития правовой грамотности: а) средства правовой пропаганды (лекции-семинары, полилоги на правовую тему, правовое информирование, организация уголков правоведения, дней правовых знаний и т.д.); б) правовое образование (изучение основ военного права); в) пра-

вовая практика (юридическая оценка своих правовых действий); г) правовое самообразование (самостоятельное изучение нормативно-правовых документов, регламентирующих права и обязанности военнослужащего); д) экскурсии по музеям и военно-мемориальным комплексам; подготовка презентаций о знаменитых полководцах и др.; е) «круглые столы», дискуссии, «встречи без галстуков», задача которых повысить правовую грамотность, дать представление о правах и обязанностях, помочь разрешить сложные ситуации [3]; ж) проведение социально-культурных мероприятий, сопровождающихся мультимедийными презентациями и видеороликами (викторины, защита правовых авторских проектов) [7].

На наш взгляд, эффективность процесса формирования правовой культуры военнослужащих по призыву детерминирована применением инновационных педагогических методик, которые ещё не так известны в воинских частях (правовые вебинары, информальные образовательные курсы по праву, правовые форсайт-сессии, деловые игры, правовой квест, правовые воркшопы, правовой театр и т.д.).

Остановимся более подробно на их содержательной характеристике.

Правовые вебинары, проходящие в онлайн-режиме, являются одной из самых эффективных и прогрессивных форм дистанционного обучения, где основным принципом выступает работа в сотрудничестве с коллегами и экспертами.

Информальные образовательные курсы в области права ориентированы на военную переподготовку в быстро меняющихся условиях, где ключевым фактором инновационного развития выступает самообразование (на выбор военнослужащему предлагается подборка тематических курсов по различным тематикам).

Правовые форсайт-сессии, задача которых объединить экспертов, специалистов и исследователей в сфере правовой культуры для обсуждения перечня необходимых правовых компетенций (в нашем случае военнослужащих), где основными условиями выступают: вовлечённость – включение в организацию форсайт-сессий специалистов, ведущих свою деятельность в разных правовых сферах, проблемные дискуссии, долгосрочный прогноз, выработка консенсусного мнения по ключевым позициям.

Деловые игры, посвящённые военному праву, представляют собой имитационное моделирование реальных ситуаций, возникающих при прохождении воинской службы. Таким образом, необходимые правовые знания усваиваются военнослужащими в процессе информационного обеспечения игровых действий, в формировании целостного образа реальной ситуации.

Деловые игры в области военного права планируются по схеме: выбор военной правовой темы → определение задач игры и юридических мето-

дов ей решения → разработка сценарного плана → подготовка оснащения и дидактического материала → распределение военнослужащих по командам → распределение правовых ролей → проведение игры → анализ, оценка и обобщение мнений военнослужащих – участников игры.

Деловые игры, таким образом, вовлекают военнослужащих в активную правовую деятельность: они охотно участвуют в дискуссиях, отстаивают свое мнение, аргументируя свои ответы, опираясь на нормативно-правовые документы в сфере военного права и российского законодательства. Тем самым в ходе деловой игры развиваются ораторские навыки, оттачивается мастерство публичного выступления, развиваются коммуникативные навыки. На наш взгляд, проводимые деловые игры по военному праву дают стабильно хороший учебный результат – военнослужащие помнят правовой материал.

Правовой квест – интерактивная история с определённым сюжетом, где моделируется некая правовая ситуация, в которой военнослужащим необходимо разобраться, уточнить детали дела, выполнить задания и найти пути решения.

Правовой воркшоп – пока ещё инновационная досуговая форма, актуальный формат занятий, где нет ведущего, а взаимодействие участников осуществляется на паритетных началах, здесь все учатся друг у друга, а также обучают друг друга. Этот формат подразумевает разбор спорных правовых ситуаций, пока ещё не разрешенных законодательно.

Правовой театр, который в своих спектаклях мотивирует военнослужащих к соблюдению необходимых правовых норм, позволяет посмотреть со стороны на реальные правовые процессы, происходящие в армии, а также предоставляет возможность для правового обучения.

Помимо педагогических методик в современной социально-культурной деятельности развиваются интерактивные игровые форматы [2, с. 129], посредством которых происходит погружение военнослужащего в приближенные к боевым условиям действия, а также проводятся экскурсии с элементами квеста.

Одной из инновационных площадок, на которой реализуются вышеперечисленные практики, является военно-патриотический парк культуры и отдыха «Патриот», официально открывшийся в 2015 году, где функционируют военно-исторический комплекс «Партизанская деревня», многофункциональный огневой центр, центр военно-тактических игр, конгрессно-выставочный центр, музейная площадка № 1, а также филиал парка – «Центральный музей бронетанкового вооружения и техники» [5].

Наиболее часто посещают экскурсионные программы парка «Патриот», которые позволяют познакомиться с легендарными образцами бронетанковой техники времён Великой Отечественной войны в «Партизанской деревне», воссозданной с исторической точностью (землянки, блиндажи,

объекты хозяйственного обеспечения), а также с экспозицией противоракетного и противовоздушного вооружения, коллекцией военно-воздушной и космической техники и т.д.

В центре военно-тактических игр – универсальном учебно-тренировочном комплексе, предназначенном для боевой подготовки подразделений Вооружённых сил, созданы экспозиции как в закрытых павильонах, имитирующих городскую застройку, так и на открытых площадках (с опорными пунктами противоборствующих сторон), проводятся военно-тактические игры и групповые занятия, имитирующие боевые условия, по дисциплинам «*Страйкбол*» (командная военно-спортивная игра, участники которой применяют для стрельбы электропневматические копии боевого стрелкового оружия в условиях специально созданной полосы препятствий), «*Фаертаг*» (вместо пластиковых или красящих шариков для поражения противников используется инфракрасный луч, а элементы настоящего оружия сохранены – имитация выстрела, отдача, выброс гильзы и т.д.) и «*Лазертаг*» (высокотехнологическая игра в режиме реального времени, суть которой – поражение игроков-противников безопасными лазерными выстрелами из бластера-автомата).

Также в парке регулярно проводятся бои по танковому биатлону, представляющие собой состязания между танковыми экипажами в искусстве вождения, точности и дальности стрельбы среди Вооружённых сил разных государств и стран мира.

На наш взгляд, формы организации внеслужебной деятельности военнослужащих, применяемые в парке «Патриот», являются действенным инструментом гражданско-патриотического воспитания, формирования уважительного отношения к исполнению служебно-боевых задач.

Таким образом, процесс повышения уровня правовой культуры военнослужащих по призыву в условиях внеслужебной деятельности представляет собой многоуровневую систему качественной правовой подготовки к военной службе, поддерживающую постоянство взаимных отношений личности со средой, её культурно-историческими особенностями и ориентированную на новое правовое, политическое, социальное созидание.

Литература

1. *Ариарский М. А.* Педагогическая культурология : в 2 томах. – Санкт-Петербург : Концерт, 2012.
2. *Григорьева Е. И., Раковская Е. Л.* Организационно-педагогические условия формирования правовой культуры студенческой молодёжи в процессе взаимодействия вузов и учреждений культуры // Вестник Тамбовского университета. Серия : Гуманитарные науки. – 2013. – № 11. – С. 129–134.
3. *Дискакая Н. В.* Публичные центры правовой информации: региональный компонент // Библиотеки в системе правового просвещения населения: инфор-

- мационно-коммуникационные технологии : материалы Всероссийского форума, 17–19 ноября 2015 г., г. Магнитогорск Челябинской области / сост. И. Н. Фадеева. – Челябинск, 2015. – 152 с.
4. Стратегический план развития культурно-досуговой работы в Вооруженных силах Российской Федерации до 2020 : утвержден на заседании Комиссии МО РФ по реализации Стратегии социального развития Вооруженных сил РФ, 2008 г.
 5. Официальный сайт Военно-патриотического парка культуры и отдыха «Патриот». – URL: <https://patriotp.ru>.
 6. Ценностно-смысловое содержание социально-культурной деятельности в условиях современной России : коллективная монография. – Москва : МГУКИ, 2012. – 220 с.
 7. *Шарковская Н. В.* Аксиологическая направленность культуротворческих форм активного досуга современного студенчества // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. – 2018. – № 1. – С. 142–149.
 8. *Щелкунов С. В.* О правовой культуре в Российской Федерации: проблемы и пути их разрешения // Территория права : сборник научных статей. – Курск, 2015. – С. 260–261.

УВАЖАЕМЫЕ АВТОРЫ!

Журнал принимает к публикации статьи, которые ранее не были опубликованы. Статья должна обладать научной новизной, отражать основные результаты исследований автора, соответствовать общему направлению журнала и быть интересной широкому кругу российской научной общественности.

Статья может содержать (при необходимости) минимум таблиц, формул и графических зависимостей. Статью необходимо завершить выводом (выводами). Все аббревиатуры и научные термины следует раскрывать. Не стоит злоупотреблять интернет-источниками. При их использовании необходимо давать ссылки в соответствии с правилами оформления библиографического аппарата научных статей.

Требования к публикации

1. Текст набирают в редакторе Microsoft Office Word, шрифт – Times New Roman, кегль 14, интервал – 1,5.

2. Объём статьи не должен превышать 15–16 тыс. печатных знаков, включая пробелы, но не более 20 тыс. знаков, включая пробелы.

3. Список литературы располагается в конце статьи в алфавитном порядке, библиографические описания в списке оформляются по ГОСТ 7.05–2008, отсылки по тексту статьи даются в квадратных скобках.

4. К статье прилагаются:

а) аннотация (один абзац 100–250 слов) на русском и английском языках, а также ключевые слова к статье на русском и английском языках;

б) сведения об авторе: ФИО полностью, на русском и английском языках (на английском языке ФИО авторов представляются в одной из принятых международных систем транслитерации, желательно использовать Систему транслитерации Американской ассоциации библиотек и Библиотеки Конгресса (ALA-L C)), место учебы и работы, занимаемая должность, контактный телефон (желательно и мобильный), электронный адрес;

в) рецензия научного руководителя и рекомендация кафедры, где выполняется работа, на бланке учреждения, с заверенной подписью (к статье на соискание докторской степени необходимо представить 2 рецензии специалистов в данной области).

5. Статьи принимаются в двух экземплярах – печатном и электронном. Распечатанный на бумаге текст должен быть идентичен тексту электронного варианта.

Редакционная коллегия оставляет за собой право отбора материалов. Статья, после её одобрения редколлегией журнала, может находиться в редакционном портфеле до года. Отклонённые статьи не возвращаются и не рецензируются.

DEAR AUTHORS!

The journal accepts for publication articles that have not been previously published. The article should have a scientific novelty, should reflect the main results of the author's research, should correspond with the general direction of the magazine and should be interesting to a wide range of the Russian scientific community.

The article can include (if necessary) a minimum amount of tables, formulas, and plots. The article should include a conclusion. All abbreviations and scientific terms should be disclosed. You should not abuse the Internet sources. If their use is necessary you should give references in accordance with the rules of registration of bibliographic apparatus of scientific articles.

Requirements for publishing

1. The text is typed in the Microsoft Office Word, font – Times New Roman, size 14, spacing – 1,5.

2. The scope of article should not exceed 15–16 thousand printed characters, including spaces, but no more than 20 thousand characters, including spaces.

3. References should be located at the end of the article in the alphabetical order, bibliographic descriptions in the list should be drawn up in accordance with GOST 7.05–2008, references in the text of the article should be given in brackets.

4. You should add to the article:

a) the abstract (one paragraph of 100–250 words) in English and Russian, as well as keywords to an article in the Russian and English languages;

b) information about the author: full name, in the Russian and English languages (English name of the authors should be represented in accordance with one of the accepted international system of transliteration, it is desirable to use either the International Standard ISO 9:95 (GOST 7.79–2000) or the system of transliteration of American Library Association and the Library of Congress (ALA-LC), place of study and work, position, telephone number (preferably a mobile), e-mail;

c) review and recommendations of the supervisor of the Department where the work is performed in a form of the institution with certified signature; 2 reviews from the specialists in the certain filed should be added to the article for a reward of Doctorate.

5. Articles are accepted in two copies – printed and electronic. The printed text on the paper must be identical to the text of the electronic version.

The Editorial Board reserves for itself the right to select the materials. The article, after its approval by the editorial board of the journal, may be in an editorial portfolio up to one year. Rejected articles will not be returned and will not be reviewed.

Scientific academic journal "Cultural & Education: Scientific Information Journal for Universities of Culture and Arts" is included by the Supreme certification Commission of Ministry of Education and Science of Russian Federation in the new list of leading peer reviewed scientific journals and publications (as of 01.01.2018), in which basic scientific results of dissertations for the award of a scientific degree of doctor and candidate of Educational Sciences and Cultural Studies should be published

It is published since 2008. It is issued four times a year.

The founder of journal is Federal State Budget Educational Institution of Higher Education
«**MOSCOW STATE INSTITUTE OF CULTURE**»

CHIEF EDITOR – CHAIRMAN OF THE EDITORIAL COUNCIL

UZHANKOV Aleksandr Nikolaevich,

Full Doctor of Philology, Professor, Vice Rector for Research of the Moscow State Institute of Culture,
Honored Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation

EDITORIAL COUNCIL

DEPUTY EDITOR

I. A. Esaulov, Full Doctor of Philology, Professor

DEPUTY EDITOR

N. N. Yarosnenko, Full Doctor of Pedagogical Sciences, Professor

EXECUTIVE EDITOR

L. N. Voevodina, Full Doctor of Philosophy, Professor

EDITORIAL BOARD

A. O. Arakelova, Full Doctor of Arts Criticism, Professor,
Honored Worker of the Culture of the Russian Federation

O. N. Astafieva, Full Doctor of Philosophy, Professor,
Honored Worker of the Higher Professional Education of the Russian Federation

N. P. Vidmarovich, Full Doctor of Philology, Professor (Croatia)

E. E. Drobysheva, Full Doctor of Philosophy, Professor (St. Petersburg)

V. A. Esakov, Full Doctor of Cultural Studies, Professor,
Honored Worker of Culture of the Russian Federation,
Honored worker of the General Education of the Russian Federation

L. S. Zorilova, Full Doctor of Cultural Studies, Professor,
Honored Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation

I. I. Irkhen, Full Doctor of Cultural Studies, Professor (St. Petersburg)

A. G. Kazakova, Full Doctor of Pedagogical Sciences, Professor,
Honored Worker of the Higher Professional Education of the Russian Federation

V. V. Lepakhin, Full Doctor of Philology, Professor (Hungary)

R. A. Litvak, Full Doctor of Pedagogical Sciences, Professor,
Honored Worker of the Higher Professional Education of the Russian Federation (Chelyabinsk)

L. S. Maykovskaya, Full Doctor of Pedagogical Sciences, Professor,
Honored Worker of the Higher Professional Education of the Russian Federation

V. V. Milkov, Full Doctor of Philosophy

V. V. Motorin, Full Doctor of Philology, Professor (Novgorod)

N. I. Nezhenets, Full Doctor of Philosophy, Professor

T. K. Solodukhina, Full Doctor of Pedagogical Sciences, Professor

E. Yu. Streltsova, Full Doctor of Pedagogical Sciences, Professor

L. A. Sugay, Full Doctor of Philology, Professor (Slovakia)

E. A. Fedorova, Full Doctor of Philology, Professor (Yaroslavl)

D. V. Shamsutdinova, Full Doctor of Pedagogical Sciences, Professor,
Honored worker of science of the Republic of Tatarstan (Kazan)

N. V. Sharkovskaya, Full Doctor of Pedagogical Sciences, Professor

